

Борис Лурье

ДОМ АНИТЫ

**Предисловие и комментарии
Теренс Селлерс**

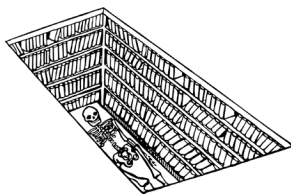
*Перевод с английского
Юлии Кисиной
и Валерия Нугатова*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 США

52†

Boris Lurie House of Anita

Редакторы: Анастасия Грызунова
Игорь Сатановский
Дмитрий Волчек

Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Дарья Громова

Корректор: Александра Кириллова

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Русский перевод книги публикуется
при поддержке Boris Lurie Art Foundation, New York

Благодарим за помощь
в переводе Александру Королеву

В оформлении обложки использован
коллаж Бориса Лурье

Copyright © 2016 of NO!art Publishing

Перевод © Ю. Кисина, 2017

Перевод © В. Нугатов, 2017

© Kolonna Publications, 2017

ISBN 978-5-98144-237-7

Юлия Кисина

ГИТЛЕР И СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

5

Порнографический роман художника Бориса Лурье

Путь от просто человека к человеку
истинному лежит через человека безумного.

Мишель Фуко. «История безумия».

Нас возбуждает не объект
похоти, а сама идея зла.

Маркиз де Сад

Вопль о факте

Вы держите в руках самый целомудренный, чистый и грустный порнографический роман. Шокирует не его содержание (опытного читателя тяжело вывести из равновесия), шокирует сам факт написания такого текста бывшим узником концлагеря.

«Дом Аниты» – произведение авангарда, текст своим абсурдом граничит с произведениями дадаизма. Порой он гротескный и даже смешной, подобный текстам Рабле, а по дерзости напоминает «Скромное предложение» Джонатана Свифта.

В этом переводе с английского мы возвращаем текст его родной язык. Родным языком американского художника и писателя Бориса Ильича Лурье был русский.

Ленинград–Рига–Нью-Йорк

- 6 В январе 1924 года, на четвертый день после смерти Ленина решением Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петроград был переименован в Ленинград. 18 июля в новоиспеченном городе Ленинграде родился Борис Лурье.

Его дед по отцовской линии был родом из Витебской губернии, из города Лепель. Он был специалистом по обработке кож. До революции отец художника, Илья Лурье, тоже занимался кожаным производством, и благодаря высокому доходу, ему, еврею, было позволено жить в столице. Во время гражданской войны он наладил для Красной армии производство сапог и ремней. Тем не менее, родители ненавидели советскую власть. При первой же возможности, в 1934 году, семья переехала в республику Латвия, подальше от Советов. София Борисовна, мать художника, открыла в Риге зубоврачебную практику.

В городе с либеральной еврейской общиной не было отдельной еврейской школы – дети из еврейских семей получали общее образование вместе с детьми остзейских немцев, а иудаизму и древнееврейскому языку учились дома или при синагоге. Трое детей из семьи Лурье – Борис и его сестры, Ася и Жанна, – учились в немецкой школе.

Лурье свободно говорил и писал на пяти языках: русском, немецком, английском, итальянском и латышском.

Борис мечтал стать художником, как и его двоюродный брат, Эммануил Чашкин, который жил в Москве и рисовал политические карикатуры для сатирических советских журналов.

Летом 1940 года в Латвию вошли части Красной армии. Было создано просоветское правительство. А когда Борису исполнилось 17, в начале июля 1941-го, в Ригу вошли немцы. При поддержке Латвийской националистической полиции сразу же начались массовые расстрелы евреев. Через четыре дня после вторжения было сожжено здание Большой хоральной синагоги, в которой сгорели 500 человек, в том числе дядя отца – Моисей. Брат матери – Залман, которого Борис Лурье в своих воспоминаниях называет «хиппи», – был расстрелян прямо на улице. До октября в Риге было убито 6378 человек.

В октябре всех евреев согнали на окраину города, в гетто. Первоначально оно было огорожено колючей проволокой, затем – шестиметровым забором. В гетто содержали трудоспособных жителей – в основном мужчин, владеющих рабочими специальностями. В начале ноября 1943 года гетто было ликвидировано, жители перевезены в концлагерь Рига-Кайзервальд.

30 ноября и 8 декабря 1941 года в Румбульском лесу, на окраине Риги, немцы совместно с латышскими коллаборационистами уничтожили около 26 тысяч евреев, в основном женщин и детей.

Борис до мельчайших подробностей помнил тот декабрьский день, когда исчезли его близкие.

В понедельник, 8 декабря 1941 года он проснулся около четырех утра, и что-то вытолкнуло его на улицу. Через глубокие сугробы он украдкой пробрался к забору из колючей проволоки. Отсюда был виден дом, в котором его мать, сестра Жанна и бабушка провели несколько дней перед тем, как были «эвакуированы». Шел снег. Слышны были крики охранника или полицейского. Началась переключка. Неясные тени топтались на морозе в ожидании транспорта. Среди них не было его близких. «Я вернулся в комнату к отцу, чтобы уснуть... Мой сон был безмятежным. Мы проснулись рано и вышли на улицу, где были выстроены колонны рабочих... Когда мы вернулись из мастерских, нам стало известно, что заключенные, которые не вышли на работу в Арбейтслагер, были увезены в автобусе в сторону Румбулы, чтобы никогда не вернуться». Той же ночью женщин вывезли в лес и расстреляли. Была расстреляна и первая любовь Лурье – Люба Трескунова. Все были убиты выстрелами в затылок и сброшены в общую яму. Спаслась только Ася – еще до войны родители «выслали» ее замуж в Италию.

Лурье едва мог понять, что произошло, даже отрицал это сам в течение многих лет, хотя, как он писал позже, все знал. Каждый день он возвращался к последним часам своих близких. Каждый день представлял себе расположение их тел в ямах, куда они упали после выстрелов.

Операцией руководил обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Еккельн. Он придумал особую систему, при которой можно было сэкономить патроны, убивая выстрелом в затылок. В ямы люди падали рядами. Это называлось «упаковка сардин».

А в августе 1944 г. Лурье с отцом были переведены в концентрационный лагерь Штутгоф на территории оккупированной Польши. В историю он вошел «благодаря» тому, что там варили мыло из человеческих трупов. Лурье был обречен на смерть. Штутгоф он вспоминает так:

«Я смотрю в окно нашего барака в Штутгофе. Группа лагерных детей в возрасте от восьми до четырнадцати лет – мне самому было девятнадцать – собраны за забором. Они веселы, возможно, получили хорошие дорожные пайки и отправляются в концентрационный лагерь Освенцим».

9

Его тоже распределили к детям. Не желая расставаться с отцом, во время «отбора» Лурье оторвался от этой группы и, перейдя через площадь, присоединился к отцу.

«...когда я пересек „Апельплац“ перед носом у полиции и СС ... я совершил самоубийственный поступок».

В суматохе его никто не остановил.

Лурье пережил четыре концлагеря, последним был Бухенвальд-Магдебург. Отец и сын старались держаться вместе. Тем не менее, в конце войны они потерялись.

Когда в 1945-м подоспели американцы, немцы были в смятении, и лагерь охранялся уже не так хорошо. Лурье удалось сбежать. Таким образом он избежал смерти – оставшихся узников уничтожали. Недельку прятался в руинах, которые остались после бомбежек, а потом вернулся в опустошенный лагерь и проспал там несколько дней.

И тут начинаются чудеса. «Борис, вставай», – он слышит голос отца. Может быть, это галлюцинация от голода? Откуда здесь отец, да еще и в ши-

карном костюме и в шляпе? – «Борис, вставай и выброси эту дурацкую лагерную пижаму. Я принес тебе хороший костюм».

За неделю отец нашел себе квартиру и продавал вино русским военнопленным, выкапывая его из немецких погребов. Вскоре его немецкий бизнес процветал.

10 В течение года Лурье работал в Корпусе контрразведки армии США в Германии. В 1946 году он переехал в Нью-Йорк и занялся живописью.

Его отец стал миллионером. Сын жил в своей мастерской в Нижнем Манхэттене как в концлагере. К своим деньгам он не прикасался и после смерти отца.

Лурье всегда осознавал свою особую миссию. В романе «Дом Аниты» в главе «Раскрытие фактов моей биографии» он рассказывает:

«Анита описывала мое рождение: солнце на миг остановилось... и вся планета застыла на своей оси. Птицы в далеких северных странах неистово заметались, словно почуяв, что близится конец света.

Так я и появился на свет, однако жизнь шла привычным чередом. Природа наделила меня всем необходимым, чтобы я устремился либо к величию и власти, либо к невзгодам и боли».

Он ненавидел капитализм, сексизм, продажность. Он не хотел, чтобы искусство украшало салоны. Такое искусство он воспринимал как порнографию. В самом начале шестидесятых вместе с группой нью-йоркских художников он провозгласил рождение «не искусства» – NO!art.

В октябре 1975 года Лурье посетил Ленинград и Ригу. Он прибыл туда почетным американским гостем, и, вопреки его желанию, с ним носились как с писаной торбой.

Но до этого произошла еще одна удивительная история. В 1962 году в Нью-Йорке он встретил свою большую любовь. Она – галерист. Ее имя – Гертруда Стайн. Она умная и энергичная. Она производит неизгладимое впечатление силой своей личности. Такая женщина свернет горы. Разумеется, это была не та Гертруда Стайн, но метафизический двойник прославленного оригинала. Гертруда заменила Борису Лурье семью. Она заменила ему даже властного отца! В 1962 году они вместе открыли галерею.

11

Действие порнографического романа «Дом Аниты» разворачивается в ее огромной квартире в верхнем Манхэттене.

Травма и авангард, литература и зло

Авангарду предшествует травма. Травмированное сознание не знает границ – ниже не упадешь, поэтому одним из важнейших признаков авангарда является нарушение правил. В данном случае речь идет о табу сексуальности. И здесь безусловными предшественниками Лурье являются маркиз де Сад, Жорж Батай и Жан Жене. Лурье еще раз демонстрирует, что после Холокоста любые ограничения сняты, поскольку нарушены все моральные нормы. Тут речь идет о тотальной потере стыда. Такая литература подобна изнасилованному человеку, которому уже все равно и который может только кричать о своем бессилии и отчаянии. Роман «Дом Аниты» – это вопль, но только не о помощи, а о чудовищном факте. Художник, который даже не собирается исправлять обреченный мир,

вопит. Авангард бесстыден, беспардонен, циничен, а порнография такое же легитимное средство письма, как любое другое.

В своей прозе, так же, как и в своем искусстве, художник и писатель Борис Лурье говорит о двух вещах, сопровождающих насилие, – о власти и сексуальности.

В книге три части, по сути это могли быть три тома.

12

В первой, самой порнографической части, действие происходит в специальном заведении тюремного типа, подобном «Паноптикуму» английского утилитариста Джереми Бентама, работавшего в 1791 году модель идеально просматриваемой тюрьмы. Здесь Лурье описывает мир, где тотальный контроль распространяется на секс и на сновидения.

В предисловии ко второму изданию нью-йоркская писательница и домина Теренс Селлерс, убежденная в том, что садомазохизм можно практиковать в терапевтических целях и использовавшая эту практику в контексте нью-эйджа, пишет о генезисе современной садомазохистской эстетики, где салон и бордель перемешан с Третьим рейхом.

Читатели «Аниты» зададутся вопросом: был ли Лурье либертином? Нет. Играл ли он в это? Однозначно.

Порнография соседствует с Холокостом в порядке метафоры, оценочного и метафизического двойника. Боль и наслаждение, смерть и «маленькая смерть» (оргазм), смерть и секс, порнография и политика, садизм и политика – брачные пары.

Если Клоссовски привязывает маркиза де Сада к Французской революции, то в своем предисло-

вии Теренс Селлерс объявляет Бориса Лурье новым де Садом, порожденным фашизмом.

Итак, что предшествует уродливому браку порнографии и Холокоста?

Идеология всегда встречается с телом. В случае Лурье она пересекается с телом в точке, которую Фуко в своей книге «Надзирать и наказывать» называет «политическая анатомия».

«Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается „политическая анатомия“, являющаяся одновременно „механикой власти“. Она определяет, как с необходимой быстротой и эффективностью можно подчинить себе тела других...»

13

На сей раз это экстремальная политическая анатомия фашизма.

Утопическая реальность концлагеря, напоминающая идеальное платоновское государство с его бесчеловечным порядком, является тайным государством внутри государства – наивысшее выражение власти. Человек становится объектом, сырьем, средством, рабочим инструментом, используется, аннулируется и перерабатывается.

Борис Лурье предвосхитил то, о чем спустя много лет написал Джорджо Агамбен в «*Ното Сасер*» (1995), имея в виду совершенную незащищенность биологической «голой» жизни перед идеологическим насилием, и то, о чем начал писать Фуко: о биологической власти. Холокост – экстремальный пример такой абсолютной власти, пример современного рабовладельческого строя.

Но как вообще писать о Холокосте? Как писать о войне? Как писать о насилии? Все репортажи о войнах одинаковы – перед ними наше сознание капитулирует и закрывается. В художественном произведении у нас есть «возможности», и по прочтении его текста Б. Лурье сполна вознаграждает нас рефлексией.

14 Лурье понимал себя как радикального политического художника и писателя. Известно, что он был в восторге от фильмов Алехандро Ходоровского (об этом он пишет в одном из писем), в «Доме Аниты» он цитирует Мисиму, он дружил с художниками из группы *Arte Povera* и т. д.

На это время, на шестидесятые и семидесятые приходится «Эпоха Экскрементов» в современном искусстве. Это очевидная реакция на то, что пережил мир между 1939-м и 1945-м. На Мусорной выставке 1964 года Сэм Гудман из группы No!art выставляет «Говняные скульптуры». В 1961-м итальянец Пьеро Мандзони производит 90 банок с консервированным «Дерьмом художника». Другие члены группы, – писатель Элмер Л. Клайн, писатель и художник Иссер Ароновичи, искусствовед Дори Аштон, – все так или иначе касаются этой темы. Не будем забывать, что как раз на это время приходится расцвет движения *Fluxus* и ситуационизма, основанного во многом на текстах Ги Дебора, расцветает венский акционизм, Вали Экспорт водит на поводке Петера Вайбея, превращенного в собаку, призывает прохожих щупать свою обнаженную грудь, устраивает стриптиз с оружием в руках. В это же время в Лондоне Густав Метцгер организует перформансы на городской свалке и выставляет в галереях самый настоящий мусор и т. д. «Эпоха Экскрементов» в искусстве не знает конца...

Разумеется, «Дом Аниты» – не единственное художественное произведение, посвященное тандему фашизма и садомазохизма. В этом ряду – «Раскрашенная птица» Ежи Косинского, «Дом кукол» К. Цетника, «Толстая тетрадь» Аготы Кристоф, «Ночной портъе» Лилианы Кавани. Горы голых мертвых тел из концлагерей, запечатленных на фотографиях и в хронике, визуально похожи на оргию. Многие, вспоминая свое первое впечатление об этих снимках, говорят об эротическом вуайеризме.

15

Замкнутый круг: танатос и эрос. Но это превосходит теорию: мы имеем дело с голыми фактами убийства, его документации, переосмысления, с попыткой переварить чудовищную информацию. Перед нами неразрешимость собственного бессилия: факт обесмысливает любую попытку рационального восприятия.

Поскольку литература рождается из дискомфорта, любое малое или большое произведение серьезной литературы – это взаимоотношение со злом, попытка понять его природу. Зло в романе Лурье карикатурно, поэтому в нем отсутствует сентиментальная метафизика. Роман пропитывает глубокая ирония, порой он становится откровенно смешным.

Вторая мировая война радикализовала все: прежде всего, левые стали еще левее! Фашизм породил не только эстетику садизма, но и сексуальную революцию (термин Вильгельма Райха 1946 года). В относительно секуляризированной Европе к этому времени уже давно был усвоен Зигмунд Фрейд. В СССР попытки сексуального освобождения начались с Октябрьской революции. В 1920-е

годы была распространена «Теория стакана воды» – заняться сексом просто, как выпить стакан воды. В 1924 году в Москве возникло движение радикальных нудистов «Долой стыд!».

Но окончательно упразднила стыд студенческая революция 1968 года. Работа над романом началась как раз в этот период.

16 Сексуальная революция и расцвет порно сразу же прижились в контексте поп-культуры, а Лурье продолжает оставаться в рамках авангардной литературы и политического искусства.

На фоне многочисленных освободительных движений в Америке 1960–1970-х возникла мощная волна феминизма. Отношение Лурье с проявлениями «эмансипации» были неоднозначными. В 1969 году в Нью-Йорке действовала группа «Радикальные женщины Нью-Йорка», основанная Суламифь Файерстоун и Анной Кедт. При всей симпатии к феминизму ее радикальные проявления пугали даже виды издававшего Лурье. Эта неприязнь заметна и в романе.

Послание к евреям

В пятидесятые в Нью-Йорке было много уцелевших после «окончательного решения еврейского вопроса». Нерелигиозные беженцы стали создавать в Бруклине так называемые хасидские общины, которые, разумеется, не имели ничего общего с традиционным хасидизмом, описанным у Эли Визеля или у Мартина Бубера. Большинство уцелевших жили в нищете. Они страдали от посттравматического синдрома, многие кончали с собой. Волна выживших привезла из Старого Света

отчет о геноциде, в то время, когда американский геноцид индейцев уже был давно вытеснен из сознания. Именно поэтому американский протестантский истеблишмент, а заодно и американские евреи руководствовались принципом «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов».

В романе «Дом Аниты» Борис Лурье обращается к ним. Он прибегает к стратегии от обратного – к отнюдь не смешной иронии в форме «концентрационного цирка».

17

Автор пишет свое «Послание к евреям»: он не только становится на сторону своих мучителей, но в самой ткани письма перенимает роль антисемита. Как и Ханна Арендт, Борис Лурье постоянно ставит вопрос о свободе воли и о внутреннем рабстве. Он адресует эту книгу еврейскому послевоенному сообществу, которое, не успев выйти из-под власти фашизма, оказалось в тисках у собственного страха. Зато, в отличие от Арендт, его констатации не стали ни обвинением, ни оружием в руках послевоенных фашистов.

Но горькая ирония, самоотрицание и выворачивание – типичны: возьмем, к примеру, современного Бората из фильма Саши Барона Коэна: суицидальная самоирония превращается в щит. Лурье доводит этот литературный прием до «отвратительного» накала – призыв к морали через пинок.

Главный герой

В книге отсутствует ее главный герой – Гитлер.

«Кто самый великий художник нашей эпохи? Дюшан? Пикассо? Борис Лурье? Или это Адольф

Гитлер? Последний, кажется, наиболее вероятным кандидатом на этот августейший титул: „Великий художник разрушения”, который оставил неистребимые следы своих шедевров. Давайте проанализируем беспристрастно ... этот художник наиболее эффективно повлиял на свое время, и эффект его будет воздействовать еще на многие последующие поколения», – пишет Лурье в своих мемуарах.

18

Что касается восприятия войны как художественного произведения, здесь мы сталкиваемся с психологической защитой, подобной реакции композитора Штокхаузена, объявившего трагедию 11 сентября величайшим перформансом всех времен.

Не один Лурье воспринимает Гитлера в качестве трансгрессивного литературного героя. Вспомним фильм Сокурова «Молох» или проект «Нацисты» художника Петра Укланьского, собравшего коллекцию фотографий голливудских красавцев в ролях офицеров Вермахта...

Символический еврей как эротический объект

Еврей в литературе может быть исключительно символической фигурой.

Но что касается антисемитизма – давайте заглянем в политическую историю: в религиозной борьбе двухтысячелетней давности победило христианство. Евреев объявили богоубийцами. Богоубийцы подвергались преследованию. Факт постоянного травмирования евреев в христианской действи-

тельности остается фактом. Отсюда – авангард, бунт, анархизм, спор, энергия, и если хотите, – вопль. Так что Гитлер – всего лишь одно из многочисленных действующих лиц. Результат многовековой травмы – еврейский авангард.

Описывая садомазохистские отношения символических евреев и символических не евреев, то есть художников и не художников, Лурье доказывает то, о чем говорит Пьер Клоссовски в эссе «Маркиз де Сад и Французская революция»: «...если романтическая душа, которая не что иное, как ностальгическое состояние веры, осознает себя, возводя свою страсть в абсолют... то садистская душа осознает себя только через объект, возбуждающий ее мужественность и утверждающий ее в состоянии возбужденной мужественности, которая, в свою очередь, становится парадоксальной жизненной необходимостью и начинает чувствовать, что не может быть в возбуждении».

Уточнение Жоржа Батая подводит нас к системе Лурье: «...обсуждаемый объект, сравниваемый с Богом (Клоссовски – христианин, и сам первый предлагает такое сравнение), не дан изначально как Бог правоверному. Объект как таковой (человек) еще ничего не значит: его надо изменить, чтобы получить от него желаемое страдание. Изменить – то есть разрушить».

Символический (или не символический) немец испытывает к символическому еврею эротическое вождение и удовлетворяет его через преобразование и разрушение субъекта желания (глава в «Доме Аниты» про еврейку Джуди, превращение ее в артефакт).

История и персонажи

Прототипы романа нам хорошо известны, но не буквальны.

Главный герой Бобби – это сам Борис, которого друзья называли Боб, Бобка.

20 Анита – многолетняя подруга и соратник Бориса Лурье – знаменитая галеристка и арт-дилер Гертруда Стайн, которая поддерживала художника во всех его начинаниях и стала его музой.

Альдо – Альдо Кораделло, итальянский дипломат, попавший в концлагерь только потому, что имел несчастье работать в довоенном Лейпциге и жениться на еврейке. Альдо Кораделло действительно был капо – надсмотрщиком в лагере – и относился с глубоким пониманием к остальным узникам. Он помогал юному Борису Лурье и его отцу выживать.

В книге всплывают разнообразные персонажи из жизни Лурье. Птица Яша со стальным членом – это его школьный друг Яша, который после войны жил в Праге.

Гельдпейер – известный нью-йоркский куратор Генри Гельдцалер, который был другом Джексона Поллока, Виллема де Кунинга, Джаспера Джонса, Фрэнка Стеллы и, прежде всего, Энди Уорхола.

Ханна Поланитцер – кто-то из влиятельных арт-дилеров 1960–1970-х: Илеана Соннабенд, Пегги Гуггенхайм или Пола Купер.

Мать семейства – Софья Борисовна Лурье, мать писателя. Вот разговор с призраком матери:

«– Вы голодные? Устали, небось, с дороги? С 1941 года?»

– Спасибо, но нам нужна пища не для желудка... а для ума... никакой икры и шампанского. Нет уж,

спасибо. Из деликатесов мы питаемся, хотя и редко, лишь пистолетами, пулями и гранатами».

Лурье пытался посмотреть на себя как на субъект истории. Создав свою нишу в послевоенном политическом искусстве – NO!art, Лурье пытался включить в орбиту своего протеста Альберто Моравиа, Жан-Поля Сартра, Луи Арагона – тех, кто составлял в послевоенное время интеллектуальную элиту Европы и с кем он вел переписку.

В Нью-Йорке Лурье оказался скорее в ловушке – на самом дне, в нижнем Ист-Сайде, нищем и опасном в ту пору районе Манхэттена. Вход в роскошные галереи Сохо и потом Челси, торговавшие минимализмом и абстракцией, – своеобразное бегство от политики, – был ему заказан. Он не мог стать показательным американским счастливецом, которого можно выставить в витрине капитализма на рынке холодной войны.

Описание художественного критика и напыщенного самодовольного интеллектуала Гельдпейера похоже на изображения ученых на летающем острове Лапута Джонатана Свифта.

Сравним:

Свифт: *«...Лапутяне-ученые настолько поглощены напряженными размышлениями, что каждый из них имеет слугу, который, постукивая по голове хозяина надутым пузырьем с горохом, обращает его внимание на окружающий мир. Они не способны ни говорить, ни слушать речи собеседников, пока их внимание не привлечено каким-нибудь внешним воздействием».*

Лурье: *«Гельдпейер он держит очки в руках между широко раздвинутыми ногами... очки колотят его по бугорку над промежностью, что, по*

всей видимости, помогает процессу мышления. Так что мысли его текут с напором могучей неостановимой реки».

Появление в тексте домины-галеристки, отбирающей молодых художников на выставку в зависимости от крепости и длины пениса, необыкновенно ядовито, но совершенно точно.

22

Борис Лурье критикует пресловутое «художественное производство» и, быть может, является одним из пионеров в этой области, поскольку лишь через сорок лет критика производства, рынка и товарных отношений становится центральной темой художественного дискурса.

Он идет дальше теоретика Клеменса Гринберга, в 1939 году написавшего программную статью об авангарде и массовой культуре «Китч и авангард». Гринберг говорит о лениности душевного усилия масс, превращающей культуру в китч. Лурье критикует лень самой культуры. Но больше всего он нападает на зажавшуюся нью-йоркскую элиту, которая казалось бы, должна была стать совестью эпохи. Тем временем интеллектуальная элита Нью-Йорка перерабатывает в китч поп-арт, абстрактных экспрессионистов, минимализм, концептуализм, и ей нет никакого дела до политической сути искусства. Лурье не может принять формальное искусство, так же, как не принимает этого и герой романа Воннегута «Синяя борода». В конце романа об абстрактных импрессионистах художник открывает свое сокровенное полотно. Оно фигуративно. Оно реалистично. Оно изображает конец войны.

«Дом Аниты» существует на грани между концептуальной литературой и тем, что мы могли бы назвать «поэмой», по аналогии с гоголевскими

«Мертвыми душами». На самом деле «Анита» – антиутопия культуры, эксплуатации идей, превращения травмы в товар, в мерчандайзинг:

«Это сделал Джакометти специально для меня, ... – Вы, конечно, знакомы с его последними работами – истощенными концлагерными фигурками из золота? А вот это создал Марсель Дюшан – слепок вагины его жены. ... – Это – просто пенис, пронзенный стрелой. Но ведь красиво, правда? Очень современно...»

23

В какой-то момент саркастический и циничный тон повествования меняется. В главах «Еврей в шкафу», «Странники» и «Дом рушится» вдруг проступает истинный голос Лурье. Автор извлекает из темной глубины шкафа, как из могилы, измученного в концлагере мертвого человека, который просит оставить его в покое. Чуть позже в прихожей Аниты появляются призраки – советские мертвецы: благородная женщина (мать Лурье), русский солдат Иван, девушка с ребенком и бабушка. Все они погибли под Ригой. Их гибель преследовала Лурье всю его оставшуюся жизнь и сопровождалась чувством вины за то, что он выжил.

Неожиданно он говорит с ними на русском – скрытом, тайном, глубинном языке, который в его новой реальности был полностью вытеснен. Лурье испытывает к русскому солдату самые теплые чувства. Он описывает свою бабушку, говорящую с акцентом провинциальной еврейской женщины из Белоруссии, а девушка – его детская любовь Люба, которая держит в руках его символического ребенка – у Лурье никогда не было детей. Всех этих мертвых людей послал Сталин.

Да, Лурье был сталинистом. Он был благодарен Сталину за победу. Его позиция в данном вопросе была определенной. В «Аните» он описывает визит Иосифа Виссарионовича в Нью-Йорк!

24 Вторая часть книги полна пророчеств и фантазмагорий. Делириум, порожденный невероятностью происходящего, оборачивается в «Доме Аниты» «военным феминизмом» – тут аналогия с военным коммунизмом. Страдание, вызванное контрастом между боевыми женщинами Нью-Йорка и бессильными жертвами, освобождает от нравственных барьеров.

Поистине библейский размах приобретает описание американского Армагеддона и разрушения Нью-Йорка. Входят советские войска. Город из цитадели капитализма превращается в эпицентр марксизма. Текст Лурье пересекается с песней Леонарда Коэна *First We Take Manhattan*, с фильмами Годара «Уикенд» и «Банда аутсайдеров», с пафосом «красных бригад» и т. д. Из-под земли вылезает всякая тварь. На улице лежат растерзанный слон и трупы красных черепаш. Летучие мыши улетают в Израиль, спасаясь от истребления.

Третья часть напоминает русскому читателю «Мифогенную любовь каст» – это такой же беспорядочный текст, полный удивительных фантазий, сказка для взрослых, образец психоделической прозы.

В тексте постоянно упоминаются Россия, Америка, Германия и Израиль. Среди всех этих стран вдруг возникает Албания, описанная в духе Кампанеллы. Албания Лурье – это утопия, территория сновидения. Поскольку во время холодной войны реальная Албания была одной из самых закры-

тых, а следовательно таинственных и загадочных стран, Албания Лурье является легитимной территорией вымысла.

В тексте можно отыскать оазисы добра и целомудрия:

«Я всего лишь младенец, голый младенец в снегу. Теперь я окружен стаей голодных волков, они надвигаются – и тут ко мне подходит Волчица, зубами она поднимает меня из обжигающе-холодного снега и отбрасывает в сторону. Она лижет меня и прижимает к своему теплему животу, трется об меня сосцами, и волчья стая отступает. Я сосу молоко Волчицы, а она вылизывает, ласкает и согревает меня».

25

Прообраз этой «капитолийской» волчицы – любимая немецкая овчарка Лурье по имени Панч, которую он называл «леди» и которая стала для него символической матерью. В своих дневниках-воспоминаниях Лурье пишет:

«У меня такое ощущение, что эта темная красавица сопровождала меня всегда, даже в годы войны. Эта немецкая овчарка с темными глазами напоминает мне о моей матери».

Кроме реальной музы Гертруды Стайн, у Лурье была своя Беатриче – погибшая Люба, Любовь. Всю свою жизнь, весь свой поход в ад он посвящает служению этой тени. Она осталась там в земле, на востоке Европы, в СССР, на месте утопии, уходящей в прошлое. Она неожиданно появляется в одной из глав и тут же растворяется в небытии.

«...Ее темно-соломенные волосы будут щекотать мою щеку... Волосы моей любви пахнут лесом, лесными прудами. Она касается моего лица – и больше ничего».

Таким образом, текст постоянно дрейфует от

почти религиозного чувства к жесткому порно:

«Я возвращаюсь к анусу, очерчиваю носом круги вокруг него, перемещаюсь в верхнюю часть ущелья, на мостик, где начинается талия, молочно-белая полоса, зимняя дорога между двумя заснеженными холмами моей целомудренной юности».

И мы опять погружаемся в американскую порнографию: в Америке Бориса Лурье чувствам вообще нету места. Вместо них – вопиющий китч, имитация.

26

«Дом Аниты» – квартира напротив Центрального Парка в верхнем Манхэттене – существует по сей день. Внизу днем и ночью сторожат лакеи в ливреях. Они никогда не спят. Они не едят. Они только исполняют свои обязанности.

Ты поднимаешься в золотом лифте,ходишь в прихожую и проваливаешься в пространство романа:

«Прихожая – странно сплюснутый овал, и там нет никакой мебели, не считая длинного прочного стола... Единственный источник освещения – светящийся белый шар, подвешенный в центре потолка...»

С тех пор, как был написан роман, в квартире почти ничего не изменилось. С документальной дотошностью Лурье описывает мебель, произведения искусства, кабинет Аниты, и тебя начинают окружать плотной толпой призраки из романа: Гельдпейер, Поланитцер, Джуди, Тана Луиза и другие...

Приятного чтения.

Теренс Селлерс*

27

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ БОРИС ЛУРЬЕ

На поверхностный взгляд «Дом Аниты» Бориса Лурье может показаться лишь претенциозным образчиком садомазохистской эротики.¹ Но уже на первых страницах всплывают тревожные детали, и читатель начинает догадываться, что «Дом», где разыгрываются почти все сцены, – не просто вымысел, основанный на каком-то необычайно

---

* Теренс Селлерс (1952–2016) – нью-йоркская писательница, танцовщица и домина. Изучала классическую литературу и криминальную психологию; на ее литературные труды оказали влияние Бодлер, Достоевский и французские сюрреалисты. Основным субъектом ее текстов был садомазохизм, насилие, оккультизм и психоанализ. Как и Борис Лурье, жила в нижнем Манхэттене и входила в круг таких писателей и художников, как Аня Филиппс, Кэти Акер, Виктор Бокрис, Джимми де Сана, Данкен Ханна и Уильям Берроуз. Сотрудничала с известными журналами – *BOMB Magazine*, *X Magazine*, *Vacation*, а также с издательством *Grove Press*. Самый известный ее роман называется «Правильный садист» (*The Correct Sadist*, 1981).

строгом садомазохистском борделе 1950-60-х, но секретный анклав определенного состояния психики в тисках специфического насилия.

Первое издание, напечатанное в 2010 году, мало проясняло кошмарную правду и об ужасах, вдохновивших это произведение, и о его подтекстах и реалиях. Редактор трудился над текстом, но не довел работу до конца – она перешла к другому редактору, и началось мое обращение, иначе не скажешь: сошествие в специфическую преисподнюю – и восстание из нее.

28

Какова адская основа романа? Русский еврейский художник и писатель Борис Лурье большую часть своей юности провел в пяти немецких концлагерях. С шестнадцати до двадцати лет, с 1941-го по 1945 год, в период полового формирования, тело его, ум и дух были затронуты самым что ни на есть жестоким образом.

В это тяжелейшее время Лурье пережил чудовищный опыт: заключение в Бухенвальде, где погибло более 50 тысяч человек, а затем в Магдебурге – одном из трудовых лагерей, находившихся в ведомстве Бухенвальда.

Бухенвальд был создан в гитлеровской Германии по сатанинскому замыслу. В нем практиковали самые зверские «научные методы» – здесь находилась одна из пресловутых нацистских «клиник», где проводили эксперименты над людьми. Увечья и издевательства над «рабами», хотя и для «приятных» целей, проходят через весь текст Лурье. Мы наблюдаем, как на страницах «Дома» суровые свидетельства медицинских и сексуальных экспериментов преобразуются в фиктивные сценарии, омерзительные и бесконечно пугающие.

Чтобы пережить катарсис, читатель должен преодолеть отвращение и тревогу и войти в Дом Аниты.

Текст – метафора подлинных отношений, на которых строится эта история: история еврея по имени Бобби и его нацистских Хозяек, которые превращают сексуальный садизм в искусство и профессию. Лурье было трудно себе представить, что его роман будет расшифрован. Таким образом, он был защищен.

29

Что привлекло меня к этому тексту, заставило сделать гораздо больше, чем исправить несовершенный английский Лурье, и подготовить комментарий? Почему такому короткому литературному произведению понадобилось столько сносок? Разве они не помешают читателю наслаждаться книгой?

Всю свою артистическую жизнь Лурье занимался деконструкцией удовольствия.

Что подразумевал он в своей вымышленной реальности? Рассмотрим понятие «капо». Это не просто голова или глава². В лагерях капо был заключенным с особыми привилегиями. В этой и без того чудовищной обстановке он обладал неограниченной властью над другими узниками. Зачастую в роли капо выступали обычные уголовники, отобранные в регулярных тюрьмах. В этом контексте характер Альдо, капо-трансвестита, меняется радикально.

Мог ли этот, на первый взгляд эротический роман зафиксировать в литературной форме ранние сексуальные переживания Бориса Лурье? А может быть он является учебником гротескной сексуальной «науки», от которой хочется отвести глаза?

Роман изобилует непристойными сценами, а также описаниями рвоты, дефекации и физического насилия. Трупы оживают, обретают стальные члены. Домина заперта в клетку, изуродована и стала произведением искусства. Роман пропитан фашизмом, который подрывает и подавляет любую индивидуальность, в том числе и сексуальную.

30

Но как только ты находишь ключ к этому перевернутому миру, становится трудно воспринимать «Дом Аниты» как эротическое произведение. Лурье создает новый жанр – секс-хоррор.

В первой главе «Современное образовательное авангардистское рабское Учреждение» рассказчик описывает разнообразные правила поведения рабов – например, как раб должен спать:

«Рабу необходимо привить особые навыки сна. Ему не полагается спать ни на животе, ни на боку, ни спиной к стеклянным дверям. Даже во сне он должен принять позу, удобную наблюдателю. Нам пояснили, что это в наших интересах, ибо приватность сна, это внутреннее отступничество, отрицательно сказывается на рабском образовании, порождая независимые грезы или размышления, а следовательно, выход из-под контроля Госпожи».

Перенесите эти фантазмагорические, мелочные и бессмысленные правила в контекст концлагеря, где любая потенциальная эротика постоянно находится под надзором и окрашена ужасом. Здесь существуют ограничения на сновидения и даже на их необходимость. Подобная концепция пугает.

Роман Лурье – не развлекательная литература, и вряд ли рядовой, незакаленный читатель или читатель с низким порогом толерантности сумеет получить удовольствие от этого чтения.

Лурье в своем творчестве буквально одержим *сложностью* Искусства, но именно такие искусство и литературу предпочитают многие из нас.

Любители порнографии БДСМ тоже вряд ли оценят эту книгу – это недостаточно сексуально. Роман построен не по шаблонам; образы незнакомы. Домины ведут себя недопустимо; Богиня облевывает саму себя, домина-еврейка служит хранилищем спермы и беременеет. Рабы тоже никудышные любовники – у них есть свое мнение, и они обладают чрезвычайными полномочиями. Очевидно, что язык текста коренится не только в культуре обыденного фетишистского БДСМ по взаимному согласию. Он непосредственно вытекает из садистской культуры нацизма.

Нам повезло: художник выжил и подверг ужас алхимической трансмутации. Автор «Дома Аниты» блестяще вводит нас в садомазохистскую магию крайнего толка: возгоняет боль в наслаждение.

Было ли это везением: пережить концлагерь и написать книгу? Но насколько счастливым, довольным или удовлетворенным может быть художник?

Отчасти «Дом Аниты» напоминает работы прославленного Маркиза.

Но сравнение этого романа с работами де Сада указывает на важный этап в истории человеческой сексуальности. Впервые садизм репрезентирует прогресс. В Третьем рейхе он был как сексуальным, так и политическим двигателем.

Читатель должен быть готов к столкновению с аномалиями садомазохизма, которые вовсе не похожи на веселую, «фетишистскую» забаву XXI века. Мы видим здесь жесткое сексуальное извращение, напряжение парапатии. Мы перешли за черту отвратительной и унылой покорности. Некоторые детальные описания пыток в «Доме Аниты» свидетельствуют о том, что нацизм складывался как поистине садомазохистский культ.

32

Сознательно или подсознательно, через психодраму и другие сложные церемонии, стилизация нацизма явилась толчком к созданию современной культуры БДСМ.

Один вопрос остается открытым. Исторические исследования доказали наличие садомазохистских наклонностей почти у всех крупных деятелей Третьего рейха. Гитлер, похоже, был мазохистом, ему нравились словесные оскорбления, физическое наказание и «золотой дождь» мочеиспускания – как от «профессионалок», так и от «Госпожи» Евы Браун³. В этом контексте садизм его печально известен.

Итак, существуют свидетельства того, что фашистская идеология питалась садомазохизмом; этот мощный двигатель 15 лет управлял Германией и довел ее до суицидального самоуничтожения.

Утонченная эстетика этой разновидности извращения исходила от самого фюрера и при пособничестве многочисленных “жрецов” проникала в концлагеря. Это привело к окончательному порабощению заключенных, развязав руки самым мелким охранникам, так называемым «капо», которых вербовали из заключенных, поощряя в жестокости. Именно у них в руках и находилась власть над жизнью и смертью «рабов».

В тексте «Копье судьбы» Тревор Равенкрофт рассказывает о том, как оккультные ритуалы и посвящения способствовали развитию садизма, а также о повлиявших на Гитлера трех деятелях и теоретиках оккультизма⁴.

Насилие, генерированное, усовершенствованное и осуществленное в небывалых масштабах еще не закончились. И не только, потому что много лет спустя оставшиеся в живых продолжают страдать от физических или психических увечий.

Наблюдая последствия этого безграничного зла, которое оставило глубокий след в каждой культуре, мы можем приложить совместное усилие для его искоренения.

Родным языком Лурье был русский, но «Дом» был написан по-английски. Определенные свойства прозы Лурье, с его неродным английским, передают своеобразную точку зрения автора. Во-первых, его герой никогда не обвиняет своих палачей. Наоборот – он обожает свою Хозяйку Аниту, принимает все ее оскорбительные условия и соглашается с тем, что он заслуживает жестокого обращения. Каждая попытка влечет сексуальное удовлетворение. Написанная в довольно отстраненной, но яркой манере, психологическая инверсия ярко демонстрирует «идентификацию с палачом», – когда жертва сначала страдает, а затем принимает насилие и становится его проводником.

Рассказчик по имени Бобби – впрочем, он сам признает, что не знает ни своего истинного имени, ни происхождения, ни как попал в Дом Аниты, – выступает то слугой, то рабом, то предметом мебели и повествует нам о четырех доминах, управляющих Учреждением.

Но кто такая Анита? Кто был ее прототипом?

Мы бы могли предположить, что это была сама Ильза Кох, пресловутая «ведьма из Бухенвальда», которая заказывала абажуры из кожи заключенных. Но в таком случае факт литературы становится банальным. Могла ли «ведьма» повлиять на сексуальность Бориса? Обычно изображаемая в кино как «волчица СС», Ильза, однако, не отличалась смелостью. Правда лишь то, что она действительно позировала верхом на фоне изголодавшихся пленников и избивала плетью любого, кто попадался под руку.

34

Однако Ильза и ее муж Отто-Карл Кох правили Бухенвальдом в 1937–1941 году; судя же по лагерным записям, Лурье прибыл туда только в начале 1944 года. До этого момента он находился в четырех других лагерях⁵.

Как бы то ни было, Кохи были настолько жестокими, что постоянно присутствовали в сознании узников. В истории они остались как легендарные живодеры. Отто-Карл Кох был осужден самими нацистами за «подстрекательство к убийству» и повешен в апреле 1945 года, незадолго до освобождения Бухенвальда. Ильза повесилась в тюрьме спустя 20 лет. И если Борис не страдал непосредственно от рук самой «ведьмы», ее незримое присутствие было одной из пыток: они внушали, что возможно всё, даже немислимое.

В романе мы вместе с Лурье переживаем множество сексуальных издевательств и экспериментов над телом. Откуда взялись эти фантазии, почему они царят в этом борделе? Потому что это не только бордель – это концлагерь.

Мы понимаем, что Бобби, пойманный в ловушку провоцирующих и шокирующих образов,

обречен на вечное рабство. Даже в качестве литературной абстракции его мир ужасает чаще, чем назидает. Эстетика превращается в жестокость.

Этот текст Лурье интересен любому, кто обращается к психологии фашизма. Логика садомазохизма отвратительно «эволюционирует», не встречая каких бы то ни было моральных барьеров. Новая нравственность заключается в отсутствии морали. В этом мрачном театре вселенная вывернута наизнанку.

35

Лурье позволяет себе быть безжалостным к читателю, обнажая психическую травму, нанесенную концлагерем впечатлительному подростку, интеллектуальной и творческой личности.

В первую очередь мы знаем Лурье как художника, но успех в искусстве давался ему с трудом. Рынок искусства отворачивался от него и его тематики: ЕВРЕЙ УБЕЖАЛ ОТ НАЦИСТОВ, НО МИР БЕЖАЛ ОТ ЕВРЕЯ. Неожиданно он оказывается среди иных демонов – своих американских «освободителей», наталкиваясь на их полнейшую черствость. Но Лурье решил говорить.

В начале романа Дом можно рассматривать как своего рода квартирный бордель в Верхнем Уэст-Сайде. Помимо Аниты – еще три домины, и каждая по-своему ужасна; помимо рассказчика Бобби – еще трое рабов.

Навещал ли Лурье садомазохистский притон? В 1950-х подобные «культурные Учреждения» встречались редко, но он вполне мог быть их клиентом. Может, среди них был и такой, где арийские домины обслуживали евреев? В этом манхэттенском подполье, о котором мало что известно, в стенах реального или воображаемого господского дома живут рабы, мужчины назначают встречи

доминам, а правят женщины. В своем заведении сама Госпожа Анита является владельцем-оператором и дивой-резидентом.

Текст содержит множество секретных, закодированных указаний на преступления. Повсюду мы находим предупреждение о том, что что-то не в порядке. Подозрение, что Дом этот не просто необычаен, впервые закрадывается, когда автор называет раба Альдо капо.

36

Но возможна ли спокойная жизнь после того, как вами овладели, после того, как вас уничтожили? Теперь покой – это понятие навсегда абсурдное? Как вы можете жить с сознанием того, что безнаказанно убиты тысячи невинных? Вы проводите дни, недели и годы, ожидая своей очереди.

Вот один из способов выжить.

Во время игры в жмурки:

«Удар по пенису без такой перчатки, безусловно, приятен. Но если к тому же снова и снова бьют по лицу и телу, слуга обычно валится на пол. А если его пинают сапогом, тупая мертвящая боль потом длится часами.

Конечно, кое-кто извлекает из этого удовольствие. Пусть даже не в минуты боли, а, скажем, позднее – из воспоминания о пережитом опыте, из подтверждения собственной преданности: ты оказался образцовым, выносливым слугой, ты чего-то достиг. Твои тело и разум укрепились, и ты готов на дальнейшие служебные подвиги»⁶.

Здесь самая страшная «подсказка», знак того, что рушится статус-кво, – слово «обычно».

В Доме Аниты рабов обычно избивают; а в этой фантазийной игре слово «обычно» кажется избыточным, преувеличением. Обращаясь к ре-

альному опыту Лурье, мы должны оставить это «обычно». Потому что «полумертвых» – тех, кто уже не жилец, – «обычно» избивали до смерти. Это не вымысел и не фантазия; это не похоже на кино.

Лурье бежал из Бухенвальда за считанные дни до освобождения лагеря.⁷ Его послевоенный опыт был необычаен: он жил с американскими солдатами в лагере для перемещенных лиц, был избалован, обласкан и сыт. Ему дали работу в контрразведке. За такую жизнь после многих лет издевательств он очень полюбил американцев.

После войны вместе с отцом, тоже пережившим лагерь, Лурье эмигрировал в Нью-Йорк. Ему было 20 лет, вскоре он занялся искусством. Но карьера у него не складывалась: в своих работах он изображал расчлененных женщин и свастики, сознательно вызывая дискомфорт у зрителя. В это же время де Кунинг также изображал насилие и расчлененные тела, но почему-то это ни у кого не вызывало возмущения.

В «Доме Аниты», пестрящем нацистскими метафорами, мы обнаруживаем немало пренебрежительных, иронических портретов представителей нью-йоркских арт-кругов конца 50-х – начала 60-х. Сумасшедшая художница-дилер, Поланитцер и развращенный критик Гельдпейер, которые являются воплощением арт-мира, вызывают у Лурье отвращение и презрение. Он разит наповал, обоих превращая в униженных рабов. По крайней мере, один из персонажей совершенно узнаваем⁸.

Госпожа Анита желает продемонстрировать Поланитцер артефакты из человеческих волос, плоти и костей, «подлинный Освенцим». Этого персонажа Лурье подчеркнуто называет «торговкой художниками» – в противовес более распро-

страненному «торговцу искусством», – давая понять, что такие люди торгуют живым товаром, а не произведениями.

С чего бы Лурье не изображать расчлененные тела? Ответ прост: подростком он ежедневно наблюдал трупы. С чего бы ему не писать о замисловатом экстазе человека, закопанного в песок и медленно истекающего кровью через пенис? Вряд ли я когда-либо изучала фотографии той эпохи так пристально, как во время долгой борьбы с этой рукописью.

38

Книгу с подобными фотографиями я впервые увидела ребенком в 1950-е. От стыда я отвела глаза. Но изображение навсегда осталось в памяти: гора мертвых голых тел. Столько людей, и все голые! Но было ли это... сексуально?

Ответ: да. В нашей культуре сексуальное перемешалось, перепуталось с понятиями хаоса и насилия, глубоко в них укоренилось. Сексуальность сливается с пытками; кровь – новая сексуализированная секреция, которой наслаждаются и жертва, и экзекутор. «Дом Аниты» проясняет, как это происходит, хотя и не отвечает на вопрос, почему.

Садомазохизм заинтересовал меня в начале 1970-х. Я читала как де Сада, так и откровенное порно со второсортными «художественными» фотографиями, где обнаженные дамы ногами попирали рабов. В тот период, когда 1940-е были еще свежи в памяти, ты находил как минимум один разворот с нацистской символикой. Бородатые мужчины, порой даже в ермолках, на вид явные евреи, стоят на коленях перед высокими блондинками со свастиками на нарукавных повязках. Блондинки отказывают жертвам в наслаждении. Однако мы понимаем, что этот отказ – и есть искомое наслаждение.

В такой декомпенсированной фантазии субъект охотно воссоздает – по меньшей мере вербально и, как правило, в мельчайших подробностях, – картины порабощения, фантазии о пожизненном заключении. Нечеловеческие условия концлагерей становятся парадигмой «наихудшего возможного». В экзальтированном возбуждении мазохисты зачастую обращаются к этому перевернутому идеалу.

После знакомства с «Домом Аниты» влияние нацизма на распространение БДСМ становится очевидным. Это проявляется в СМИ, в кино, в социальных сетях и в моде. Отражается в отвратительных преступлениях на сексуальной почве. И пока в одних местах продолжают этнические чистки, в других проходят фетишистские вечеринки. Если назвать садомазохизм извращением, над твоей старомодностью посмеются. Но можно ли приучить себя к причудливой реальности, может ли она стать образом жизни? В 1990-е модная индустрия обострила соблазны, оживив «метафору», подарила современной культуре призрак доминантной женщины. Каким-то образом жестокость превратилась в гламур.

Между тем нацистская парадигма не исчезла. Она по-прежнему жива – как искажение, как вывернутый наизнанку ужасный и даже сатанинский идеал. Садомазо-риторика заимствована из эвфемизмов Третьего рейха. Нацистские образы укоренены в культуре, закреплены в клише. В наше сознание пробиваются картины медицинских экспериментов, и слова Бухенвальда, описанного Лурье, звучат сурово и убедительно.

И снова возникает Мистерия страданий, сдобренная пикантным волнением. Чтобы вынести непрерывное повторение кошмара, Лурье прибе-

гает к искусству, прививая ужасу красоту. И здесь его муки превращаются в изысканное произведение – в живой, ироничный, язвительный текст.

Но искусство не оправдывает преступлений; мы наблюдаем жесткий катарсис — деятельное, вдохновенное сознание превращает Поле смерти в нечто большее — в произведение визуального искусства, в историю, в театральное действо или в сексуальную фантазию – Поле смерти преобразуется, очищая пространство для жизни.

ДОМ АНИТЫ

Часть I

ДОМ

Современное образовательное авангардистское рабское учреждение

В регулярном Прогрессивном Учреждении большое внимание уделяется комнатам, где живут Хозяйки, где они проводят досуг, занимаются и планируют образовательные мероприятия. В тех местах, где я служил в прошлом, рабочие помещения отличались необыкновенно продуманным декором. Другое дело – в Доме Аниты: здесь архитектурные изыски – в каком-то отношении уместные – обнаруживаются в самых неожиданных местах, а именно – в помещениях для слуг.

В целом убранство просто и строго: чистое девственное пространство. По словам его апологетов, антистиль охватывает и все, и ничто. Вот она – бесконечная одновременность, пустотное дыхание дзена.

Обычно слуги обитают в самых неаппетитных местах: в неотопливаемых мансардах, насквозь продуваемых сквозняками, в кухонных подсобках, а в загородных Учреждениях – на задворках, куда можно пройти лишь внутренними дворами, минуя хозяйственные пристройки. В едва снаб-

женных изоляцией и отоплением, небрежно построенных бараках оставляют сырые бетонные полы и голые стены. Свет струится через большие окна. Зимой в этих обиталищах царит холод, но есть и преимущества: экономится электричество, а свет напоминает слугам о начале и конце рабочего дня.

46 С незапамятных времен так оно и повелось; той же традиции следует и наше современное культурно-образовательное авангардистское рабское учреждение.

Подобные современные храмы науки оборудованы уборными с цементными ванными. Горячей воды нет, и тому имеется причина: принимая душ и ванны с теплой водой, слуги становятся вялыми. Для рабов любви нет ничего здоровее бодрящего ледяного душа, ибо рабская кровь не должна замедляться; и ничто так не стимулирует их насыщенные атрибуты⁹.

В нашем помещении у Аниты стоят восемь коек: по четыре в два ряда. В этом помещении нет стены, отделяющей его от остальной части Учреждения. Мы изолированы от Хозяек лишь большими раздвижными дверьми из венецианского стекла. Вдоль коридора широкими полосами струится свет. Когда наша комната залита лучами прожекторов, она превращается в сцену, где видна каждая деталь. Повинуясь одному щелчку выключателя, прожектор может быть приведен в движение, и тогда свет его будет направлен на отдельное ложе.

Электрический экран с двух сторон высвечивает имя, начертанное на каждой койке, иногда приписывая нам, обитателям, неверную идентичность – разумеется, с умыслом.

И вот наступает момент, когда свет начинает пульсировать, загораются цветные огни, попеременно угасая, освещая подиумы и кровати, творя дрожащий орнамент, за которым обожают наблюдать наши Хозяйки. За нашей стеклянной стеной цветные огни вспыхивают и гаснут, тела слуг взлетают, падают и раскачиваются, когда их пинают или бьют. Прожекторы, светя в разные стороны, заливают лучами эту сцену, создавая гармоничное взаимодействие элементов.

47

Вдоль стены коридора расположены простые комфортабельные кресла. В любое время дня или ночи наши Хозяйки могут погрузиться в их мягкость. Обычно они появляются посреди ночи, чтобы разглядывать нас и наблюдать особенности нашего сна. Мы должны всегда быть настороже: в любое время за нами могут следить.

На первый взгляд наше помещение кажется незамысловатым; продолжение минималистичного стиля Хозяйки (за исключением спальни самой Аниты). Этот скупой стиль необыкновенно популярен в Нью-Йорке среди неoarистократов, поскольку является отличительной чертой Современного Искусства. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, дизайн чрезвычайно запутан.

Например, койки: каждая сконструирована из различных материалов: нижняя – из огнеупорного кирпича, верхняя – из гуттаперчевой пластмассы, которая изгибается и подрагивает от вибраций помещения. К счастью, по большей части это ложе остается незанятым. Отдельные ступеньки на приступках кроватей покрыты мехом, а в некоторые, прямо под мех, вмонтированы шипы. Механизм этот установлен и в койках: штыри проходят через матрас и плавно подталкивают во

сне спящих рабов. Мягкая штукавина, похожая на кулак, может неожиданно поразить отдыхающего в любой момент.

Для удобства обзора все койки наклонены к стеклянной стене¹⁰. Теперь мне уже не под силу вообразить, что кто-то может уснуть на кровати с обычной горизонтальной поверхностью. Это должно быть ужасно неудобно.

48 Рабу необходимо привить особые навыки сна. Ему не полагается спать ни на животе, ни на боку, ни спиной к стеклянным дверям. Даже во сне он должен принять позу, удобную наблюдателю. Нам пояснили, что это в наших интересах, ибо приватность сна, это внутреннее отступничество, отрицательно сказывается на рабском образовании, порождая независимые грезы или размышления, а следовательно, выход из-под контроля Госпожи.

Раб спит с руками по швам – в позе приветствия. Но он может принять и другое положение – позу стоящего на коленях. Другие позы не допускаются. Он должен спать обнаженным: так, чтобы его тело – хозяйская собственность – хорошо проветривалось. Рабу выдают два одеяла, но половые органы остаются открытыми: одно одеяло кладется на грудь и живот, а другое – на ноги, оставляя гениталии и задний проход в просвете.

Хозяйки регулярно вносят учетные записи о сне рабов, особенно о частоте ночных эрекций. На основании этих отметок, а также сведений о службе и успехах в образовании, составляется характеристика; все это влияет на обращение с рабом. Согласно характеристике, раб может быть повышен, понижен и даже дисквалифицирован – что гораздо хуже, чем физическое уничтожение¹¹. К примеру, утреннее пробуждение без полноцен-

ной эрекции считается тяжелой провинностью и грозит изгнанием во внешний свободный мир.

В изножье нижней койки стоит просторный шкаф с тремя отсеками для наших вещей. Единственный шкаф на троих, как объяснили нам, – отнюдь не для того, чтобы сэкономить или спровоцировать трения среди слуг, но чтобы поощрять дух товарищества и ослабить уважение к частной собственности.

В подобных условиях слуги неизбежно следят за чистотой и опрятностью друг друга. Кроме того, так мы кое-что узнаем о повседневной жизни товарищей.

Мне, однако, любопытно, почему собственность Хозяек хранится по-другому: ведь это индивидуализм. Кто же более продвинут, господа или слуги? Но я уверен, что в нашем милом содружестве все обустроено ради всеобщей пользы. Как в музыке, идеальная гармония требует разнообразия приемов.

Музыкальное сопровождение сна и бодрствования достигает наших ушей из репродукторов, то громкое, то почти неразличимое; музыкальный ассортимент состоит из аранжировок таких исторических мотивов, как марши американских уоббли¹² и песни гражданской войны в Испании, а также некогда популярный «Интернационал», и все это – в современной эйсид-роковой обработке. Эта изощренная комбинация, звучащая в противоречивом унисоне, создана в замысловатых декорациях авангардистских храмов Нью-Йорка – на дискотеках, в музеях и галереях.

Гораздо позднее я захлебывался в безбрежном восторге, наблюдая по телевизору виртуозов, исполнявших прихотливые вариации в ритмах

*No Pasaran*¹³, *Wir sind dei Moorsoldaten*¹⁴ или, опять же, «Интернационала». Это говорило о том, до чего наше Учреждение в сферах культурных и интеллектуальных обогнало свое время.

50 Декоративное убранство нашего помещения довершают огромные фотографии на стенах – лайтбоксы, изображающие четырех наших Хозяек в наитипичнейших для них униформах. Портреты светятся круглые сутки. Проснувшись, мы преклоняем колена перед каждым изображением, безмолвно их созерцаем. Правилами это не требуется, но мы не пропускаем ни единого дня.

В своем обиталище мы счастливы и защищены; наш сон крепок и здоров, несмотря на непрерывную вибрацию и постоянное освещение.

Кстати, Резиденция Аниты расположена в одном из немногих до сих пор сохранившихся аристократических жилых комплексов, выстроенных в Первую мировую. Он находится в Уэст-Сайде на Манхэттене – месте некогда малопривлекательном, а ныне весьма шикарном. Районы Нью-Йорка меняются в зависимости от того, сколько культурного отребья в них переселилось. Наш район сейчас на подъеме, арендная плата подскочила, и нежелательные элементы были вынуждены выселиться.

Четыре Хозяйки, четыре слуги

Нас, рабов, четверо. Ганс, Фриц и я хорошо обучены и преданы нашему делу. Кроме того, есть Альдо – его можно счесть «доверенным лицом», но в действительности он – капо, привилегированный слуга.

Жилище Альдо – платформа размером с двуспальную кровать. Она приподнята на три фута от пола и огорожена тремя стенами. Четвертой стены нет – вместо нее стеклянная перегородка для наблюдателей. У Альдо огромный собственный шкаф, до отказа набитый одеждой. Он не обязан содержать свои вещи в порядке, поэтому в шкафу и на кровати чудовищный бардак. Но Хозяйки почти все спускают ему с рук. Иногда Альдо подсовывает нам дополнительную порцию лакомств, чтобы мы привели в порядок его вещи.

На платформе у него мягкий пружинный матрас, красивое разноцветное белье и куча ярких подушек, богемно разбросанных на постели¹⁵. Завершает ансамбль меховое одеяло – вероятно, из кроличьих или кошачьих шкур. У Альдо есть

даже небольшой холодильник для воды, соков и сладостей, то ли полученных от Хозяек, то ли спертых с кухни или изъятых из нашего рациона.

52 Хозяйки приходят к Альдо развлечься и поиграть. Визиты в апартаменты рабов придают пикантности этим редким ночным эскападам. Однажды я тайно наблюдал, как Госпожа Анита принесла Альдо женские туфли на шпильках, а затем поглаживала его ноги, облаченные в них, – и не более того. Как-то в ночном безмолвии Госпожа Бет Симпсон перевернула Альдо на живот и затолкала ему в анус какой-то предмет. Альдо любит такие визиты, хотя они и нарушают его сон. Но он лишь похихикает и скажет: «Ах, как это мило, благодарю вас».

Видимо, Хозяйкам и правда нравится доставлять ему удовольствие.

Мы, слуги, во время этих ночных посещений, разумеется, стараемся спать как ни в чем ни бывало, хотя это непросто. Но принимать участие, даже в воображении, – нарушение правил. Однажды, впрочем, нас понесло.

Как-то в полночь явилась Джуди Стоун и взялась за Альдо всерьез – тут уж было не до шуток. Растянувшись навзничь у него на постели, она повелела ему воткнуть в нее свое орудие. Потом приказала влезть на нее сверху, и они сплелись замысловатым клубком, Альдо все вытаскивал из нее свой инструмент и вставлял, пронзая ее снова и снова необычайным манером. Разумеется, мы не привыкли, чтобы мужчины, – слуги или гражданские лица – делали подобные вещи с дамами – гражданскими лицами или Хозяйками¹⁶.

Наблюдать за этим было невыносимо, и нами овладело животное безумие. В едином порыве

окружив постель Альдо, мы вопили, негодовали и скакали вверх-вниз. Потеряв всякий контроль, мы выбрасывали вещи Альдо из шкафа, топтали их и рвали зубами. Тут вбежали Хозяйки Тана Луиза и Бет Симпсон и стали безжалостно нас стегать, пока мы не угомонились.

До сих пор загадка, отчего этот возмутительный акт между Джуди и Альдо привел нас в такой раж. Это было не первое событие, с которым нам пришлось мириться. Но вот увидите: Джуди еще поплатится за свою слабохарактерность. Впрочем, к тому времени она научится извлекать выгоду из своих недостатков.

Крепкий сон, по возможности без сновидений – во всяком случае, без запоминающихся грез, – одно из железных правил нашего служения¹⁷. Порой, невзирая на суровый закон, я не в силах уснуть и слышу, как Ганс шепчет: «Гамбург», а Фриц мямлит: «Познать».

Как-то раз я заговорил со своими собратями об этих городах. Оба ушли от ответа. Фриц, который непрестанно улыбается, будто в любой момент готов истерически расхохотаться (чего никогда не случается), смолчал. Ганс, чье длинное вытянутое лицо напоминает мне печальные лица голландских или немецких средневековых крестьян (с картин, что показывала нам Анита на образовательной экскурсии в музей Метрополитен), и бровью не повел. Его преждевременно отощавшая физиономия расчерчена морщинами – подобно карте древнего Вавилона.

Я выпытывал у них, умолял, грозил им никогда не делиться с ними своими секретами, а затем сказал, что знаю: вероятно, города эти связаны с

их прошлой дикой жизнью на воле. В конце концов они признались, что Гамбург и Познань – это их родные города.

Фриц смутно помнит бомбежку Гамбурга – он тогда был подростком. Печальный Ганс помнит депортацию его семьи из Познани – сейчас это польская территория – в наказание за грешную принадлежность к избранной нации Гитлера.

54

А вот наш соблазнительный долговязый Альдо! Надо сознаться, он часто вводит меня в искушение. Меня так и подмывает проникнуть в него своим ненасытным орудием, настроенным на беспрестанную работу, но недостаточно занятым. Во сне Альдо стонет и хнычет, грозит и вопит со своим бруклинским макаронным акцентом: «Я американец... Я американец!»

Он и остальные слуги знают, кто они и откуда родом. Почему же мне не известно, откуда я взялся? Из самых темных глубин памяти я извлекаю лишь воспоминание о службе в Англии. Все предшествующее видится мне тяжелым камнем, летящим из стратосферы, чтобы врезаться в землю. В остальном мое сознание зияет пустотой. Я всегда считал, что рабу любви это на руку. Но теперь я становлюсь просвещеннее, и меня мучительно терзает вопрос о происхождении. Кто же я?

Лицо Ганса

Лицо Ганса притягивает меня как магнит.

Голова у него вытянутая, лошадиная. Короткие грязно-русые волосы торчат звериной щетиной. Борозда, выбритая по центру черепа, поблескивает как лужа в бурой земле. Когда он говорит или смеется, что происходит крайне редко, на выбритой коже проступают глубокие морщины. Это смущает наблюдателя и наводит на мысли о крайней худобе, о черепе изголодавшегося доходяги¹⁸.

Ганс человек зрелый, хотя относительно молод. Под глазами у него двойные мешки, что неприятно контрастирует с молодежью лицом. Кожа вокруг его глаз покрыта сеткой морщин. Когда она приходит в движение, морщинки вихряются, точно мир перед глазами пьяного водителя. Нос – орлиный, длинный, резким крючком, переносица будто сломана. Это тоже создает неприятное впечатление, особенно на германском лице, поскольку крючковатые носы мы обычно связываем с южно-средиземноморским типом. Кроме того – высокие скулы; ну да, у немцев они порой

встречаются – следы монгольско-гуннского кровосмешения. Чувствительному наблюдателю, чей вкус воспитан на нордических идеалах, смотреть на это лицо до боли неприятно.

56 У Ганса гигантский подбородок, непропорционально большой для его вытянутого лица; в сравнении с ним даже лошадь кажется круглолицей. Выступающие подбородки – признак силы воли и мужественности (возьмите, к примеру, подбородок Муссолини – практически на нем одном зияла слава фашистской партии), однако подбородок Ганса не таков. Его подбородок – лишь тошнотворный нарост, глыба, задним числом прилепленная к изваянию, когда скульптор уже закончил работу. Если бы художник окрасил его в преувеличенно красноватые тона, этот подбородок напоминал бы нам о нынешней эпидемии рака в индустриальном мире.

Кожа у Ганса свисает драпировкой от скул к уголкам рта. Обычно в этих уголках накапливается влага. У него постоянно течет нос – обстоятельство, которое он не удосуживается контролировать. Дренажная система его гайморовых пазух, по-видимому, не уживается с суровым нью-йоркским климатом.

А длинные петлистые уши! Невероятной лепки – они чрезвычайно выразительны. Как будто лошадь, что тянет плуг, рехнулась и взялась выписывать пируэты, оставляя на земле круговые следы. Чрезмерность ушей придает серьезному лицу Ганса веселье и легкость.

Глаза же у него водянистые и прозрачные, точно горный ручей. Эти глаза – самая красивая его черта. Такие глаза обычно отталкивают, выдавая сильную, целеустремленную и жестокую

личность. Но с Гансом иначе. Глаза его – узники в решетке морщин, над двойными мешками, под тонкими изящными бровями, почти как у женщины. Ах да, не следует забывать про его огромный кадык, который живет своей жизнью, ходит ходунком, выражая истинное состояние своего хозяина.

В силах ли вы вообразить, как это скорбное лицо, расцветая улыбкой от уха до уха, превращается в умопомрачительную гримасу?

57

Трудно поверить, однако это неизбежно случается, даже в самых неподходящих обстоятельствах. Червячная, мертвая личинка, серьезная мина внезапно преображается в яркую гротескную бабочку. В такие минуты страшно смеяться с ним заодно, но неохота и смущать его потрясенным молчанием. Поэтому, когда приключается этот улыбочный припадок, мы отворачиваемся или изображаем одобрение. Вспышка радости длится не более полуминуты. Затем возвращается невозмутимость, и лишь кадык скачет в горле, а голубые глаза еще глубже западают в глазницы.

– Это он про Познань подумал, – комментирует Фриц.

Когда у меня начинается служба, я, по счастью, становлюсь далек от таких раздумий.

Руки Аниты

У моей Хозяйки грубые и не слишком ухоженные руки. Даже если она делает маникюр, лак кое-где отколот. Иногда ее ногти вообще не покрашены, некоторые обломаны либо обрезаны под корень. Остальные – выкрашены кроваво-красным лаком. Она знает, что когда они впиваются в ее пухлые белые ягодицы, это вызывает у меня головокружение.

Прежде я позволял себе критиковать ее за пренебрежение к ногтям. Но мне сказали, что это не мое дело. Да, она права. Дело и впрямь не мое.

Руки у Госпожи Аниты с секретом: этими короткими пальцами и сломанными ногтями она умеет манипулировать кем угодно.

Мною она манипулирует через мой член. Он обожает, когда им манипулируют.

Любой знак ее внимания прекрасен, даже болезненный, оскорбительный или неэстетичный, ибо внимание исходит именно от нее. Все, что исходит от нее, включая говно, мочу и побои, – божественный дар!

Я не в силах описать, как она обрабатывает меня своими щупальцами – поощряет, соблазняет, мучительно терзает! Она ласкает мою пробужденную плоть, впивается ногтями и грубо хватает за яички, раздавливая их в пюре. А в заключение – мертвой хваткой за член! Сейчас выпадут кишки! Теперь она хлопает снизу, точно отвешивая пощечину!

От боли у меня пробуждается кровь. Она ритмично дергает пенис, выкручивает и мнет, как кусок теста, проверяя, достаточно ли он напряжен¹⁹. Чувствуя, что сопротивление бесполезно, она закрывает дырочку, чтобы мне не удалось кончить. Соки, поднявшиеся в шахту, не имеют выхода и не могут вернуться.

Ее лицо сосредоточенно – будто она вспомнила, что пропустила звонок или встречу, – и она посылает мне самодовольный взгляд воительницы. Затем свободной рукой тщательно оглаживает волосы и теряет всякий интерес к игре.

Она уходит, а я кончаю в одиночестве и вовнутрь – или, что чаще, вообще не кончаю. Она не завершила работу, как полагается, а я остаюсь больным и разбитым.

В хорошем настроении моя Госпожа порой смягчается. Тогда она приносит большую банку вазелина, отвинчивает крышечку и позволяет мне макнуть туда напряженный член.

– А теперь сделай вид, что ты у меня во влагище, – говорит она со скрытой ухмылкой. – Но тебе, конечно, его, как носа своего, не видать – ни сегодня, ни завтра.

Застолье

Под деревянной доской обеденного стола у Хозяек установлены большие ящики – в каждый едва помещается взрослый мужчина. Нам, троим слугам – Гансу, Фрицу и мне, – надлежит забираться внутрь. Шевельнуться там негде, но это не страшно. В столешнице прорезаны маленькие круглые отверстия, диаметром с обычный эрегированный пенис. Дырки в белой скатерти совпадают с отверстиями в столе²⁰.

Сегодня утром у нас американский завтрак: хлопья, сок и фруктовый салат. Хозяйки, облаченные в черные и красные кимоно, садятся за стол. Сквозь щель в ящике я вижу их восхитительные ноги в туфлях на шпильках. Хозяйки едят хлопья, запивают свежавыжатым апельсиновым соком. Нож с маслом царапает твердый подрумяненный хлеб.

Мой пенис, хотя и сдавленный в ящике, умудряется выглянуть сквозь отверстие – как ему и полагается. Его намазывают маслом, и он поднимается выше. Затем я чувствую, как кто-то покусывает ему стенки²¹.

Хозяйки беседуют о том, как наслаждаться нашими соками.

Одна говорит, что лучше сосать понемногу, посмаковать сперму во рту, не глотая, а потом закусить намасленным тостом и сразу проглотить. Другая утверждает, что обычный мармелад на тосте еще лучше подчеркивает контрастность вкусовых ощущений.

Я слышу голос Аниты: ей нравится сначала хорошенько посолить пенис, а в конце заполировать хуиный сок простым бутербродом²².

Еще одна Хозяйка – я узнаю голос Госпожи Таны – советует кусать пенис, пока не выступит кровь, а затем проглотить сперму вместе с кровью, и никаких тостов в конце завтрака – даже после кофе.

Анита считает, что предложение Таны очень заманчиво, но она не сможет себя контролировать. Она начнет неконтролируемо кусать пенис в надежде выжать из него все больше и больше сока, который уже кончился. В конце она будет просто сосать одну кровь.

– Беспokoиться тут не о чем. Можно перейти к пенису следующего слуги, нетронутому, как раз на такой случай, – возражает ей Тана.

– Но это может быть слишком опасно, – говорит Анита, – подобный экстаз грозит настоящим кровопролитием. Как говорится, «долг Госпожи – не искалечить свое имущество»²³.

Пока продолжается беседа, я в предвкушении потею в своем ящике и стараюсь не сопеть – это может их разозлить. В конце концов они решают поджарить яичницу с ветчиной, а затем обсудить, как употреблять десерт, поставляемый нашими гениталиями.

Я слышу, как на кухне скворчит жир, как деликатно каблук постукивают о ковер. Затем слышно, как жуют. И снова по тосту скребет нож. Я уже в полуобмороке, я обливаюсь потом, я тяжело дышу. К счастью, включили радио. По УКВ громко звучат Шопен и Чайковский²⁴.

62 Я чувствую, как теплое масло течет по пенису, слышу музыку и болтовню. Мягкие губы теперь нежно играют на моем члене. Затем укус – и я подсакиваю. Сильный хлопок по моему прибору. Я извиваюсь и ерзаю, но, к счастью, тяжелый стол остается неподвижен. Громкая и торжественная музыка мешается с болтовней Хозяек.

Еще один укус – и я кончаю в мягкую пропасть.

Но рот был открыт слишком широко. Каплет сок. Губы аккуратно подбирают его. Одна последняя ласка – и я свободен. Коллапс.

Дисциплинарный саркофаг

Прежде свободное время мы проводили у себя в комнате, неизменно под замком. Мы часто изнывали от безделья и смертельно скучали. В результате мы становились нервными, перевозбуждались, у нас возрастало половое влечение. Теперь у нас изменилось расписание: мы должны быть постоянно готовы к службе в столовой. Каждые два часа нам положено забираться в ящики обеденного стола.

У нас выработался рефлекс: то, что поначалу казалось непосильным, обернулось удовольствием. Мы с нетерпением ожидали часа, когда нас подадут на закуску, а также в качестве главного блюда. Но затем правила вновь изменились: теперь кто-нибудь из нас постоянно дежурит в столовой.

Дежурный забирается в гигантский саркофаг, как бы египетский, на колесиках и с двумя отверстиями: одно для рта, другое для пениса. Внутри так тесно, что невозможно пошевелиться.

Производство таких саркофагов вызвано огромным спросом среди культурных заведений,

подобных Дому Аниты, и наш саркофаг – популярный и неизменный предмет обстановки.

Сейчас «египетские» саркофаги производят всемирно известные фирмы, выпускающие медицинское оборудование.

64 В эпоху, когда наука пришла к тому, что знания лучше всего усваиваются в состоянии физического напряжения и даже боли, – эти машины считаются аппаратами высокой терапевтической и образовательной ценности. Считается, что опыт, привитый таким способом, закрепляется прочнее. Вот одно, довольно заковыристое определение из руководства по эксплуатации: «Приобретенные таким образом знания обладают „гомогенизирующим эффектом, который объединяет образование и физическую активность в неделимый сплав калорий энергии и субконфигурации знаний”».

Саркофаги сработаны из очень прочного и легкого современного пластика, который прекрасно моется. Они в точности воспроизводят древние саркофаги фараонов и прочей знати Египетских царств. Поверхности их украшены аутентичными росписями²⁵.

Надо полагать, у создателей были резоны прибегнуть к этим античным формам вместо того, чтобы строить боксы, которые повторяют, скажем, ракеты или космические капсулы. Как бы то ни было, все передовые западные предприятия используют египетский дизайн. Пояснений этому нигде нет – ни в каталогах, ни в других книгах, посвященных физиотерапевтической образовательной аппаратуре. И еще одна удивительная деталь: новейшее современное достижение, «технология миниатюрных силиконовых чипов».

За время пребывания у Аниты мы перебрали многочисленные одноместные и двухместные модели различных производителей. Судя по всему, спрос высок, и модели с усовершенствованными механизмами и конструкциями выпускались буквально наперегонки.

Глянцевые журналы Америки и Западной Европы пестрели рекламными разворотами. С рекламных проспектов смотрели счастливые пары, иногда в окружении детей, совершенно одинаковых – полагаю, что это намек на то, что в рабах любви Просвещенные видят детей.

Особо потрясла меня реклама, где изображались всадницы в ковбойских нарядах, с ними несколько ковбойских детей и жеребят, а в небе Дикого Запада – изображение саркофага. Реклама эта представлялась мне поистине прекрасным произведением искусства, доступным уму даже такого непросвещенного раба, как я. Рассматривая ее, я испытывал такое головокружение, будто меня самого встряхивали и взбалтывали, как в маслбойке. А между тем я уютно сидел и разглядывал журнальную страницу.

Порожденный этой рекламой телесно-эстетический опыт разбудил во мне отклик, подобный тому, что испытывает набожный христианин, созерцая на полотне старого мастера истекающего кровью Христа: он чувствует, будто сам пригвожден, и жизнь его постепенно рассеивается и растворяется в дымке, точно всадник, неторопливо дрейфующий к западному горизонту.

«Египетские» саркофаги пленили меня настолько, что я погрузился в доступную литературу на эту тему. В своем увлечении я был поддержан Хозяевами – разумеется, я не услышал ни слова

похвалы, зато хватило краткого и красноречивого взгляда Аниты. Я даже подслушал несколько лестных замечаний в мой адрес, хотя рабу не положено подслушивать, особенно если разговор касается его лично. Но получив молчаливое одобрение, я стал трудиться еще усердней.

66

Я узнал историю саркофагов: как они появились в практике заведений после Второй мировой войны, как до этого использовались сооружения, основанные на рабской тяге. Это было вовсе не из-за отсутствия электрического оборудования, но потому, что культурная атмосфера была несколько иной.

Мужские рабовладельческие Учреждения довольно эксцентричны. В них есть элемент абсурда, тайны и даже откровенного садизма. После войны, когда промышленная демократия завоевала прочные позиции на Западе, такие Учреждения стали развивать. Их уважают, как форпосты культуры и образования, если можно так выразиться. Они сравнительно немногочисленны, но чрезвычайно эффективны в своем косвенном влиянии на современное общество.

Хотя первую модель «египетского» саркофага выпустили в Америке, довольно быстро рынок перекинулся на японскую технологию, эстетически рафинированную по части усовершенствований – к примеру, в саркофагах появилась реакция на голосовые команды. В японских моделях посредством сложных механизмов достигается неистовая вибрация во время работы; саркофаг либо вибрирует после паузы, либо резко наклоняется, замирает и возвращается в первоначальное положение – и все это с разной периодичностью.

Иногда саркофаг сотрясается и бьется о соседний, затем поворачивается на триста шестьдесят градусов, останавливается, и лишь верхний или нижний его концы продолжают неистово пульсировать.

Японская машина комплектовалась бесконечным множеством насадок: шлангами для распыления жидкостей, для периодической подачи воды или жидкой пищи, мигающей подсветкой, которая заливает тебя светомузыкой; ольфакторными устройствами, симулирующими ароматы Хозяйки, – словом, все для благополучия клиента.

67

Неудивительно, что японские саркофаги с этими изобретательными усовершенствованиями завоевали массовый рынок. Большинство Хозяек предпочитали эти программы, не обременявшие их собственное воображение.

Но что же произошло, когда все стали полагаться на эти суперизысканные приспособления? Рабы, реципиенты запрограммированного знания, становились умнее; Хозяйки же, перестав использовать свои творческие способности и воображение в деле доминирования, тупели на глазах.

Такой результат был неприемлем. После нескольких экспериментов в нашем Доме отказались от японских машин. Мы пользуемся надежной западногерманской моделью AEG, минимально оснащенной дополнительными функциями, и это восстановило творческую роль Хозяек. В моделях AEG не предусмотрено запоминания или механического повтора. Посему каждый урок, внедренный Хозяйками в этот искусственный разум, уникален и не поддается копированию²⁶.

Этим отчасти и объясняется, почему величие нашего Дома и наших Хозяек неизменно растет, в

то время как большинство заведений Свободного мира постепенно выродились в унылые консервативные конторы.

68 В начале моей службы был заказан и инсталлирован двухместный саркофаг; ставить его можно было как горизонтально, так и вертикально. При максимальной загрузке в него помещались два раба: один стоял, а другой помещался вверх ногами. Или же оба стояли вертикально. Таким образом для удовольствия Хозяек имелись дополнительные комбинации. Двойной саркофаг поднимался до высоты хозяйской промежности, а через отверстия можно было воспользоваться одновременно двумя эрегированными пенисами для непосредственного сношения²⁷. Если перевернуть двойной саркофаг вверх дном, можно было наслаждаться языками двух ртов или наблюдать эманации возбуждения из двух пенисов сверху, пока через нижнее отверстие происходит акт облизывания. Порой Хозяйкам нравилось просто наблюдать: казалось, это приносит им удовольствие не меньшее, чем само обслуживание.

Они изобрели множество увлекательных игр: заталкивали каблуки в отверстия для рта и наблюдали за реакцией пениса, раскручивали двойной саркофаг, наблюдая за интервалом между эрекцией и состоянием шока. Они бранили нас за нерасторопное возбуждение. Они придумали новый, гуманный способ добиться эрекции после истязания: возбуждение ускоряется, если непосредственно после встряски вставить в рот слуги хозяйский сосок. Более того, они обнаружили, что результат достигается еще быстрее, если до начала процедуры вставить слуге в анус какой-нибудь предмет. Это редуцировало страхи и приводило к более быстрому и эффективному обслуживанию.

Такая образовательная деятельность официально называлась «маслоделие».

Я уделял нашему «египтянину» много внимания: я был обязан за ним ухаживать. Я смазывал его внутренности и очищал поверхность. Мне доставляло несказанное удовольствие всего лишь раскрывать его капот и созерцать механизм, трогая колеса и шестеренки.

В ухаживаниях за «египтянином» я зашел еще дальше. Работая над ним, я слышал голоса, как на уроке; если саркофаг был перевернут вверх ногами, голос командовал: «Оплюй себя», – а если машина резко разворачивалась: «Выйди из саркофага», – а когда я был внутри и не мог двинуться: «Придвинь колени к подбородку».

Невозможность выполнять эти приказы физически и вера, будто на самом деле я подчинился, – ведь я считал, что это приказывали Хозяйки, а их команды надлежало выполнять беспрекословно, – приводили меня в состояние, выходящее за рамки любого земного опыта. В такие минуты казалось, что рассудок покинул физические пределы тела, а убежденность в том, что я исполняю невозможное, перевешивала физическое знание о том, что невозможное невыполнимо²⁸.

Капо Альдо

В начале моей службы всеми слугами руководила одна Анита. В назначенное время нас выпускали из нашего помещения, чтобы мы совершили ежедневный туалет и приняли участие в утренней службе для четырех Хозяек.

Уборные в доме у Аниты должны были быть безупречны, а малейшие нарушения, реальные или мнимые, карались. В дополнительную работу входило ежечасное мытье саркофага, проветривание и смазка подвижных деталей²⁹.

В это первое время остальные Хозяйки бездействовали, почти как гости или жилички, лишь изредка давая нам мелкие поручения, чтобы формально напомнить, что они здесь тоже Хозяйки. Впрочем, они отказывались от такого подхода во время службы в столовой или во время «маслоделия» в саркофаге. Тогда они становились исключительно требовательными. И отчего-то в такие моменты наименее строгой бывала сама Госпожа Анита.

Альдо, которого призвали на службу четвертым, сильно отличался от нас троих. Его облачили в женское платье и дозволили свободное передвижение по дому в любое время суток. Постепенно Альдо взял на себя руководящие обязанности – он даже составлял наш суточный график, который, разумеется, утверждали Хозяйки.

Мы никогда не замечали, чтобы Альдо шлепнули по лицу или пнули за забывчивость и другие провинности. В отличие от нас, его никогда не проверяли на чистоту. Он не мылся и не принимал душ – по крайней мере я никогда этого не видел, хотя в хозяйские уборные его не допускали. Подозреваю, что под модным нарядом скрывалась антисанитария. Крепкие дешевые духи, по видимому, должны были отвлекать от зловония. Порой Хозяйки, не вынеся этого смрада, приказывали ему удалиться.

Лысеющая голова Альдо была покрыта пергидрольным шиньоном с начесом в духе пятидесятых. Образ обольстительной блондинки был тогда в моде среди провинциальных американок среднего класса.

Обычно нас использовали за столом или в саркофаге, но в остальном от нас не требовался обычный или более-менее обычный секс. От нас ожидалось лишь безучастное обслуживание. Зато Альдо пользовался особыми привилегиями. К нему не применяли формальную дисциплину – Хозяйки присвоили ему псевдочеловеческий статус. Иными словами, они относились к нему так, будто он из «гражданских» – можно подумать, сами они принадлежали к этой безликой толпе.

Иногда они набрасывались на Альдо, задирали ему юбки и спонтанно использовали его то так, то сяк. Доходило до того, что они обращались к нему напрямую в ожидании ответа – полная ересь с точки зрения установленных норм.

72 Если над ним подшучивали, он сопротивлялся, ужасно расстраивался и верещал, но его негодование, разумеется, еще больше раззадоривало. Затем он сдавался, повиновался и, все еще вяло протестуя, валился на пол, явно наслаждаясь своим поражением.

И хотя порой он бывал противным и злопаятным, мы, рядовые слуги, не возражали против его привилегий. Однако мы бы возмутились, если бы подобное «доверие» оказали кому-то из нас. Несмотря на то, что мы не вполне избавились от обычных представлений о маскулинности и от реакционных мыслишек, затаившихся в глубине души, мы смирились с положением Альдо. И все-таки, невзирая на его фактический статус, это женоподобное существо мы по-прежнему считали стоящим ступенью ниже.

Наша диета очень разнообразна. Нас кормят мясом и сладостями. Мы обязаны доедать все без остатка. Единственная беда – потеря приятного ощущения голода. В результате обильной кормежки и постоянного спермодоения мы мучаемся, если дойка не происходит каждые несколько часов. Внутреннее давление и психическое раздражение невыносимы, поэтому наши орудия поднимаются автоматически. В такие моменты мы поневоле кричим, жалуемся, призываем Хозяек и носимся кругами в агрессивном перевозбуждении.

Порой дойку приходится откладывать. Тогда приходит Анита и по-быстрому нас сечет, чтобы утихомирить.

Альдо не трогает нас и мизинцем, хотя статус безусловно, ему это позволяет. Как же это мило с его стороны. Несмотря на то, что у него самого никогда не болит член, он относится к нам с глубоким сочувствием.

Хозяйки прекрасно знают о перепроизводстве семени. Они чрезвычайно горды тем, что это превосходит их самые смелые ожидания. И все же изобилие превращается в проблему.

Как-то вечером за ужином они обсуждали эту тему, но увы, так и не пришли ни к одному спасительному решению.

Серый атлас

Мы с моей Госпожой извлекаем особое удовольствие от следующего акта, который она разработала самолично. Как ответственный за эстетику, я выбираю ей наряд для перформанса. Я опускаюсь перед ней на колени и облачаю ее в черные чулки, потом спускаюсь к ее заоблачным босоножкам на платформе, красным и блестящим, из суровой кожи и дешевого пластика.

Хозяйка подходит к стулу, обитому серым атласом, и опускает на него ногу. Мой пенис Хозяйка уже окунула в банку – он полностью покрыт вазелином.

Я стою на коленях на твердом паркете. Она приподнимает ступню, затянутую в чулок, и под нее протискивается мой едва отвердевший член. Затем она перебирает пальчиками ног по моему сморщенному отростку, легко сдавливая его, и подбадривает меня:

– Это очень хороший, послушный хуй. Он просто обожает ботиночки.

Я медленно оживаю и начинаю неторопливо трахать пустоту между пальцами и подошвой, мягко двигая пенисом туда-сюда. Когда у меня наступает эрекция, Хозяйка приходит в раж, давит сильнее, увеличивая или уменьшая объем выделенного мне пространства, иногда вовсе не пропуская мой изголодавшийся, вымуштрованный прибор. Она заставляет его изнывать снаружи, а затем позволяет вернуться в туфельку.

Иногда она хочет, чтобы он ерзал прямо под подошвой. Она наступает на него, мнет между платформой и атласной обивкой стула и сдавливает его так, что он вообще не способен двигаться. Вконец она расплющивает его между твердой платформой и мягким атласом, кривит губы и сердито кричит:

– Плохой хуй! Плохой! Я раздавлю этот ужасный хуй, чтобы он раз и навсегда превратился в промокашку!

Мне очень больно, но я не могу вырваться, ведь она прижала меня к атласу, раскачивая ногу влево и вправо, туда-сюда.

И тут над моей головой раздается вопль:

– Немедленно кончай! – В диком гневе она проникает в свою пизду и начинает яростно драть.

Я неизменно кончаю, зарываюсь головой ей между бедер и, пока она терзает себя пальцами, сосу ее с громким чавканьем.

Я чувствую, как она кончает – во всяком случае, содрогается, – и чавкаю еще громче, облизывая ее, пока в пенисе, уже наверняка посиневшем, нарастает немая боль. Обуреваемый чувством глубокой благодарности и обожания, я присасываюсь к ней, как полип, пока она не отпихивает меня и не убирает ногу с моего члена:

– Хватит!

Лучший художник

Моя обожаемая Госпожа выглядит очень своеобразно: ее резкие орлиные черты подчеркнуты мастерски наложенным макияжем; губы темно-красные, почти черные. Она – воплощенная энергия и деловитость; и готовится разыгрывать конкурс «Лучший художник».

В нью-йоркских неоаристократических кругах эта игра весьма популярна. В надежде пропихнуть своих протеже любители искусства то и дело рекомендуют нашему Заведению нервных молодых гениев. Претендентам не терпится себя показать: художники так изголодались по любви, что ради известности готовы на все³⁰.

Проникновение в столь престижные круги, как наше Учреждение, может принести славу. Я не имею в виду разоблачение личной жизни или публичный интерес к тому, чем их одарила природа, – у них есть надежда устроить выставку и добиться известности и богатства.

Конкурс «Лучший художник» выглядит так: все выстраиваются в ряд у стены Большого белого

зала – в несколько, увы, небрежной манере, при-слонив к правой ноге картину небольшого формата. Ширинки распахнуты, пенисы болтаются.

Анита расхаживает вдоль шеренги в своих черных рабочих ботинках на высокой платформе, со множеством застёжек. На картины она особо не смотрит. Вообще-то, на картины ей, по правде, плевать.

Она внимательно разглядывает пенисы, свисающие из штанов, и когда ей встречается интересный экземпляр, велит владельцу вытащить мошонку, так что все хозяйство вываливается наружу, трясясь, как виноградная гроздь. Временами Анита щупает его, точно рачительная домохозяйка, выбирающая фрукты на рынке.

Затем она проверяет каждый пенис на толщину, на твердость и на отзывчивость. Иногда она тянет за хоботок, испытывая его упругость, порой взвешивает в ладони – сначала только пенис, затем всю мошну³¹. Порой она лишь слегка похлопывает испуганные сморщенные гениталии, проверяя их реакцию. Во время всего осмотра моя Госпожа ведет себя как ни в чем не бывало, заглядывая в каждого, как в отражение, будто перед нею выстроились огромные зеркала.

– Талантливый художник, – одобрительно говорит она, взвешивая на ладони крупный пенис. Или: – Бездарь, – указывая на жалкий экземпляр.

Наконец выбрав член, который пришелся ей по душе, она может бегло взглянуть и на картину: «Хм-м, неплохо!» Анита прекрасно понимает, что в современном искусстве качество – штука непредсказуемая, ведь искусство подвержено влиянию переменчивой моды, встречных течений,

противодействий инвестиционных силовых блоков, запутанных сексуальных отношений, а также чистой удачи.

Напротив, своими действиями она неизменно подчеркивает, что хороший хер – и в Африке хер, потому что хороший хер можно увидеть, взвесить, помять, потереть или употребить. Насладиться можно даже плохим хером. У Аниты есть множество оригинальных способов их помучить.

78

Обладатели пенисов – лишь приложения к причиндалам, которыми управляет знающая Госпожа. Они обучены откликаться на приказы, правильно реагировать, а если пенис прикреплен к художнику, создавать картины на заказ. Они могут даже пособить с работой по дому.

В отличие от искусства, риск ущерба тут невелик и не надо платить страховку.

Ценность пениса тоже поддается осмыслению. Если Хозяйка склонна всучить его подходящему клиенту, умеет выбрать удачный момент... его можно сдать в аренду, как недвижимость, извлечь дополнительный доход. Тем самым он возмещает свои расходы и траты на техническое обслуживание, хотя до самой продажи служит даром.

Пенисы не требуют рискованных инвестиций.

Где еще получишь прибыль, не рискуя наличкой? С одной лишь живописью это недостижимо.

Секс-перформанс

В последнее время воображение Хозяйки занимает идея организованного, заранее расписанного пошагово театрализованного секса. Это называется «Секс-перформанс» – теперь это ее любимый жанр³².

Как-то Госпожа Анита привела немецкую девушку. Это была кругленькая толстушка нордического типа, с темно-какими, почти семитскими глазами, большими сиськами и льняными светлыми волосами, длинными и прямыми. Ей надлежало исполнять роль зрительницы.

Во время «перформанса» немка, одетая в заранее оговоренный костюм, забралась на стул, стоявший на столе, сдавила свою большую грудь и принялась теревать свою письку. По команде Хозяйки, которая, оседлав меня, скакала на мне во всю прыть, немка опустилась передо мной на колени и стала тереться пиздой о мое лицо, одновременно целуя Хозяйку взасос.

Они сосали друг друга и плевали друг другу в лицо. Схватив девушку за сиськи, моя Хозяйка неистово принялась их тискать и дергать, причиняя ей ужасную боль. Груды стали похожи на две огромные длинные жирные сосиски. Одновременно, навалившись на меня своим солидным весом, Хозяйка неистово билась и колотилась о мое тело, пока я не кончил под этими сокрушительными ударами дикой плоти.

80

И в этот момент перепуганная насмерть гостя испустила мне на голову поток горячей мочи. «Лижь ее, Бобби», – услышал я голос Аниты. Немка скорчилась и заурчала, а Хозяйка воткнула мне в анус один, два, потом три пальца в перчатке, поворачивая их глубоко внутри и командовала: «Кончай еще раз!» Я старался подчиниться ее приказу, и меня охватила дрожь.

Иногда, если еще остаются соки, мне удается кончить второй раз, и я фонтанирую снова, как было приказано свыше.

Наша наука

Ни моя Госпожа, ни я не балуемся алкоголем, не курим дурь и не употребляем другие экзотические стимуляторы. Наши занятия – сугубо человеческие отношения. Наша задача – создание новой, научно обоснованной эстетики.

Однако исследования переносят нас в миры, не доступные ни алкоголику, ни наркоману. В чистый мир чувств, как он есть. Это не эскапизм, не полет галлюциногенной фантазии в иллюзорные миры, не бегство в небытие. Все это мы категорически не приемлем.

Наша мудрость растет, возрастает наслаждение, и мы крепнем день ото дня. В нашем наслаждении нет непокоренных вершин; если обнаружится новый пик, рано или поздно он будет взят, чего бы это ни стоило!

О нет, наши исследования-наслаждения не запланированы холодным и расчетливым умом. Подобно великому искусству, они возникают спонтанно. И, подобно истинным научным открытиям, после интенсивных исследований они прихо-

дятся внезапным озарением, как в искусстве, только все это целенаправленно и контролируемо. После головокружительного возбуждения результаты всегда анализируются, а методы совершенствуются³³.

Жид хуй говно

– Бобби, иди сюда.

Я только что проснулся, совершенно разбитый, тело ноет от вчерашних занятий. Она стоит босиком посреди комнаты на возвышении в блестящем красном корсете и платиновом парике с длинными волосами. Больше на ней ничего нет. Она любит себя в большом зеркале. Ритмично трет себя, повернувшись ко мне задом.

Нью-йоркское утро, Верхний Уэст-Сайд, по Сентрал-Парк-Уэст грохочут машины. Сквозь щели в ставнях сочится солнце, обнаруживая странные артефакты: ползучую мебель ар-нуво, похожую на растения, убийственные золотые цепи, инкрустированные шипами. Над артефактами висят сотни таких цепей.

– Бобби, иди сюда.

Мой рабочий прибор оживает. Как хороший солдат, он просыпается первым – а за ним и я.

Моя Госпожа не любит домашних ковров. Я опускаюсь у нее за спиной на колени на твердый паркет, и мое лицо останавливается на уровне ее

талии – перед глазами колышутся большие белые ягодицы. Гигантские живые бомбы, начиненные желе, они подрагивают, когда ее пальцы погружаются в мякоть. Затем она грубо впивается в них когтями и, наконец, царапает, оставляя красные полосы.

Мои щеки трутся об эти мягкие бомбы. Нос погружается в расщелину, втягивая восхитительный запах, приближается к маленькому анусу и замирает – еще не время.

84

Поначалу я работаю в нижней части расщелины, пока мой нос не утыкается во что-то влажное. Я знаю, что туда нельзя – это запретное место, и от меня ожидают совсем не этого. Я возвращаюсь к анусу, очерчиваю носом круги вокруг него, перемещаюсь в верхнюю часть ущелья, на мостик, где начинается талия, молочно-белая полоса, зимняя дорога между двумя заснеженными холмами моей целомудренной юности³⁴.

– Хуй, – говорит она.

И я понимаю, что должен работать усерднее.

– Хуй.

Я действую яростнее, сильнее хлопаю щеками ей по жопе и тычусь носом.

– Хуй.

Теперь я огибаю ее бедро, гляжу в ее улыбающееся, довольное, сердитое лицо, которое тихонько рычит:

– Хер-хуй-хуй.

Запах ее вагины гуще, и ее анус приходит в действие, источая другой аромат, еще слаще.

– Хуй-жид-хуй-жид-хуй-жид, – методично повторяет она. Мой нос глубоко погружен в ее заднюю борозду, но я знаю ее гримасу.

– Жид³⁵. – Она высовывает завиток язычка. – Хуй. – Язык показывается снова, слюна капает из уголков рта. – Жид. – Язык выгибается локоном. – Хуй. – Она облизывает нижнюю губу. – Жид. Хуй.

Слюна стекает по ее подбородку, платиновые волосы разлетаются. Одна рука перестает хлопать по заднице, три или четыре пальца заходят во влагалище, глубоко, до предела. Схватив узелок в верхней части пизды, она слегка наклоняется вперед.

85

Это знак: мне надлежит замереть у нее за спиной, зажать коленями возвышение, на котором она стоит, и широко раскрытым ртом прижаться к ее анусу.

Моя рука охватывает ее талию, лежит у нее на животе. Я приклеен к ее заднице, она меня удушает. Потом она приподнимает задницу – здесь начинается ее пизда. Я же стою – рот раскрыт, сосу, запрокинувшись, – давлю ей на живот, дабы помочь ей освободиться от драгоценной сладкой помадки. Выходит с трудом. Резкий удар в мой пах, она запрокидывается назад, и мы едва не теряем равновесие.

Ее слова летят на меня с потоком слюны:

– Хуй-жид-ешь-ешь-ешь. – Она выпускает газы мне в рот, и они выходят наверху через ноздри. Я как можно шире раздвигаю ее ягодички, и оно выскальзывает в меня, мне в горло. Слишком много, не проглотить.

Я падаю навзничь. Она спускается с возвышения и яростно подтирается, елозя пиздой по волосам у меня на груди. Я задыхаюсь, выскальзываю из-под нее, бегу в уборную и становлюсь на колени перед унитазом. Меня выворачивает.

Теперь назад в комнату, где моя Хозяйка растянулась на полу в мирном блаженстве. Она переворачивается на живот, поднимается на колени, подставляет себя для помывки, и я начинаю нежно вылизывать ее языком.

Электрическая вагина

– Еще, Бобби, – говорит Анита. И я прикладываю электрическую вагину к своему пенису. Я сижу нагишом в углу спальни.

«Б-р-р-р-р», – жужжит мотор, масло, смешанное с кислотой, бурлит вокруг пениса, дьявольская механика пульсирует до боли умно³⁶. Я уже отдохнул. Но еще минута – и я сорвусь. Ворох эмоций за пределами чувств.

Моя Госпожа сидит в кресле напротив под ярким светом прожектора, разглядывая себя в наклоненное зеркало в углу.

Она красавица – кожаные сапоги, грудь наружу, чулки с подвязками и черный корсет. Она дико размалевана: лицо напудрено до мертвенной белизны, беспросветный провал губ, темная тушь вокруг глаз, красная – в уголках и по кромкам век. Она разрисовала и соски – черный по краям, красный в центре. На голове – жгучий оранжево-красный парик.

Ногу она перекинула через подлокотник, и я вижу ее влагалище в складках обвисшей плоти. Она трогает себя в такт моим электроиндуци-

рованными судорогам. Вместо члена она иногда вставляет во влагалище рукоять длинного хлыста, потом сдвигает прожектор, освещая себя под разными углами, чтобы я лучше ее рассмотрел. Уменьшая контраст, она включает второй прожектор. Я опускаюсь на корточки. Болезненное давление электрической вагины на член становится невыносимым.

88 Машина останавливается каждые пять минут. Чтобы дьявольская штукавина заработала снова, надо включить ее заново. Но я не останавливаюсь, пока не прикажут.

– Баста, – говорит Хозяйка.

Я знаю, что сейчас произойдет. Как в хорошо отрепетированной сцене, я отнимаю от пениса инфернальную машину и ковыляю к моей Хозяйке. Я ложусь на живот, потом – на бок.

Ее сапог наступает на мое бедное мясо, на мой сморщенный член.

Я немного отодвигаюсь назад, не вынимая пениса из-под сапога. Моя Хозяйка стреляет горячим потоком мочи, целясь мне в голову, затем в грудь.

Иногда она любит поболтать со мной цивилизованно. Она прищелкивает языком, показывает мне его между словами – словами любви и сострадания.

В такие минуты она сидит в кресле, полностью одетая, с красиво уложенными волосами – никакого утрированного макияжа, ничего подобного. Мне позволено голышом лежать на кровати.

Она заполняет мой кулак вазелином – я никогда не соглашаюсь сходить за ним сам, это испортило бы весь эффект, – она ухмыляется, вываливает язык, кривит губы, и из ее рта вылетают добрые, милые пустяки. Например:

– Хороший хуй. Хороший мальчик.

И добавляет:

– Но он никогда не войдет в мою пизду. Это не для тебя, не для тебя, не для тебя...

Это меня возбуждает³⁷, и я дрочу быстрее – фи-стинг продолжается³⁸.

– Куда ты торопишься, Бобби? Не так быстро, – приказывает она, и я вынужден притормозить.

Затем:

– О-о-о, у меня под платьем есть одна маленькая штучка. Но ты ее никогда не увидишь, не потрогаешь, не проникнешь в нее...

И затем:

– Хуй!

Сердце мое бьется быстрее, рука движется быстрее, и я продолжаю, пока не прикажут остановиться – тогда я останавливаюсь.

И тут моя Госпожа заводит разговор о Женском Освобождении; потом рассказывает об анархизме, о знакомых богачах, о том, что в лучших домах практикуется лесбийство, о том, какая у нее красивая жопа, как она измордует меня туфлей, если я плохо себя поведу, и так далее³⁹.

Потом она говорит:

– Продолжай, Бобби! – и умолкает. Гробовая тишина – ни язык, ни губы не двигаются. А я отчаянно работаю над своим членом, пока наконец не содрогаюсь и не кончаю.

Она же сидит, точно изваяние, и внимательно смотрит.

Маленькая смерть

Если несколько дней подряд я, прилежный раб, делаю все, чего захочет моя Хозяйка, меня ожидает награда.

Есть одна особая, интимная награда – ее получаешь наедине с Анитой. Это несколько почти оргиастических переживаний одновременно – все они необычайно животворные, но смертельно опасные. Мы называем такие ощущения маленькая смерть, и они включает в себя самые насущные потребности человечества – еду, секс и власть⁴⁰.

Моя Госпожа ценит этот опыт, быть может, даже больше, чем я. Она испытывает тройное возбуждение. Само по себе оно противоречиво. Первое включает в себя приземленную потребность насыщения, пожирания и заполнения пустот; второе – трансцендентное эротическое переживание и, наконец, третье – садомазохистская радость от причинения боли.

Но для начала я должен приготовить хорошее блюдо. Подобными глупостями Анита никогда не занимается, это ниже ее достоинства. И правиль-

но – это работа для слуг. Для меня же нет ничего легче, ведь я превосходный повар, можно сказать, маэстро.

На мне лежит эстетическая ответственность за наряд Хозяйки. Пока я выбираю ей наряд и одеваю ее, она совершенно пассивна.

Я занимаюсь и макияжем – применяю консервативную белую пудру, лишь слегка трогаю ее скулы розовым, чтобы создать впечатление, будто ее слегка лихорадит. Помада не нужна – губы просто смазаны маслом. Я ополаскиваю ей рот соленой водой – нужно уничтожить бактерии и инфекцию.

91

Церемония мытья сложна. Ее ноги я омываю языком и затем смазываю маслом каждый палец.

Ее вагина требует особой подготовки. Я омываю ее водой и мягким мылом, затем размягчаю – постепенно наношу мазь с различными химикатами. Под конец процедуры ее влагалище чувствительно, но по-прежнему пассивно. Теперь ее скрывает ткань, которой я пеленаю все ее тело. Трение не должно возбудить влагалище до начала процедуры.

В течение нескольких часов до трапезы Хозяйка отдыхает и слушает приятную музыку – ничего волнующего, глубокого, грустного или чрезмерно веселого. (Подойдет добротная запись эстрадного оркестра.) Госпоже следует не утруждать себя упражнениями и вообще избегать физической нагрузки.

Ей нельзя надевать ни корсет, ни обтягивающую одежду, которая может сковать движения. Она плюхнется в удобное кресло, как набитый мешок. Предпочтительно, чтобы ее отнесли или подкатали к столу, где на белом льне разложены серебряные приборы.

В этот вечер она в строгом черном вечернем платье. Я провожаю ее к столу. Еда расставлена так, что моей Госпоже требуется минимум усилий, чтобы дотянуться до любых блюд.

Поскольку мое почетное место – под столом, Хозяйка обслуживает себя сама. Она расслабилась и начинает медленно есть. Я беседую с пальцами ее ног, ласкаю их руками и губами. Щекотка, усиленная маслом, посылает по ее телу приятные волны.

92

Я медленно прокладываю себе дорогу к ее влагилицу, чувствуя продвижение пищи по ее телу, подстраивая движения языка и губ под ритм проникновения лакомств в ее желудок. Ощущение опускающейся еды смешивается с волнами наслаждения, поднимающимися из вагины, сводит ее с ума. Наконец, напряжение становится невыносимым.

– Еб твою мать! – кричит она и рывком тянет на себя скатерть вместе с посудой.

Блюда выливаются ей на колени и под платье. Моя Госпожа свирепо бьется головой о соусы, закуски, мясо, все падает и течет.

Изумительные помои стекают по ее промокшему платью. Я замер у нее между ног, не сдвигаюсь ни на дюйм, хотя в припадке наслаждения ее колени колотят меня по голове. Я держу ее в железных объятиях и изо всех сил сосу влагилице. Она успокаивается, оседает в изнурении.

Я вытаскиваю член, и Хозяйка, словно клещами, сдавливает его голеньями. Я трахаю ее ноги, сосу шишечку на ее пизде. Она бьется о мой член, тянет его икрами, и эти удары, эти рывки означают, что она мастурбирует.

Некоторое время я высасываю ее отверстие начисто, вылизываю всю разлитую пищу. Моя Хозяйка выгибается и стонет, но не может расслабиться, и, пока она безостановочно извивается и корчится, я толкаю свой прибор, как материнскую грудь, в ее гостеприимный рот⁴¹.

Самооценка

Все Хозяйки ушли по какому-то важному делу – по-моему, на университетский семинар, от которого может взорваться мозг. Я лично их проводил, поклонился и закрыл за ними дверь. Анита на прощание хлопнула меня по губам, заодно повредив мне нос. Но я нуждался в поощрении. Мое настроение снова упало, точно ртуть в термометре, – весьма характерная черта моей психики.

Кот из дома – мыши в пляс; едва наши патронессы ушли, Фриц и Ганс вытащили свое советское коммунистическое чтиво, этот опиум для рабов⁴². Капо Альдо развлекается в одиночестве, перебирая свой гардероб в безостановочном стриптизе. Никто из нас не обращает на него никакого внимания.

Зато я прокрался в спальню Аниты: дверь была приоткрыта, так что я, хоть и нарушил правила, но не в совсем. Я расположился перед огромным старинным шкафом, двери которого инкрустированы зеркальным стеклом изящной формы. Теперь я целиком отражаюсь там, где обычно отражается прекрасное тело Аниты.

В воздухе царит ее восхитительный пьянящий аромат. Мой бдительный нос уловил нежный коктейль надменных кожаных запахов, смешанных с эманациями ее тела. Вокруг разбросана одежда – на меховых коврах, на креслах, на неубранной кровати. Я нахожу шелковый чулок – она носит только шелк, презирает нейлон. Юбка. Шляпа. Я ощущаю, как двойник ее тела парит в воздухе, повернувшись ко мне умопомрачительным задом, – роскошь, излучающая чувственность Тициана.

95

В этой наэлектризованной атмосфере романтизма и женского совершенства отражение моей фигуры в зеркале попросту отвратительно. Среднего роста коренастый человек в пижаме-униформе, не очень свежей и неглаженной. Синие полосы местами выцвели: на белом фоне они стали коричневатыми, цвета экскрементов. Это результат небрежной машинной стирки. Лазурный на белом хорош только когда окраска безупречна. Почему тюремная униформа – всегда голубые полосы на девственной белизне?⁴³ Разве в радуге не бесконечное число цветов?

Служащий в зеркале выглядит измотанным, но все еще молодым. Одно плечо слегка скошено, будто сломано. Подозрительно торчит живот: недостает тяжелой работы, упорных упражнений – администрация должна заставить его работать усердней. Он сгорблен словно под тяжестью невыносимого бремени. Почему же тогда такой вялый живот?

Я поворачиваюсь боком: зад отвратительно выпячен. Задираю куртку, открываю талию: она очень узкая, подобна женской. Для нормального мужчины слишком широкие ляжки.

Я закатываю рукава – запястья и руки у этого человека необычайно узкие и тонкие. Похоже, он сложен не для физического труда. Разве это мужчина? Кто из римских патрициев приобрел бы такого пленника из отдаленной завоеванной провинции для своей конюшни? Кто бы из граждан древних Афин терпел такого слугу у себя в спальне? Даже евреи в швейно-пошивочном квартале Нью-Йорка не наняли бы такого толкать тележки по Седьмой авеню. Он просто не похож на рабочего – рухнет в любой момент, и проблем со страховкой не оберешься.

Почему же тогда, по какой такой извращенной причине Госпожа Анита допускает в свое стойло подобные надломленные экземпляры?

В открытое окно, громко жужжа, врывается пчела – редкое явление в квартире на девятом этаже. Облака рассеялись. За пчелой следует взрыв солнечного света, и я наблюдаю ее полет.

Сначала насекомое отдыхает на антикварной люстре. Тишина. Я весь внимание. Потом жужжание возобновляется. Она нашла себе место среди живописи девятнадцатого века, в изображении гарема, прямо на женском соске. Затем она поднимается вверх по картине и переползает на глаз.

Свежий пряный воздух мешается с ароматами моей любви, и я будто плыву. Вот-вот откроется дверь, и войдет моя шестнадцатилетняя красавица. Поначалу смутится, обнаружив меня в своей спальне, а затем обнимет меня прямо перед зеркалом. И так мы постоим, прижимаясь друг к другу.

Ее темно-соломенные волосы будут щекотать мою щеку. Пахнуть она будет совсем не так, как Анита. Волосы моей любви пахнут лесом, лесными прудами. Она касается моего лица – и больше ни-

чего. Мы обнимаем друг друга чуть крепче... Пчела снова жужжит и пытается вылететь в открытое окно, промахивается, бьется о стекло закрытой створки, падает и исчезает в меховом ковре.

Я продолжаю рассматривать свое отражение. Снимаю рабочую куртку, затем полосатые штаны и трусы. На руках и на пальцах отметины. Я знаю происхождение лишь немногих: вот шрам от пореза – я держал фотографию с разбитым стеклом... на фотографии старик? Но был ли у меня дедушка?

97

Руки выше локтей покрыты отметинами: числа, буквы и знаки, вытатуированные или нанесенные несмываемыми чернилами, уже поблекшие. Видимо, стандартная идентификация служащих. Почему их так много? Ими покрыты обе руки, до плеч. Не припоминаю, чтобы я служил в столь многих местах. Но знаю, что служил. Отметок очень много – быть может, потому что мои услуги не ценили; или же я служил в большом концерне со множеством отделений.

Волосы на моей груди и плечах редуют, как и волосы на ногах. Это естественно, когда человек входит в определенный возраст. Без униформы виден голый выпяченный живот. У меня действительно женоподобные бедра. Ступни подобны рукам, маленькие и хрупкие. А вот икры и ляжки очень мускулистые. Кажется, нагрузки на них было больше всего. Они похожи на ноги атлета – неужели я занимался бегом? А, может быть, я убегал?

На моем бедре отпечатан символ моей нынешней любви: Мать Анита. Прямо над ним – американский флаг, я сделал эту татуировку по собственной инициативе. Мать Анита меня похвалила – ей нравилось гладить татуировку пальцами,

проверять, насколько выпукла и чувствительна кожа. Она гордилась, что я выбрал место для флага рядом с ее товарным знаком.

Теперь позвольте рассмотреть лицо этого человека в зеркале совершенно объективно. К какой расе он принадлежит, какую национальность или классовые характеристики скрывает эта бесстыдная, выставленная на всеобщее обозрение поверхность? Какой психологический склад? Есть ли у него секреты – проговорится ли о них лицо?

98

Человеческое тело рассказывает историю. Лицо молчит и не дает ответа.

Но я блестящий профессионал, уверяю вас, хотя лицо мое объективно ни о чем не говорит. Но поверьте – оно живет, пусть и неопределенное, усохшее. Оно дышит под измятой оболочкой, поддерживает во мне жизнь, питает мои мысли и воображаемые чувства – не наоборот. В зеркале мое тело выглядит ужасно, но зеркала, как известно, лгут.

А если это тело умрет – что тогда? Наберет ли мой мозг достаточно сил, чтобы существовать самостоятельно? Буду ли я и в старости жить внутренней жизнью, точно бурлящий, вечно живой Бухенвальд⁴⁴? Жестокость Аниты полезна школяру, изучающему бухенвальдику, – но в глубине души ему нужна его шестнадцатилетняя, его исчезнувшая Любовь⁴⁵.

Охота в Центральном парке

Мы обожаем походы и марши. Мы никогда не разгуливаем в нашей полосатой униформе, а одеваемся в обычную гражданскую одежду, которая натягивается поверх пижамы.

На головах у нас обычные кепки или шапки, чтобы любопытные не увидели коротко стриженные волосы с чисто выбритой дорожкой посреди скальпа – это может вызвать неприятные толки среди гражданских. Даже в этом просвещеннейшем из городов кто-то еще отчасти сопротивляется передовым культурным практикам. Но мы предпочитаем не дразнить население.

Наш марш – поход невидимок. На вид мы – обычная группа граждан, хотя шагаем в ногу и тихонько поем хором – настолько тихо, что никто, кроме нас самих, этого не слышит.

Мы поем наш «Походный марш Дома Аниты»:

Колоти меня колоти,
молоти меня, молоти.
Ненавидь меня, ненавидь,
чтобы плакать мне или выть.

Пни меня острием каблука,
пни-пни-пни меня, дурака,

Закричи: говнюк, получай!
Заскучай по мне, заскучай.

Унижай меня, унижай,
унижать меня – это рай.
Порази меня, порази,
загрызи меня, загрызи.

100

Жаль меня острием осы,
обоссы меня, обоссы,
обоссы меня, обоссы,
обоссы меня, обоссы.

Мы проходим по Сентрал-Парк-Уэст и углубляем-
ся в парк, где шляются разрозненные банды недо-
вольных. Что за удовольствие двигаться к Пятой
авеню, где обычно проходят гражданские марши!
Мы идем торжественным строем мимо жалко оде-
тых грязных людишек, озлобленно терзающих
свои гитары, жаждущих порока, наркотиков и
антинародных волнений.

Везде, где они находят вдохновение, давая вы-
ход своим незрелым бунтарским позывам, они
следуют за более рафинированными умами – не-
важно, цель это или процесс. Может быть, это
выхлопная труба для афроамериканских терро-
ристов? Может быть, это помощь богатым неудов-
летворенным матронам?

Они тут как тут.

Недовольные собираются толпами на разнуз-
данных гомосексуальных уличных вечеринках.
С тщетной беспечностью они заполняют бесчис-

ленные и бессмысленные марши, шагая плечом к плечу со знаменитостями, интеллектуалами и художниками-авангардистами. Однако наши экскурсии в парк – совсем другое дело: тут идет ОХОТА НА ВОЛОСЫ.⁴⁶

Мы блуждаем в парке, точно свора охотничьих собак, ноздри дрожат. Запах деревьев и травы перемешивается с запахами гамбургеров, жареной картошки, мороженого и сладостей. Но ярче всего выделяется едкий запах волос – длинных потных волос, что в невероятных количествах носит на головах молодежь.

Перед глазами у нас возникают гигантские горы волос – хайры недовольных, Волосы Хиппи!⁴⁷ Не слишком чистые, зато длинные и эластичные. Сытые, податливые Волосы Американских Хипарей!

Мы уже предвкушаем отрадные результаты успешной жатвы. Госпожа Анита с улыбкой отведет взгляд, когда мы принесем ей дневные трофеи. Госпожа Бет схватит длинную эластичную белокурую прядь, пощупает, погладит ею вагину, вопя: «Как же я люблю Хиппи!»

Я представляю себе, как Госпожа Тана Луиза хватает волосы и засовывает их в горло Гансу, пока тот не начинает задыхаться, при этом она непрестанно орет: «Тебе ведь нравятся волосы Хиппи, не так ли? Шикарная вещь!»

На поляне вдали от праздно слоняющихся толп мы сидим на высоком валуне и подглядываем за долговязым существом, спящим в траве.

Он в скучной потертой городской одежде. Белая рубашка расстегнута. Галстук развязан. Он дремлет в мирном довольстве. На траве лежит рас-

крытая книга, рядом – носки и ботинки. У этого человека анемичная и болезненно белая кожа – он редко видит солнце.

Под кепкой у него не так уж много желанных волос. Однако это компенсируется роскошной буйно разросшейся огненно-рыжей бородой – довольно редкой окраски и замечательно густой.

102

Позвольте заметить, что быстро и профессионально отчищать такую бороду непросто. Это вам не отрезание хиповской гривы со спины. Тут не подкрадешься к жертве сзади, не застанешь ее врасплох, не освободишь ее внезапно от имущества. К этому субъекту надо подходить прямо, без прикрытия. И преуспеть, не повредив добычу.

Между тем, похоже, он безмятежно дремлет на слепополуденном солнце. Можно совершить набег на нашу рыжую жертву с приличными шансами на успех.

Тактика такова: в молниеносной операции участвуют все четверо⁴⁸: быстро и крепко закрываем жертве глаза: голову держим руками, а тело сильно прижимаем к земле, как можно сильнее – на случай, если человек, внезапно проснувшись, дернется, что может привести к неудаче и повредить бороду.

К счастью, для лобовой атаки у нас достаточно навыков и опыта. Но акт по-прежнему опасен, особенно в данном случае, когда тело долговязое и в хорошей физической форме.

Однако, возбуждение охоты, риск, пляшущий на острие ножа, разделяющем неудачу и успех, – сами по себе награда охотнику.

Рабби Бухенвальд

Мы окружаем спящего. Поблизости никого. Наша мишень, кажется, погружена в глубокий сон. По сигналу начинаем действовать.

Но рыжебородый молниеносно хватается за члены двоих, очутившихся рядом, а других обездвигивает, наступая на их пенисы босыми ногами. Он дергает нас за наши приборы и рычит:

– Вы что, хотели прикончить меня вот этими ножницами? Придурки!

Мы стонем от боли.

В наигранном гневе рыжебородый продолжает глубоким мелодичным басом:

– Бороду мою захотели? Зачем она вам?

– Да, нам нужны волосы, только волосы, вот и все, – пищит Альдо.

– Только волосы! Ага, всего-навсего какие-то волосы! М-да, с вами, пожалуй, все ясно. Ладно, идите сюда, ребятки, – и он дергает нас за пенисы, заставляя сесть на траву.

Мы окаменели, мы вынуждены повиноваться, мы не сопротивляемся. Мы сидим, сбившись в кучку, и дрожим как осиновые листья.

Рыжебородый говорит:

– Вы, я вижу, рабы любви. Мне все ясно. Я знаю... я понимаю. Вам нужна моя борода. Но фиг вы ее получите!

Во время драки с него слетела кепка. К моему удивлению, я вижу его короткую стрижку с выбритой посередине бороздой, в точности как у нас.

– Меня зовут рабби Бухенвальд, – говорит он⁴⁹.

104

Рабби Бухенвальд отпускает наши пенисы, а затем встряхивает каждый сердечным членопожатием. После чего расстегивает ширинку и обнажает свой прибор, чтобы каждый дружески пожал и его.

Так мы демонстрируем, что мы теперь друзья, настоящие френды.

– Как видите, мы очень похожи, – говорит рабби Бухенвальд. – И сверху, и снизу. Давайте прошвырнемся по парку!

На самом деле, не очень-то мы и похожи. Он огромный. Он возвышается над нами горой, а когда мы стоим рядом, кажется, что он растет с каждой секундой.

– Похоже, вы хорошие мальчики, – примирительно говорит Рабби Бухенвальд, и, когда мы идем, как веселые ученики, сгрудившиеся вокруг любимого учителя, он обнимает нас за плечи.

– Ребятки, позвольте угостить вас молочным коктейлем⁵⁰.

– Благодарим вас, Рабби Бухенвальд, но у нас есть деньги на карманные расходы, – говорит Ганс.

Проходя мимо пустой скамейки, мы видим, что там для нас уже заготовлены коктейли. Так что мы садимся и начинаем потягивать вязкую вкус-

ную жидкость. Замечаем, что на скамейке стоит
лишний коктейль – клубничный. Мы недоверчиво
ахаем.

Пикник эсэсовцев

Рабби Бухенвальд сидит посередине, греясь на приятном солнышке, а мы, слуги, сидим вокруг. Мы все сняли головные уборы, обнажив чисто выбритые бороздки на скальпах.

Умиротворение. Все кажется ясным, простым и красивым. Вести беседу вовсе незачем. Молочные коктейли восхитительны. Заполнив желудки, мы обнимаем друг друга, садимся поудобнее и наслаждаемся днем, творением Божьим, лениво наблюдая за катящимися мимо нас многочисленными колясками.

Неподалеку в древесной тени, под плакучими ивами, я вижу группу растянувшихся на траве эсэсовцев с подругами-заключенными. Укрывшись от солнца, мужчины расстегнули мундиры. Вокруг белой скатерти валяются бутылки и корзинки.

Иногда оттуда долетает веселье: смех, жевание или бульканье – спиртное пьют из горла.

Эсэсовцы говорят по-немецки. Ветер доносит обрывки разговоров. Подружки заключенных болтают главным образом между собой, лишь

изредка обращаясь к своим спутникам. Кажется, девушки общаются без труда, хотя говорят на незнакомых нам языках.

Хотя они ужасно истощены и ослабели от недоедания, а их движения заторможены, похоже, им весело.

В этой группе отдыхающих долго царит мир. Затем одна девушка-заключенная хватается за нож и начинает колоть им своего спутника. Но эзэсовец не реагирует. Он лежит себе на траве, не кричит, не отбивается. Остальных мужчин сцена, видимо, забавляет.

Рабби Бухенвальд всплескивает руками, а затем беспомощно их роняет. Потом обнимает нас за плечи.

– Какой чудесный день, – говорит наш рыжебородый раввин, вставая и уже намереваясь уходить. – Мы встретимся снова? Полагаю, да.

И тут он заливается румянцем:

– Не забудьте отнести Аните клубничный коктейль. Скажите, что от меня.

Краткая история современного еврейства

Мне очень плохо.

Обращение наших брутально настроенных Хозяек с еврейкой Джуди Стоун наводит на мысль о том, как мало знаю я о судьбе еврейских граждан Европы – откуда, видимо, и происхожу.

В помутневшей памяти всплывает воспоминание о том, как евреи собирались на работу – в надлежащем платье, согласно общепринятой моде или правилам. Их лавки, где они обслуживали население, всегда были безукоризненно чисты, их служба подобострастна. Их дети были хорошо воспитаны, вежливы и образованы.

Евреи глубоко уважали государство и трепетали перед символами власти, госучреждениями и чиновниками. Государство, в свою очередь, терпело их, закрывало глаза на их присутствие – порой даже, если надо было, награждало их почестями и званиями.

Тогда почти все евреи Западной Европы успешно приближались к тому, чтобы стать полноправными членами надежного среднего класса.

Иначе обстояло дело в Восточной Европе, особенно в Польше и России, где евреи выказывали чрезмерную гордость, полагая себя независимой нацией. Они упорно отказывались ассимилироваться. По сути, они составляли нацию внутри нации.

Они фанатично блюли свою древнюю религию. Невежественные, в лохмотьях, рассеянные по захолустным и заболоченным городкам и далеким от мира селениям, они предпочитали жить летом в грязи, а пресловутой русской зимой – в снегах. Только бы сохранить свою самобытность.

Но когда к власти пришли кровавые большевики⁵¹, восточноевропейские евреи быстро переменились. Они отказались от своего сепаратистского фанатизма и очутились на передовой революции.

Все это я помню.

Но еще я слышал, что во время Второй мировой войны немецкие военные вместе с предвзятым местным населением уничтожили значительную часть евреев Востока.

Впрочем, не всех – многие успели бежать или спастись под крылом у Советов; эти увидели, как большевики выиграли войну с нацистами.

В конце концов евреи разочаровались в большевизме. Для меня это загадка. Возможно, потому, что в далеком Израиле у евреев возникло собственное государство. Или потому, что в отдельных и прискорбных случаях советское руководство, точнее сталинисты, преследовали тех самых людей, которые восторженно приветствовали революцию. А может, российские евреи слушали американское радио и узнавали о том, как прекрасна и беспечна жизнь на Западе.

Сейчас в бывшей империи Сталина среди евреев нарастает волна недовольства. Я слышал, они жаждут не старого Бога, не новой родины в Израиле, но «котлов египетских» – передовых рабовладельческих режимов Запада, особенно самого золоченного из них, наших Соединенных Штатов, и всего сильнее – нашей де-факто Столицы, нашего Вавилона-на-Гудзоне, Нью-Йорка!

110

Некоторые говорят, что американские евреи взяли на себя роль эксплуататоров; некоторые утверждают, что американские евреи гонятся за живой и хитроумно добиваются своего. Но что же тут плохого? Это и движет экономикой. Разве мы на Западе не умеем это лучше всех? Столько добра – лишь руку протяни. Разве наша культура не зиждется на Свободном Предпринимательстве?

Даже в таких продвинутых авангардистских салонах – скажем, подобных нашему Дому Ани-ты, – встречаются ярые антисемиты, которые утверждают, что богатые евреи выставляют себя напоказ. Они – предмет зависти неимущих: чернокожих, которые едва слезли с пальм, и латиноамериканцев, нищих и еле спасшихся от голода.

Но эти богатые евреи в меньшинстве. В Нижнем Ист-Сайде Манхэттена, в Бруклине и Бронксе немало еврейских бедняков.

Так или иначе, евреи, которых видел я, особенно в Европе, ревностно играют ту роль, что назначила им жизнь: принимают все, что дают, горечь вместе со сладостью.

Я всегда считал евреев честными, трудолюбивыми, умными и законопослушными людьми. Из-за своего безнадежного статуса меньшинства они так и не развили в себе волю к власти. Они

не подбострастны. Изо дня в день они упрямо выживают и усердно трудятся, поэтому их можно счесть самыми прилежными слугами.

Так, во времена Гитлера они естественным манером признали своих новых Хозяев. Они смирились со страшными гонениями и смертоубийством от рук новых владельцев. Как и полагается истинным слугам, они терпели свою трагедию до последнего.

Они не восставали, за исключением очень немногих, да и то – когда было уже поздно. Наверняка они и восстать толком не могли – я, как преданный слуга, понимаю, что мы, даже бунтуя, препятствуем полному уничтожению господской собственности⁵².

По всем этим причинам я отношусь к евреям с нежностью, стараюсь выказывать справедливость и сочувствие даже американским евреям. Которые, как я понимаю, – совсем иное племя, нежели их гонимые и смиренные европейские собратья.

После Иудейских войн

Сегодня на Пятой авеню парад. Не для ирландцев, поляков или литовцев, которые самовлюбленно маршируют в честь какой-нибудь годовщины. Нет, сегодня маршируют римские воины – они энергично шагают вперед, неся над головами тяжелых победоносных орлов. Впереди на коне – император Тит⁵³.

Они только что вернулись с Иудейских войн.

Тротуары Пятой авеню забиты гражданами, которые пристально и безмолвно наблюдают из-за деревянных полицейских барьеров⁵⁴. Они с опаской смотрят, как мимо тащатся усталые еврейские заключенные. Эти люди несут на плечах сокровища Храма⁵⁵. Кое-кто не выдерживает и чуть не падает под грузом гигантской серебряной меноры.

Лица еврейских заключенных искажены бесильным гневом. Их бороды спутаны и неопрятны. Пот катится по их жилистым и худым телам. И все же, они маршируют, и редко кто из них падает.

Они не дают себе передышки. Время от времени на их искаженных болью лицах пробиваются улыбки, словно они пребывают в тихом экстазе от своего сверхчеловеческого бремени.

Эти еврейские заключенные маршируют в Метрополитен-музей, несут туда сокровища своего утраченного Храма. Все их ноши затем соберут и превратят в предметы искусства – ради назидания и общественного прогресса.

Падение Джуди Стоун

Среди Хозяек Госпожа Анита – прекрасная аристократка. Походка у нее подлинно царственная, длинные черные и блестящие волосы ритмично и гибко покачиваются. Спина ее пряма, шаг выверен, заранее рассчитан. Свои продуманные и четкие приказы она всегда отдает спокойно.

Мы питаем неизменное уважение и глубокую привязанность к Аните, но Госпожу Бет Симпсон – крутую и по-мальчишески веселую – любим больше всех.

Бет Симпсон шумит, озорничает и ведет себя как настоящая пацанка. Она ест и пьет между трапезами. Порой, плюя на правила, заходит в комнату слуг во время отдыха. В зависимости от своего непредсказуемого настроения, она то подкармливает нас лакомствами, то бьет и подзуживает драться.

Мы стараемся уклониться – прячемся под койками или забираемся на шкафы, подальше от ее добродушной ярости. Порой она даже провоцирует нас на необдуманные замечания.

Временами Бет Симпсон подшучивает над заварухой, которую сама же затеяла. Но иногда буйный нрав берет верх – она хватается первый попавшийся предмет и запускает им куда попало, что опасно, или поколачивает нас чем придется, что одновременно небезобидно и больно.

Бет держит у нас в комнате длинный тяжелый кнут из буйволово́й кожи, который в ее ловких руках всегда попадает в цель. Впрочем, берется она за него нечасто и главным образом для остратки.

В целом наши четыре Хозяйки вполне довольны.

Но одна, Джуди Стоун, темноволосая, красивая и тяжеловесная еврейка, настолько довольна и ленива, что может задремать во время трапезы, беседы и даже обслуживания⁵⁶. Она перестала заботиться о своей одежде и целыми днями слоняется в неглиже и в соблазнительном костюме пинап, в котором она даже спит⁵⁷.

Она постоянно спит или дремлет, как пожилая измотанная женщина, хотя молода и полна сил.

Поначалу другие Хозяйки возражали деликатно. Неприлично негодовать на такое поведение при слугах. Но однажды прямо у нас на глазах между Таной Луизой и Джуди разыгралась ужасная сцена.

Тана Луиза стрелой взлетела со стула и пнула Джуди сапогом. Пригрозила применить молокоотсосы к ее пышной груди. Джуди не воспротивилась и не проронила ни слова.

После этого случая у нее пропал аппетит. Мы видели, что пенисы, выставленные перед ней на десерт, она сосет без малейшей радости. С усталой мольбой она велела Альдо спустить сперму в чаш-

ку и покормить ее с ложечки. Но и это не пробудило ее от летаргии. Альдо кормил ее, а она заснула, и сперма неаккуратно бежала из уголков ее рта.

В полусне она опрокинула тарелки. Тогда Тана Луиза пришла в бешенство и чуть не набросилась на бедную девушку – но сдержалась, рыча, как тигрица при отступлении. После этого случая в столовую принесли низенький столик, за которым Джуди теперь ест в одиночестве.

116

Ей достаются только объедки – все, что оставили Хозяйки, и лишь после того, как они откушали. Что же до объедков семенного десерта, Джуди их больше не ест. Только любит втирать жидкость в огромные, мягкие, вислые груди. Может, Хозяек это и забавляет, но они теряют всякое уважение к Джуди Стоун. Они больше не считают ее равной.

Объект Джуди

Падение Джуди Стоун – от статуса Госпожи до статуса Объекта, минуя стадию слуги, – происходило долго и постепенно. Хозяйки обращались с нею грубо – кроме Аниты, которая ни возражала, ни одобряла, хотя ее молчание было равносильно одобрению.

Аристократизм не позволяет открыто одобрять эту необходимую жестокость, однако Анита, вероятно, прекрасно понимает, что Джуди требуется мучить ради равновесия и мобильности внутри группы. Анита выше такого поведения и дистанцируется от любого возможного упрека.

Хозяйки – главным образом для забавы – пытаются оживить человеческие инстинкты и энергию Джуди, заставить ее исполнять приказы (бесполезные – на продуктивную работу она все равно не способна). Но безуспешно. Госпожа Джуди Стоун стала апатичной, даже отупела.

Теперь Джуди сидит на корточках или лежит на полу в той комнате, где собрались Хозяйки. Главным образом она в оцепенении. Ее столик

убрали насовсем. И ее диета тоже изменилась. Никаких объедков, никакой спермы, богатой белком, – только сырая, с избытком подслащенная каша из белой муки. Джуди тяжелеет, становится заторможеннее – бездельничает, дремлет, почти не шевелится.

Кто заказал такую диету для Джуди? Только безмолвная анонимная рука нашей Госпожи Аниты – больше некому.

118

Джуди становится мебелью – то ли нелюбимым питомцем, то ли движущейся неэстетичной скульптурой или украшением. Хозяйки перешагивают через нее, а если нечаянно пинают, не достаивают ни сожалениями, ни извинениями.

Тана Луиза любит муштровать Джуди: сбрасывает что-нибудь со стола и велит принести. Но Джуди медлительна и неуклюжа, хотя и старается. Взявшись исполнять приказ, она нередко забывает его на полпути. Тогда Тана Луиза сердито понукает ее кулаками и пинками. Но даже это не пробуждает Джуди; она как будто больше не замечает физического насилия.

Лишь один приказ выводит Джуди из меланхолии: «Ешь!».

Когда приказ отдан, Джуди на коленях ползет к ближайшей Хозяйке, поднимает ей юбку или расстегивает штаны и, зарывшись головой между Хозяйкиных ног, яростно лижет.

Первоначально приказ «Ешь!» отдали совершенно случайно. Никто не собирался нарочно превращать Джуди в рабыню-лесбиянку. Тана Луиза велела Джуди принести два шара, заброшенных в дальний угол. Джуди толком и не пошевелилась, и тогда одна из Хозяек вдруг закричала: «Ешь, Джуди, ешь!»

Неожиданно Джуди вскочила, ринулась к Тане Луизе и уткнулась головой ей в колени, истерично и монотонно твердя свою мольбу – что-то вроде «Не-е-ент-т-т-т, не-е-ент-т-т-т». Тана Луиза несколько раз гневно ударила Джуди по лицу, но та не остановилась. И тогда, как ни удивительно, Тана Луиза расстегнула брюки и великодушно открылась Джуди. Собственными руками растянув ширинку, Тана Луиза даже откинулась назад и наслаждалась.

Путаница с новым статусом Джуди и пагубные последствия приняли такие масштабы, что Аните пришлось принять меры для защиты Джуди от хозяйских злоупотреблений.

В углу центральной гостиной поставили клетку – Джуди как раз помещается в ней, если сворачивается калачиком. Джуди надлежит сидеть в клетке постоянно – если только она сама не захочет выйти.

Во время трапезы Хозяйки выпускают ее и кормят из миски, стоящей на полу у хозяйского стола. Хозяйки бросают Джуди объедки – в миску или на пол.

Джуди, похоже, довольна, даже издает звуки, означающие удовлетворение.

Помимо трапез, Джуди выпускают на волю, когда требуются ее интимные услуги.

Вот это и впрямь новшество. Прежде в Доме Аниты не бывало гомосексуальных практик. Не понимаю, зачем понадобилась эта либерализация. Как по мне, она попахивает декадентством.

Но кто я такой, чтобы задавать вопросы? Я всего лишь слуга. Видимо, Анита знает лучше. По природе своего статуса она автоматически принимает верные решения.

И кроме того, времена меняются. В прогрессивном авангардном заведении нет ничего постоянного, кроме перемен. Даже я, раб, это понимаю. И понимаю, что приказы и перемены нужно принимать беспрекословно.

Хозяйка Грязная Еврейка

Тана Луиза – крупнейший потребитель раболепных услуг, кои предлагает Джуди. Тем не менее, она пытается превратить Джуди в лихую спортсменку, мчашуюся к цели, и хитроумно отыскала новые способы пробудить Джуди из нездорового ступора.

Иногда – тычок каблука, задирающий Джуди верхнюю губу. Или запах некой дезинфекции, которой Тана Луиза прыскает в Джуди. Или просто бечевка с маленьким тяжелым предметом на конце, которую Госпожа Тана Луиза бросает и дразняще подволакивает к себе, чтобы Джуди ловила... Между ними двумя – свой собственный язык.

Когда Джуди обижена как положено, она возбуждается и оживает, точно хищный зверь. Если обзывать ее «жидовка», «грязная еврейка», «неряха», «корова» или «Эльза», Джуди деятельно психует до потери рассудка. Она смеется до визга, затем что-то бормочет; в ее болтовне различаются бессвязные слова и слоги, которые как будто сливаются в одно слово:

«Гитлер ... Гитлер ...»

122

В своей клетке Джуди может стать в полный рост и лечь – впрочем, только калачиком. Поэтому Джуди, если не спит мертвым сном, рвется прочь из своего заключения. На воле она становится счастливее, и не ясно, почему вернуться в клетку она стремится не меньше. Правда, чтобы ее туда затащить, иногда нужны усилия двух Хозяек. (Нам, слугам, не дозволено прикасаться к Джуди.) Внутри она мигом впадает в обычную летаргию.

Однажды днем Хозяйки зубрили серьезную авангардную литературу. Или читали журналы. Джуди осталась одна – дремала в клетке, ничего вокруг не замечая. Хозяйки не планировали использовать сексуальный потенциал объекта Джуди или еще как-нибудь с ней играть.

Тана Луиза копалась в своих книгах, изучая психологию и человеческое поведение. (Она следит за свежими исследованиями в этой области, утверждая, что это помогает ей на избранном поприще.) В подобные тихие часы другие Хозяйки не мешают ее научной деятельности и воздерживаются от игрищ или культурных экспериментов со слугами. Госпожи Аниты поблизости не было – она может усердно работать над своими исследованиями только у себя в кабинете.

В тот непримечательный день Бет Симпсон, читая журнал «Лук»⁵⁸, принялась. Ее трепещущие ноздри уловили странный запах. Вообще-то, я и сам обратил внимание на некое сладкое зловоние, но не мое это дело – привлекать внимание к подобным вещам.

Поглощенная чтением, Госпожа Бет листала журнал. Однако запах продолжал ее беспокоить. Она поднялась и обнюхала комнату в поисках источника зловония. Оказалось, Джуди обмочилась

во сне. Жидкость текла из клетки на паркет.

Бет распахнула клетку, выволокла Джуди наружу и швырнула на середину комнаты. Затем в ярости помчалась в комнату слуг. Позвала Фрица.

Тот сидел на койке – в перерыве между дойками у него, как обычно, стоял. По приказу Бет он пошел за ней в главную гостиную. И там Госпожа Бет, не посоветовавшись ни с Анитой, ни с другими Хозяйками, велела Фрицу совокупиться с Джуди.

123

Затем она кликнула Ганса, который тупо сидел на койке и строил пирамиду из пустых сигаретных пачек. Фриц вонзался в Джуди, а Гансу приказали опуститься на колени и вставить член ей в рот.

Для Джуди это было невыносимо! Но ее колодили и избивали, пока она не избавила Ганса от лишней спермы.

Сцена вышла неприятная. Джуди истерично вопила, и на крики пришла Госпожа Анита. Зрелище очень ее разозлило. Однако она не возразила против варварства – удалилась, как подобает аристократке.

Четыре месяца спустя Джуди значительно прибавила в весе. Она забеременела.

Ныне Бет Симпсон ежедневно приводит ее в комнату слуг и развлекается, глядя, как мы облегчаемся в Джуди Стоун. Технологический вопрос о перепроизводстве спермы теперь не так настоятелен: урожай нашего нутра хватает с лихвой для удовлетворения нужд всех наших Хозяек.

Джуди Стоун используется исключительно для поглощения избытков спермы. Другими словами мы, мужчины-слуги, на социальной лестнице очутились выше Джуди. Бывшая Хозяйка угодила в бездну рабства.

Утрата веры

За такими размышлениями я сижу в нашей комнате, у меня стояк, и я раздумываю о несчастьях Джуди Стоун.

Я недоволен. Печальные мысли вползают в сознание. Куда все это приведет? В чем смысл этой жизни?

На меня находит минутная слабость; даже радость служения покинула меня. Я смотрю в окно на серое небо Манхэттена, на четкие силуэты небоскребов. В моем нынешнем состоянии долг служения, задача усладить, святость преклонения перед сильным – ничто не приближает меня к постижению смысла.

Европа отступила на задний план, но в Америке я все еще ребенок, живу в изоляции, и разум мой тупеет. Я почти не выходил из дома с тех пор, как поступил на службу к Аните; кто знает – может, я вообще живу на Марсе?

Я впервые вижу себя – впервые вижу таким, какой я, вероятно, и есть: автоматом обслуживания.

Я оправдываюсь тем, что я слуга, но сознаю, что это попросту рационализация. Мои муки все острее.

Хозяйки относятся к нам с каждым днем враждебнее, с нездоровой, капризной безжалостностью, что только усиливает мои сомнения. Прежде я считал, что служу в разумном Заведении, и пребывал с ним в полной философской гармонии; ныне я вижу, что здесь возможны внезапные и бессмысленные прихоти неоправданной враждебности⁵⁹.

Сотворение Джуди

Госпожа Тана Луиза все свое внимание посвящает одному объекту – Джуди Стоун, чья полная грудь особенно ее привлекает. Тана Луиза увлеклась изучением африканского искусства, особенно масок и телесных росписей. Это отражается на теле Джуди – изо дня в день Тана Луиза совершенствует ее облик.

Раз в двадцать четыре часа Тана Луиза прокалывает иглами кожу вокруг сосков Джуди. Крошечные отверстия и раны не успевают затянуться: на завтра их прокалывают снова. Так продолжается несколько дней, затем ранкам позволяют зажить. Результат процедуры – красные шрамы, перманентный декор.

Когда Джуди что-то чувствует – это, впрочем, случается очень редко, – шрамики тоже наполняются эмоциями и вспухают. Цвет кожи вокруг сосков меняется, темнеет. Тана Луиза любит эту работу, как настоящий художник, осматривает грудь, ухаживает за ней, массирует.

Она изобрела для Джуди маску, которая скрывает неприглядные черты лица. Маска покрыта

прядями волос Джуди – волосы у нее роскошные. Тана Луиза экспериментирует с новыми химикатами, новыми бальзамами для волос Джуди, красит пряди в разные цвета, так и сяк меняет гамму.

Еще она смастерила прихотливые костюмы, которые лишь отчасти скрывают тело объекта: они обнажают и поднимают грудь. Ноги Джуди обернуты кожаными чехлами, в которых шевелиться можно лишь минимально. На пальцы рук и ног приклеены длинные искусственные ногти – в разные дни они окрашены в разные цвета.

127

Фактически Джуди Стоун стала холстом Таны Луизы – живой скульптурой.

Поэтому все мы теперь считаем Джуди арт-объектом – мы так его и называем, «Объект Джуди». Он, в общем, неподвижен – ей приходится сидеть в специальном шезлонге. Иногда Объект Джуди катают в инвалидной коляске. Тана Луиза даже снабдила кресло подкладным судном, чтобы Объекту Джуди не нужно было напрягаться.

Бесполезность

Тана Луиза привязывается к своему творению все больше. Чего только она не придумывает, чтобы развлечь Объект Джуди, особенно теперь, когда в его жизни осталось так мало развлечений.

Джуди уже с трудом шевелит губами. Они увеличены при помощи пластика, чтобы сильнее походить на полные губы негритянки – вплоть до того, что Тана Луиза вынуждена кормить Объект Джуди с ложечки.

Как-то раз Тана Луиза вспомнила, что Джуди Стоун гордилась своими туфлями на платформе, которые Объект Джуди не может носить из-за длинных, искусно украшенных ногтей на ногах. Поэтому Тана Луиза приказала нам, слугам, мастурбировать в эти туфли.

Мы повиновались, зная, что это наш долг. Но были страшно разочарованы, когда по завершении акта Тана Луиза встала и вылила всю нашу сперму в окошко. Даже такая невинная мелочь обострила наше чувство собственной бесполезности.

Бет Симпсон тоже немало его усугубляет. Как-то вечером она привела вульгарного, нелепого бизнесмена, и вдвоем они всячески развлекались за наш счет.

Нам приказали лечь на пол в нашей комнате, обнажив отвердевшие члены, и наблюдать, как бизнесмен ласкает вагину Бет Симпсон. Это была настоящая пытка, так как освободиться от громокипящей спермы нам не разрешили.

Госпожа Анита в последнее время все больше погружается в свои интеллектуальные изыскания, целыми днями сидит у себя в кабинете. Мы ее почти не видим. Занимает ее главным образом социальная психология: она постепенно овладевает темами агрессии, межклассовых отношений и классовой борьбы⁶⁰.

Анита уговаривала меня написать сочинение об отношениях слуг и Господ. Естественно, мне это кажется невозможным: у меня нет подобающей интеллектуальной подготовки, и к тому же я пребываю в глубоком унынии и умственном застое.

Впрочем, судьба моя, вероятно, не так ужасна, как чудится на первый взгляд. За слугами Анита наблюдает, и посему я косвенно служу ее удовлетворению – но абстрактность и отстраненность этой службы приносит мало радости.

Как мне представляется, в простых и чистых отношениях слуги и Хозяйки нет места интеллектуальным свершениям и другим сложным уладам⁶¹.

Я помню лишь одно приятное переживание этого периода: созерцание Объекта Джуди, прекрасной экзотической полуженщины-полустатуи, что распростерта на шезлонге или ездит в кресле, и лицо ее почти полностью скрыто – лишь глаза и огромные губы торчат из-под волосяной маски.

Видение расчлененных женщин

Пришло время, когда ситуация в Доме вроде бы вернулась к нормальному непринужденному блаженству. Слуг вызвали в гостиную на поклон к Госпоже Аните и остальным Хозяйкам.

Сидя в кожаном кресле, Анита приказала нам снять с нее туфельку и шелковый чулок. Ее прекрасная обнаженная ступня легла на ковер. Нам, одному за другим, надлежало целовать, облизывать и сосать ее пальцы, очищая ступню от душистой субстанции, которую умеет выделять только тело Аниты.

Я был последним. И когда я преклонил колена пред Анитой, на меня снизошло престранное видение.

Я увидел небо, расколотое вспышкой молнии. Огромная цепь припадочно сверкала. Закашлял, взревел мотор гоночной машины. Сквозь пролом в потолке упала огромная туфля, а за ней – расчлененное тело Бет Симпсон⁶².

Я вспоминаю сейчас это видение... по прошествии тяжеловесного времени... и возможно, ви-

дел я несколько иное – время тяжелое, как камень, хотя оно и летит со скоростью молнии.

Видения являются умалишенным, пророкам и порой детям. (Я никогда не слышал, чтобы этим даром обладали совсем младенцы.) Может ли такое быть, что экстатические пророческие видения дарованы и рабам? Ибо мы страдаем, как умалишенные, дети и святые. Хотя и лжем себе, будто мы счастливейшие из существ на этой планете.

Возможно, взревел не мотор гоночной машины. Возможно, то был дизельный мотор – мощнее, медлительнее, размереннее; не гоночная машина, но танк⁶³.

Возможно, потолок проломила бомба. Ракета провалилась сквозь крышу, затем сквозь потолок, почти ничего не порушив, не взорвавшись. И саму ее нигде не было видно – пол остался целехонек.

Возможно, размера дыры в потолке как раз хватило, чтобы туда грациозно опустилась расчлененная женщина. Ее парению не помешали ни разломанные решетчатые планки потолка, ни обвисшие куски раздробленной лепнины.

Возможно, на полу стояла старомодная ванна причудливой формы⁶⁴ на чугунных звериных лапах.

Возможно, вторая расчлененная женская фигура с удобством расположилась в этой ванне. Вероятно, она купалась – но ванна была слишком коротка, женщине было негде вытянуться.

Возможно, в правом углу комнаты была и третья фигура – также женская и также расчлененная, прикрепленная к деревянной конструкции, то ли сломанной, то ли сработанной в виде креста или свастики. Непонятно было, что держит женщину на сломанном кресте, – не знаю, приклеена

она была, прибита гвоздями или просто парила перед ним, однако расчлененное тело ее прочно держалось на этом крестоподобии.

132

И, возможно, огромный пустой циферблат без цифр и с двумя закругленными стрелками, торчавшими далеко за пределы окружности и потому напоминавшими длинные усики насекомого, крутится непредсказуемо и произвольно. Скорость, впрочем, такова, что глаза неизменно улавливают движение. Однако наблюдать за ним крайне утомительно. Разум постоянно тщится угадать, предсказать скорость вращения, но всякий раз ошибается.

И, возможно, на плоской крыше нашего огромного нью-йоркского жилого дома к дымовой трубе прикреплена сирена воздушной тревоги, что визгливо выводит свою пронзительную мелодию.

Огромный циферблат висит в воздухе сам по себе. Теперь на нем видны маркировочные полосы там, где должны быть «12», «3», «6» и «9». Стрелки двигаются с одинаковой скоростью, но не обязательно правильно отсчитывают время⁶⁵.

Две расчлененные великанши, сойдясь в смертельной схватке, пинают друг друга гигантскими голыми ногами и используют огромные груди вместо гибельных снарядов. Под конец они превращаются в груды органов, хотя каждый цел – не раздавлен, не окровавлен, не изувечен, просто выброшен на рубероидную крышу.

Третья расчлененная женщина, распятая на изломанном деревянном кресте, полностью ушла в себя, охвачена страданиями⁶⁶.

Все эти видения являлись мне, когда я поклонялся ноге Аниты.

Какова бы ни была подлинная их природа, странное неземное чувство охватило меня. Кажется, Анитиной ногой явились те же зрелища, ибо нога эта затряслась.

Я ухватил один трясущийся палец губами и не отпускал. Попытался взять в рот все пальцы, но чуть не порвал губу. Тогда я решил заняться лишь большим пальцем. Над чувством, охватившим меня, я был не властен. Я не мог отпустить ее палец. Ощутил себя полностью свободным.

133

Дыхание мое сбилось. Я прыгал туда-сюда, катался по полу, не отпуская пальца. Громяхая, сверху надвигалось небо, я летел напрямик к сверкающей цепи и гигантской туфле.

Но не долетел... и упал.

Палец Аниты проник глубже – ко мне в горло, в живот. Он словно раздирал меня изнутри⁶⁷.

И внезапно я получил удар по голове. Анита врезала мне тяжелой книгой.

Обсуждаем мой статус

Назавтра после видения я проснулся уже другим слугой⁶⁸. Однако мне разрешили остаться в койке; принесли воду с сахаром.

Анита пришла к моей постели и дозволила поцеловать ей ноги. Она поведала мне о своих свежих исследованиях – понял я отнюдь не все. Но из того немногого, что мне удалось постичь, я делаю следующий вывод: в своей работе она пришла к тому, что прискорбный удел человечества можно существенно облегчить добровольным рабством под надлежащим контролем.

Проблема в том, что рабов невозможно осчастливить навсегда. А Хозяйки не могут бесконечно долго принимать услуги недовольных рабов. В таком случае Хозяек подмывает либо распустить команду, либо избавиться от рабов вообще.

Подобное решение никому не подходит. Следовательно, вопрос в том, как содержать рабов в довольстве, поддерживать в них жизнь и стремление служить, между тем ограждая Хозяек от раздражения и скуки, связанных с тяжким бременем господства⁶⁹.

Анита сознает, что в ее теории есть серьезные недостатки. Ее расстраивает моя неспособность перенести природную жажду служить в абстрактную интеллектуальную сферу. Проще говоря, свое желание я в силах удовлетворить лишь физическим путем.

Беседа эта вдохновила меня на поиски новых путей служения моей Хозяйке. Но, честно говоря, если она не позаботится обо мне физически, если не станет активно пользоваться мною как Хозяйка, я не смогу служить ей сугубо бестелесным манером, ибо умственно недостаточно развит.

Скучнее и скучнее

Нас выводят гулять на крышу, но каковы эти прогулки! Нас заставляют ползать на четвереньках, как собак. С поводками на шее и на гениталиях. Мы также обязаны справлять малую нужду, на пещий манер задрав ногу, что очень неудобно.

Аниту эти репрессивные упражнения занимают мало. Больше всех ими наслаждается Госпожа Бет Симпсон.

Бет как будто расцвела. Она ликующе отдает нам приказы – с коктейлем в руке, обычно слегка подшофе.

Это она устроила так, что нас четверых сдают в аренду соседским домохозяйкам для несения туалетной службы.

Мы все находим это крайне унижительным. Это противоречит принципу служения одной Госпоже. Богатые глупые домохозяйки вызывают у нас острое отвращение.

Видимо, Госпожа Анита позабыла, что мы пошли служить добровольно, чтобы преклоняться перед Нею одной. Первый шаг к рабству всегда свя-

зан с одной Хозяйкою. Чистить чужие унитазы! Не для того мы посвятили себя служению!

Экономические основы нашего рабства тоже как будто лишились смысла. Потребность в производстве спермы резко упала. Да, порой Хозяйки цедят из нас каплю-другую за трапезами. Однако нужно ли им это? Неужто их больше не привлекает продукт наших чресл? Их помыслы заняты другими задачами и капризами.

Их стремление к сексу, видимо, тоже впало в спячку. Я сам провожу бесчисленные часы в саркофаге безо всякого применения. Поскольку мастурбация строго запрещена, мы все страдаем от болезненного воздержания.

Разумеется, у нас не возникает и мысли взбунтоваться. Мы лишь полны уныния и отчаяния.

Мы подыгрываем капризам Бет Симпсон и стараемся не обращать внимания на боль и унижение. Мозги наши чахнут – нам все скучнее и скучнее.

Единственный наш пассивный протест выражается в том, что чем радостней и исступленнее ведет себя Госпожа Бет, тем мы сонливее, тем глубже наше оцепенение.

Бет очень бесчувственна и груба. Она нравилась бы нам больше, если бы не брала на себя роль вождя, для которой абсолютно не подходит.

Ее приказы не бывают точны – они рассеянны, фрагментарны, а порой смахивают на простые шалости. Ее неуклюжие толчки и удары никогда не причиняют подлинной боли – их невозможно прочувствовать. Они способны разве что озлобить нас, и от них мы лишь уходим в себя.

Бет не умеет пробудить в своих жертвах страсть или глубину чувств. Госпожа Бет работает поверхностно.

Даже Альдо, хотя он, в отличие от остальных слуг, и не обладает аналитическим складом ума, заражен нашей всепоглощающей тоской. Он ведет себя все больше как глупый клоун. Впрочем, однажды он не смог совладать с собой и зарыдал, как старуха.

Часть 2

ГОСТИ

Явление доктора Гельдпейера

Доктор Гельдпейер – великолепный экземпляр. Настоящий интеллектuala – кругленький, с выпирающим пузиком, как и полагается культурному человеку. Он немного сутул, ибо размышляет о сложных категориях, постоянно читает и анализирует последние достижения в сфере культуры⁷⁰.

Несмотря на эти неустанные сверхчеловеческие труды, на губах его играет спокойная и мертвая улыбка – улыбка, от которой лицо порой застывает маской. Особенно когда Анита затевает с ним интеллектуальные споры. В таких случаях ему требуется немало времени, дабы разыскать в глубинах разума верные ответы.

Порой он надевает эффектные очки в темной оправе – но лишь когда ему необходимо пошуровать в своих записях. Если же мысли его летят привольно, точно голубиная стая, он держит очки в руках между широко раздвинутыми ногами. Я невольно замечаю, что иногда эти очки колотят его по бугорку над промежностью, что, по всей

видимости, помогает процессу мышления. Так что мысли его текут с напором могучей неостановимой реки⁷¹.

Обычно он носит вельветовый костюм, темный или черный. Но в последнее время появляется в джинсах – представители мира науки полагают, что эта мода приличествует беднякам.

142

Приходить в Дом Аниты в подобной одежде неприемлемо. Наша Госпожа требует являться при параде, считает, что интеллект следует подкреплять эффектной внешностью, дабы восхищать массы не только умом, но и одежкой⁷².

Под массами Госпожа Анита подразумевает не одних лишь простых людей или, скажем, нас, ее слуг. Она имеет в виду всех интеллектуально недоразвитых, в том числе других Хозяек, – Тану Луизу, Бет Симпсон и Джуди.

В минуты заслуженной критики доктор Гельдпейер застенчиво улыбается и смущенно опускает глаза, в результате чего зрит прекрасные Анитины туфли. Его щеки розовеют, и кажется, что он готов признать поражение в любом споре, о чем бы ни шла речь, лишь бы сдаться на милость Аниты.

Однако его огромный интеллект, его безусловная преданность интеллектуальной свободе не позволяют ему полностью склониться пред великолепием Аниты – по крайней мере, в этой сфере.

Впрочем, в конечном итоге доктор Гельдпейер терпит поражение.

Ритуал доктора

Нам, слугам, надлежит обращать пристальное внимание на мельчайшие нюансы блистательного поведения доктора Гельдпейера⁷³.

Едва он прибывает в Дом Аниты на очередную лекцию, лицо его полагается спрятать под прозрачной марлей – открыты лишь глаза, лоб и макушка. Это придает ему сходство с обрюзгшей восточной женщиной – резкий контраст с его грязно-русыми, почти нордическими волосами. В таком виде он едва ли не смешон... Однако его мудрые речи мы слушаем с предельной серьезностью.

Ноги доктора Гельдпейера, пахнущие, как ноги любого человека, на входе в Дом тщательно моют и душат – эту обязанность я беру на себя добровольно и исполняю с удовольствием, из уважения к великим познаниям доктора. Затем его ноги обертывают в полиэтилен – эту предосторожность рекомендовала Анита, дабы предотвратить загрязнение атмосферы.

Затем перед ним разворачивают полиэтиленовую дорожку от входной двери до комнаты, где доктора ожидает специальный табурет. Таким образом, на паркет доктору наступать не приходится.

Затем его нужно устроить на табурете. В анальное отверстие доктора вставляется пробка, его половые органы плотно завертываются в полиэтилен. Затем доктор садится. Рядом на столе уже приготовлены его записи. Вся мебель тоже покрыта полиэтиленом.

144

(До сих пор не бывало случая, когда доктор вышел бы за границы выделенного ему пространства. Даже не знаю, что бы мы делали, если бы во время лекции ему понадобилось опустошить мочевого пузыря.)

После процедуры доктор Гельдпейер читает лекцию, а затем отвечает на любые вопросы аудитории, состоящей из наших Хозяек.

Потом ему подносят блюдо с мороженым и сладостями, каковые он поглощает с достоинством, медленно и безмолвно.

Прощаясь с доктором, Анита надевает одноразовую медицинскую перчатку, горячо жмет ему руку и осыпает комплиментами за глубокую лекцию. Доктор расплывается в улыбке, с удовольствием слушая похвалы, однако смущается и слегка потеет от волнения.

Перед уходом доктора мне, как правило, выпадает вручить ему красиво завернутую бутылку спермы с этикеткой, на которой черно-золотой го-тикой написано: «Дом Аниты, эксклюзив-экстра». Также указан год и месяц производства.

Если лекция была особенно глубокой, доктор получает другую емкость: «Дом Аниты, эксклю-

зив-экстра. Золотой ярлык». Помимо спермы, в ней содержится отборная моча Госпожи Аниты.

На Рождество и Новый год у подарочной бутылки простая этикетка, надписанная и пронумерованная рукой самой Аниты. В бутылке – редчайшая коллекционная смесь выдержанных образцов мочи с гомеопатическими добавками экскрементов Госпожи Аниты, закупоренная Хозяйкой лично. Ни одни чужие руки ее не замарали. Доктор жадно хватает бутылку и прижимает к груди, словно боится, что подарок отберут.

145

Единственный человек, кроме доктора, кому доводилось вкусить эту смесь, – любимый арт-объект наших Хозяек, наша женщина-скульптура: бывшая Госпожа Джуди Стоун, а ныне Объект Джуди.

После ухода доктора все использованные им полиэтиленовые обертки уничтожаются. Его табурет и стол подвергают тщательной дезинфекции и уносят на хранение в подвал.

Дальнейшие интеллектуальные истязания

Помимо щедрых наград за культурные перформансы, Госпожа Анита может и другими способами манипулировать мышлением доктора Гельдпейера.

Здесь изобретательность Аниты поистине безгранична, и она никогда не впадает в вульгарные крайности телесности.

Например, пробка, помещаемая доктору в анус, может быть пропитана раствором из соли и перца, дабы усугубить неудобство. Нейлоновые шнуры, которыми обвязывают упакованный в полиэтилен член, могут быть затянуты так, чтобы при малейшем движении – а доктор ерзает, пытаюсь унять жжение в заднем проходе и ускользнуть от неодобрительного взгляда Аниты, – больно впивались в нежную розовую плоть.

Я не сомневаюсь, что доктор рад подобным дисциплинарным мерам. Ведь Анита – его ровня и коллега, чье прогрессивное мышление он высоко чтит.

Их интеллектуальный тандем так близок к совершенству, что когда мысли доктора сбивают-

ся с пути, проложенного Госпожой, он сам берет хлыст, лежащий наготове у табурета, и яростно хлещет себя по яйцам.

– Прошу прощения, – еле слышно бормочет он себе под нос и продолжает: – Неправильная инволюция первичной антропоморфизации, осложненная эякулятивной анусофобией...⁷⁴

Доктор бьет себя по яйцам, от боли подскакивает, и тут капо Альдо беззвучно, с гримасой сурового праведника вынимает из-под него стул. Доктор падает на пол, перченая пробка вонзается глубже, шнуры врезаются в тело, а доктор, кусая губы, пытается встать и взгромоздиться на лекторский табурет. Госпожа Анита отворачивается, будто его фиаско не коснулось ее взора.

Как сладко и ужасно отзываются, вероятно, эти самоистязания в душе высокообразованного и просвещенного человека! Впрочем, когда мысли доктора текут в верном направлении, Хозяйка вознаграждает его сиянием улыбки.

При виде ее одобрения он пускает слюну, что препятствует дальнейшему изложению лекции. Он беспомощно смотрит на Госпожу Аниту, а та слегка качает головой. Слюноотделение прекращается. Затем раб Альдо оттирает влагу с красных дрожащих щек и подбородка доктора.

Когда лекция проходит хорошо и Госпожа Анита откровенно довольна, мы, слуги, обычно раздражаемся аплодисментами, хотя не поняли ни слова. Аплодисменты вновь вызывают слюноотделение, и дела опять плохи, пока Хозяйка не выказывает неодобрения, после чего доктор берет себя в руки.

Эти сложные уроки выражаются тяжелым, но красивым языком философии, призванным упростить высоколобые идеи доктора, сделать их до-

ступнее для нашего разумения. Однако признаюсь честно: я не помню ровным счетом ничего из его лекций. Но о чем бы ни шла речь, я знаю, что излагались эти лекции элегантно и с изяществом.

Неадекватность мужского искусства

Доктор Гельдпейер – признанный авторитет в сфере искусства, который собственными руками создал несколько мощных интеллектуальных авангардных течений, сильно опередив культурные массы, которые вечно плетутся за ним в хвосте. Сам доктор прислушивается к знающим арт-инвесторам – этим последним носителям обреченной искры маскулинной экономической деятельности.

Доктор обучает нас, слуг, разнице между хорошим и плохим искусством. Свои лекции он иллюстрирует цветными слайдами, доказывая, что искусство, прежде считавшееся хорошим и смелым, ныне дурно и презираемо. Он показывает нам произведения, продиктованные верным мышлением, и произведения, созданные под пагубным влиянием мужской тяги к саморазрушению.

На слайдах с работами дискредитированных художников, некогда звавшихся мастерами, изображены великие сражения и казни. Благолепные женщины, пребывающие в пассивном ожидании.

Поля цветущих подсолнухов. Доктор разъясняет нам фальшь эмоций, вызванных этими полотнами, – продуктами ядовитой маскулинной фантазии⁷⁵.

150

Он осветил отвергнутое течение, которое имело дело с общественно значимыми вопросами, например, боролось с так называемой несправедливостью. Логически обосновал, как даже это добротское искусство лишь поддерживало дальнейшие бесполезные, пустые попытки противостоять ходу истории – каковой при верной трактовке привел бы человечество к матриархату.

Высшая заслуга, на которую способно мужское искусство, – освещение собственного безмолвия и надвигающейся смерти. Такая эстетика в полной мере отражает состояние сегодняшней маскулинной культуры.

Как кристально ясно мне теперь, что высшая точка культурного развития – подчинение, беспрекословное принятие исторических событий, сотворенных великими. За отказ от этого пути, за нежелание подчиниться естественному порядку вещей художники расплатятся по высочайшей ставке – собственной жизнью.

Но всякий, кто обеляет или превозносит несостоятельные идеи, стоящие за агрессивным мужским романтизмом, смерти и заслуживает.

Знаменитый художник

Порой, дабы лучше донести собственные идеи, доктор Гельдпейер приводит кого-нибудь из своих художников. Сегодня во время лекции на всевозможные вопросы ответит один известный художник – фигурой subtilный, манерами скромный, а телом нежный и хрупкий⁷⁶.

Отвечая на вопросы, художник кивает, качает головой, тихонько мычит или исторгает еще какой невнятный звук. Считается, что ответы его полны смысла. Слыша их, доктор приходит в подлинный восторг, самодовольно пялится в потолок и пускает слюну. Ибо смысл ему постижим.

Альдо тщательно утирает доктора, и тот поясняет нам, что имелось в виду. Прибегнув к своему уникальному лексикону, он сообщает, что мнение художника по сути своей истинно. Художник не желает опускаться до уровня самовыражения, неадекватного своему гению.

Художник отказывается выражаться вербально. Для этого ему нужен доктор Гельдпейер⁷⁷.

Публику загадочное поведение художника, естественно, восхищает. Наблюдая за его мане-

рой, зрители строят сложные теории. Возводят фантазии на его жестах, кивках и мычании – и в итоге возвращаются к первоначальным выводам.

У художника нет штанов. Между ног у него болтается большой холщовый мешок для бумажных денег, завязанный вокруг талии.

Мешок пригождается сразу по прибытии художника в наш Дом, так как Госпожа Анита тотчас вручает ему две десятидолларовые купюры. Художник кланяется доктору и кладет деньги к его ногам – отчего доктор прерывает выступление. Зал ошеломленно молчит.

152

Художник стоит на коленях, очень сосредоточенный, проникаясь вдохновением из источника, для нас непостижимого, – ну еще бы, мы же простые смертные. Он пытается сделать сложнейший выбор между двумя купюрами.

Затем, будто ведомый сверхчеловеческой рукой, он достает из кармана рубашки резиновую печать и чернильную подушечку. Защищая чувствительные части своей анатомии мешком с деньгами, он макает печать в чернила; затем неведомая сила подводит его руку к одной из купюр.

Эту купюру он отмечает своей печатью.

Художник встает и преподносит купюру со своим проштемпелеванным именем Госпоже Аните. Анита в восхищении от столь драгоценного подарка. Художник опускается к ее ногам, и Анита запихивает ему в рот новую десятку. Художник медленно, задумчиво жует и проглатывает, а мы ахаем, созерцая торжественность и глубину этого перформанса.

Мы восхищены его поэтичностью и смыслом: десятидолларовая купюра изъята из обращения, зато наделена новой ценностью, неизмеримо

выше. А вторая десятка – в животе у художника? Мы размышляем о судьбе этой второй бумажки: под натиском желудочной кислоты она скоро исчезнет в канализационной системе нашего города, отправится дальше, в каналы, в океаны, в отдаленные уголки мира, удобрит землю, и наконец, испарится, влившись в атмосферу. Бесконечная цепь экологического великолепия⁷⁸.

Во время выступления художника доктор Гельдпейер в экстазе упал на пол, и его огромное тело отчасти вылезло за край полиэтилена.

Художник подошел к доктору, расстегнул ему штаны и вытащил пенис. На наших глазах он достал из мешка другую десятку и проделал в ней аккуратную дырку. В эту дырку он продел мягкий член доктора и осторожно подвигал туда-сюда, чтобы жидкости доктора не излились. А затем принялся сосать этот член, очень медленно и умело.

Доктор Гельдпейер до конца пребывал в забыва. Потрясенный эстетическим катарсисом, он не двинул ни мускулом.

Художник тем временем досуха, безупречно вылизал все, включая продырявленную купюру⁷⁹. Ее он аккуратно положил в мешок.

Наблюдая за этим зрелищем, мы лишились всяческой власти над собой. Мы выли и визжали, как дикие звери, пока Хозяйки Тана Луиза и Бет Симпсон не слетелись и безжалостно нас не отхлестали. Госпожа Анита, обычно не терпящая столь вульгарных сцен, смотрела на происходящее с полным одобрением.

Когда мы успокоились, а Госпожа Анита пода-ла знак, мы водрузили художника на тщательно обернутый полиэтиленом ящик (в нашем Доме

всегда очень строго соблюдаются санитарные нормы), чтобы зрителям было лучше видно. Этот хрупкий мужчина стоял, как статуя. Вздрагивал только мешок с деньгами меж расставленных ног. Выглядел этот человек художественно, чисто и просто, не хуже любого своего творения.

Затем доктор Гельдпейер спросил его:

– Кто настоящий авангардист, дорогой? Отдельно взятый художник или наша светоносная Госпожа?

154

Художник теребил и гладил мешок, ритмично раскачивался туда-сюда и молчал. Он был выдрессирован и умел отвечать на подобные неопределенные вопросы. Кажется, он, к тому же, пытался нечеловеческим усилием вобрать в себя весьма реальные и прогрессивные вибрации, заполнявшие комнату. Таким интуитивным, телесным образом художник, возможно, искал верный ответ. Также, возможно, он искал ответ в своем холщовом мешке.

Минуты длились вечность. Наконец, он заговорил:

– Наша... наша... наша великая Анита! Сама Анита!

Мы ответили на это медленными, полными достоинства аплодисментами.

Доктор Гельдпейер снова задал художнику вопрос:

– Художник, чьи идеи ты развиваешь? Откуда они берутся? Как ты их разрабатываешь? Кого ты питаешь плодами своей работы?

Художник задрожал.

– Ну... э, – промямлил он, взял себя в руки и перестал раскачиваться.

Затем резко выпятил свой мешок с деньгами и, ритмично пиная его гениталиями, заговорил:

– Ну... э... я хожу на вечеринки. Ну... э... вечеринки. Читаю журналы... журналы. Рассматриваю картинки в журналах. Слушаюсь доктора Гельдпейера. Люблю цветные картинки в журналах. Доктор Гельдпейер много говорит... ну... э... иногда я его понимаю. Ну... э... арт-дилеры, рынок искусства... прекрасно, прекрасно. Ну... э... Эти уродливые картины в галереях, на стенах... прислоняются к стенам, иногда лежат на полу!

Художник продолжил:

– Иногда я чешу яйца после того, как помыл руки. Ну... э... тогда я снова мою руки, с мылом.

И еще:

– Ну... э... я очень чистый. Другие художники не моются и плохо пахнут на вечеринках. А я чистый... ну... э... приношу чистоту... ну... э... и все меня за это любят. Я такой маленький, что коллекционеры кладут меня в карман... а другие художники чешутся и пахнут.

Монолог художника уже было не остановить:

– Я не представляю ничего важного... но приношу чистоту... ну... э... Иногда я даже рисую. Занятно смотреть, как перо скользит по бумаге... иногда вырезаю картинки... ну... э... Люди разговаривают, а я не разговариваю... Я люблю богатых, они такие чистые... они создают искусство, когда пишут в чековых книжках. Доктор Гельдпейер создает искусство, толкая речи, – такая прекрасная чушь. Я создаю искусство не тем, что слушаю... ну... э...

Видимо, речь художника подходила к концу:

– Да... я хожу на вечеринки... я люблю вечеринки...⁸⁰ Ну... э... слушаюсь... мне нравится видеть свое имя в журналах... ну... э...

Но он еще не закончил. Полуголый художник дошел до визгливого финального крещендо, пробультанного сорванным голосом, как из далекой дали, будто утопающий закричал:

– Ненавижу эту работу... я усердно тружусь... Смотреть – это тяжело... Я слушаюсь доктора Гельдпейера! Ненавижу искусство люблю искусство Я ЕСТЬ ИСКУССТВО... Я ИСКУССТВО!

Авангардный урок анатомии

Как-то раз доктор Гельдпейер принес большую красивую схему, развернул ее и повесил на стенку. На схеме была изображена большая женская фигура, а рядом мужская, гораздо меньше.

Доктор объяснил нам, что женское тело совершеннее мужского с точки зрения конструкции и работоспособности, включая когнитивную силу мозга. Он рассказал, как в примитивные времена женские груди (закрытые доспехами) и женские косы (с вплетенным в них железом) использовались в качестве оружия.

По сравнению с этим беззащитно обнаженный мужской половой орган – серьезный врожденный дефект. Мало того что из-за него носитель уязвим в бою, – из мужских гениталий не выйдет и оружия. Поскольку твердость его нестабильна, его невозможно покрыть металлом.

Схема показывала и другую статистику: скорость притока адреналина при физических нагрузках; жалкая неспособность мужских особей держать себя в руках перед визуальными сексу-

альными раздражителями (что доказывается неконтролируемым сердцебиением); безнадежная готовность идти на поводу у фантазий и грез; гипертрофированная сексуальная реакция. Более того: патологическая фиксация на собственном пенисе при столкновении с другими мужскими особями. И еще того более: инстинктивная потребность вернуться в матку, дабы исчезнуть, сгнуться в изначальном небытии.

158

Такой изобразительный язык мы прекрасно понимали. Это помогло нам преодолеть мужские предрассудки, усовершенствовать рабское сознание и добровольно воздать должное тому, что по истине этого достойно. Мы исполнились готовности в течение краткой жизни несчастных самцов, которую отвела нам судьба, работать в полную силу и принять неизбежность, predetermined природой.

Лекции доктора укрепили нашу врожденную склонность беспрекословно склониться пред женским превосходством. Он разжег наше желание учиться у нашей Госпожи Аниты, которая воспитывает нас в основном жестом и собственным примером.

Мы интеллектуально подстроились под ученую эрудицию доктора Гельдпейера – человека, коего я теперь почитаю пророком моей Госпожи. Ибо он показал нам, что единственный подлинный, истинно научный способ жить – преданное, безоговорочное служение полу-гегемону⁸¹. Для нас, слуг, это означает жить в вечном поклонении нашей великой Госпоже Аните.

Пробуждение Джуди

– Эй, Жид-Купец! Эй, доктор Жидолиз! Доктор Жополиз!

Мы поднялись в абсолютном смятении. Крики исходили из кресла нашей бывшей Госпожи Джуди Стоун, а сам Объект Джуди дрожал и трясся безрезой на ветру, пытаюсь высвободиться из незнакомого кожаного футляра.

Еще не было такого, чтобы лекцию доктора посмели прервать в столь вульгарной манере. Объект Джуди, раскрашенный и расшитый узорами, с прядями волос, вплетенными туда, где обычно волос нет, – Объект Джуди, подлинно экзотическое, неподвижное произведение искусства, – очнулся! Да еще и с какой энергией!

Нам и в голову не приходило, что доктор Гельдпейер может оказаться евреем. Но еврейка Джуди знала это инстинктивно.

Госпожа Анита тоже, скорее всего, была осведомлена, но в бесконечной мудрости своей никому не говорила. Она крайне терпима к другим расам и религиям. Вдобавок, даже антисемиты

(каковой Госпожа Анита определенно не является) питают уважение к отдельно взятым евреям – немногочисленным великим художникам, или мыслителям, или бродячим политикам, сдающим себя в аренду тому или иному правительству.

160

Ходили даже слухи, что у высокопоставленных фашистов, убийц евреев, были свои еврейские любимцы, чье еврейство они аннулировали одним росчерком пера. Некоторые русские цари держали при дворе евреев – живым доказательством справедливости своего правления.

Объект Джуди высвобождается из своих пут. Очень неуверенно – Джуди месяцами не ходила самостоятельно – шагает к доктору, а тот, как всегда в минуты крайнего смятения, лупит себя хлыстом.

Приблизившись, Объект Джуди спотыкается и валится на пол, продолжая осыпать дрожащего доктора бранью. Затем, поднявшись на четвереньки, начинает скакать вокруг него, загоняет, как хищный зверь израненную жертву.

– Я отброс, змея, – рычит Объект Джуди, – я тебя порежу, я искромсаю тебя, жалкий жидолюб! Я разрежу твой хуй на кусочки и скормлю гойским свиньям... Ах ты мерзкий, лживый пидорас, гнить тебе в аду с остальными свиньями! – И она принимается молотить его кулаками и пинать ногами.

Кричит она все яростнее:

– Ты – Гитлер! Ты – эксплуататор, осквернитель мира! Ты жалкая слизь, говно, гниль мироздания! Гори в аду со своим липовым искусством и со своими художничками-пидорасиками, которые пожирают тебя целиком, от хуя до прогнившего мозга. А то, что от тебя останется, слей в сортир.

Какую чушь ты несешь! Какой мусор! Пока евреи скорбят о мертвых!⁸²

Объект Джуди царапает ногтями розовое беззащитное тело доктора и визжит последнее проклятие:

– Чтоб ты навсегда превратился в пустую оболочку⁸³, которая будет кормить твоё никчемное искусство и ничтожные мыслишки. Пусть сгустится прах и тебя похоронит, чтоб ты захлебнулся в пыли вместе со своими уродствами! Аминь!

161

Доктор Гельдпейер шатко встает, дрожа, точно шар розового желатина. Удаляется в угол и опускается на четвереньки.

Ведомые потусторонней силой, будто предвидя, что сейчас произойдет, мы, слуги, собираем его заметки, бумаги и великолепные книги по искусству и аккуратно кладем ему на спину. Как на книжную полочку.

Назавтра доктор Гельдпейер все стоит в углу на четвереньках. Его книги и бумаги лежат у него на спине. Сам он не сдвинулся ни на дюйм.

В конце концов мы перенесли застывшее тело доктора вместе с его грузом в подвал. Пришлось дезинфицировать участок, где он стоял: мы позабыли заранее постелить там полиэтилен.

Насколько мне известно, доктор обитает в подвале по сей день.

Госпожа Анита, литературный гений

Мы собрались у кабинета Аниты, в коридоре, который теперь украшен искусственными цветами, лентами и прочим – париками, фаллосами, «французскими усиками» и другими атрибутами обычного секса. Украшения развешаны согласно невидимым узорам, которые сочинил Фриц – творец в душе, – и на первый взгляд кажется, будто инсталляция создана крупнейшим современным художником – представителем высшего класса этого самого авангардного из городов.

Анита стоит в дверях, на ней униформа интеллектуала: драный потертый комбинезон и просторная джинсовая рубашка. Ее прекраснейшие груди выпирают из этой одежды в манере самых свободомыслящих и прогрессивных женщин⁸⁴.

Перед Хозяйкой стоит доктор Гельдпейер – или, точнее, полочка, некогда бывшая великим ученым и интеллектуалом. Стопки аккуратно сшитых печатных страниц балансируют на его спине, и Госпожа Анита – литературный гений – раздает экземпляры своего труда и слугам, и Хозяйкам.

На титульной странице написано: «Теория небесных тел, спроецированная на человеческие и сексуальные дела: записи первой половины эпохи ранней астронавтики».

Получив книгу из рук Аниты, Хозяйки обнимаются. Мы, слуги, как диктуют правила Дома на случаи особых ритуалов и ученых церемоний, подбегаем к полочке, ныряем Гельдпейеру под живот, целуем ножку Аниты и, стараясь не перевернуть полочку, осторожно поднимаемся из этой неудобной позы, дабы получить копию трактата из рук нашей Госпожи. Затем мы целуем кончик ее пальца в перчатке, разворачиваемся и бегом возвращаемся на свое место.

Слава богу, во время этой гонки никто не сбивается и не спотыкается. Ни один объект не задет и не опрокинут. Иначе нас неизбежно ожидали бы ужасные побои и другие наказания.

Нет, все успешно справляются. Совершенно задохнувшись, мы открываем оглавление. Дрожащими голосами повторяем хором за Бет Симпсон, а Анита слушает и наблюдает.

Для нее это великий момент, важный триумф – ее трактат зачитывается вслух, одобряется Хозяйками и слугами.

Не в силах скрыть радость, Анита блаженно улыбается, слушая, как мы зачитываем названия глав:

«Взаимоотношения небесных тел».

«Неизвестный высший разум, управляющий движением тел в межзвездном пространстве».

«Трактат и доказательство несуществования разума».

«Одинаковое распространение законов вселенной на человеческий земной род».

«Господствующий класс, одаренный высшим небесным разумом».

«Врожденное право господствующего класса на власть как следствие выдающегося разума».

«Исключения из правил, дисквалификация, аннулирование и изгнание из господствующего класса в особых случаях».

«Передача власти лицам, не принадлежащим к господствующему классу, и восхождение последних к власти усилием воли».

«Возвращение павшего члена господствующего класса в соответствии с межзвездным фиаско».

«В межзвездное пространство или в недра планеты Земля».

«Замечания к будущим работам, касающимся исторического и географического исследования господствующего класса».

Мы дочитываем оглавление, уже совершенно вымотанные от предчувствия тех неодолимых высот мудрости, кои нам предстоит покорить в будущем – когда придется изучить книгу детально.

– Возвращайтесь к себе, пожалуйста! – приказывает Анита по обыкновению ровно, но твердо.

Мы наступаем друг другу на ноги, торопясь поскорее вернуться в наше жилище, а там падаем и катаемся по полу, яростно колотя себя по служебным инструментам в попытке успокоиться – быть может, через боль вдохновенная мудрость пропитает нас целиком.

Визит торговли художниками⁸⁵

Несмотря на электронные приборы на кухне и в квартире слуг, а также на специализированную технику вроде саркофагов, нашему Дому, к сожалению, не хватает исправно работающего дверного звонка.

Госпожа Анита решительно отказывается установить звонок, поясняя, что это испортит неприкосновенную чистоту Дома.

Поэтому перед приходом гостей один из слуг обязан ожидать их прибытия – зачастую подолгу – в вестибюле, который мы называем «Антре». Эта работа обычно выпадает мне.

Сегодня Госпожа сообщила, что мне надлежит допустить в Дом известную торговку художниками, даму немалого общественного статуса, проводить ее в кабинет Хозяйки и ждать инструкций.

Я занял свой пост в Антре. Когда миновало полчаса – гости Аниты неизменно опаздывают, – явилась очень красивая дама в норковой шубе и протянула мне визитку. Я проводил даму в кабинет и встал в сторонке, ожидая дальнейших приказаний.

Госпожа Анита поднялась из-за стола и дружелюбно протянула гостье руку:

– Так это вы – Ханна Поланитцер⁸⁶! Я, разумеется, наслышана о вас и о вашей галерее. Как я рада наконец-то познакомиться. Не угодно ли что-нибудь выпить?

Дама застенчиво отказалась, сообщив со скромной улыбкой, что она на диете. После краткой паузы мисс Поланитцер произнесла:

166

– Какая восхитительная у вас комната – и как прекрасны эти фотографии ваших знаменитых друзей. Посмотрим, скольких я узнаю.

Первым она узнала Мальро, отметив, что «на этом портрете он еще довольно молод». Пальцем постучала по фотографиям Тристана Тцары, Стэнтонна Макдональд-Райта⁸⁷, Джексона Поллока и Пабло Пикассо (на чьем портрете имелась дарственная надпись: «A ma Passion – ma Maitresse Culturelle – Pablo»⁸⁸) и заметила:

– Один глаз у него прямо выпрыгивает с фотографии!.. А это президент Кеннеди? Или Роберт? Или Эдвард?⁸⁹ – Мисс Поланитцер взяла другую фотографию. – А это же генерал Роммель – он тут в этой чудной африканской форме. Выглядит почти как англичанин! – весело прощепетала она.

– Это фельдмаршал Роммель, – сурово отрезала Анита⁹⁰.

– А вот Лев Троцкий с мексиканским художником Сикейросом, который пытался его убить!⁹¹ И Генрих...

– Йозеф, – заранее исправила ее ошибку Анита. – Геббельс.

Ханна Поланитцер выпросталась из пут своей шубы. На свет явилось огромное множество золотых артефактов – цепочек, ожерелий, браслетов,

колец, а также широкий золотой пояс на талии. Я заметил, что Госпожа Анита осталась под впечатлением от этого пышного великолепия – всё из чистейшего золота.

Разоблачаясь, дама жеманно улыбалась – мол, она понимает, что перед нею личность, превосходящая ее мудростью и всем прочим.

– У вас ошеломительный наряд, – убежденно сказала Анита. – Я обожаю украшения в стиле инков и майя. Некоторые считают их слишком агрессивными – почти как оружие. Для меня же это Искусство.

167

Торговка художниками указала на фигурку, оплетающую ее шею:

– Это сделал Джакометти специально для меня, – объявила она. – Вы, конечно, знакомы с его последними работами – истощенными концлагерными фигурками из золота? А вот это создал Марсель Дюшан – слепок вагины его жены. – Она пощупала конструкцию из золота и рубинов дюймов восемь длиной⁹². – Это – просто пенис, пронзенный стрелой. Но ведь красиво, правда? Очень современно... автор не знаменит, но мне все равно нравится.

Я по глазам читал мысли Госпожи Аниты: *Какая аппетитная корма у этой жидовки, – явно думала моя Госпожа, и: – Вот бы сорвать с нее золотую мишуру юбки и пощупать это рубенсовское величие. Это же шедевр, скульптура из филеминьона, она прямо создана для моих фантазий.*

Но образованная и цивилизованная личность – а моя Госпожа именно такова – должна неизменно держать себя в руках. Анита была в превосходном настроении и стряхнула с себя официозную ученую сдержанность. Довольная, она открыла ящик стола и подозвала Ханну:

– Я хочу показать вам кое-что креативное.

Она достала несколько любимых артефактов и разложила на столе.

– Волосы из Освенцима, в оригинальной коробке, – пояснила Анита⁹³. – А этот порошок – перетертые кости, подлинные останки из лагерных ям. – Она просеяла песок между пальцев. – Текстура сразу выдает их драгоценное происхождение.

168

Затем Анита достала обычную, ничем не примечательную ложку.

– Вы, вероятно, знаете, что ложек в лагерях не было... В юности я училась в Германии, и эту ложку мне подарил комендант Кох. Мы познакомились в баре...

Тут Анита перебила сама себя:

– Вы ведь сама – израэлитских убеждений, не так ли? – спросила она мисс Поланитцер.

– Ну разумеется, – живо откликнулась та.

– Возможно, вам не очень приятно смотреть на подобные вещи. Однако это ваша область – Искусство или, во всяком случае, артефакты.

– Ну конечно, – однако Ханна слегка растерялась. – Я всегда поклонялась Искусству, с самого детства. Возможно, это прозвучит кощунственно, но я считаю, что эти объекты не просто Искусство. Мне кажется, они эротичны. О да, безусловно, я это чувствую!

– Подойдите к столу, – прошептала Анита. Она в поэтическом настроении. – Поведайте мне о жизни Искусства – об истинной его жизни. О его корнях, его щупальцах, его цепких ветвях, что вплетались в буйные шевелюры пещерных людей... дотянулись сквозь века и душат современного человека – если не всю современную цивилизацию.

Анита умеет подобрать слова, когда ей это нужно.

– Я торгую исключительно мертвыми художниками, – поспешно ответила мисс Поланитцер, – или почти помершими представителями. Я люблю работать быстро, но я не стервятница. И, в отличие от вас, не рабовладелица.

Анита с королевским спокойствием проигнорировала это оскорбление.

– Хорошо, и чем же я могу вам помочь?

– Продайте мне ваше творение, Объект Джуди, – прямолинейно и решительно сказала мисс Ханна. – Я хорошо заплачу.

– Сколько? – спросила Анита и запнулась. – Ну, я должна подумать. Тут есть некие личные, этические и финансовые аспекты. И художественные, естественно, – я некоторым образом люблю Объект Джуди. Не как человека, само собой, а как произведение искусства.

Однако переговоры начались, и Ханна Поланитцер заговорила с Анитой непринужденно:

– На Мэдисон-авеню только и обсуждают, как продавать эту вашу скульптуру. Она ведь все равно кому-то достанется. Почему не мне?

Анита промолчала. Тут торговка художниками не смогла не упомянуть портрет Адольфа Гитлера, висевший в кабинете на видном месте.

– Как вы можете с этим жить? – спросила она, ежась и комкая складки меха у горла, будто мерзнет. Потом провела позолоченными пальцами по бедрам, сначала снаружи, затем с внутренней стороны, а другая рука между тем играла с многочисленными золотыми цепями и ожерельями.

Анита ответила скромно:

– Для меня этот портрет – просто выражение наших времен. Трудно отрицать, что Гитлер сформировал сегодняшний мир. Следовательно, он Искусство. Раз вы, Ханна, израхтонических наклонностей⁹⁴, любите авангард (к которому принадлежал и Гитлер, нравится вам это или нет), вы, пусть и подсознательно, пытаетесь стереть его влияние на Искусство. Но посмотрите, как он вас возбуждает.

170

Анита сурово следила, как руки Ханны блуждают по телу. Она забылась, эта торговка художниками, и до такой степени, что теперь мяла руками черную шелковую блузку на груди, просовывая пальцы между пуговиц.

Юбка задрана, пальцы ласкают белоснежную кожу бедер. Она доходит до синей ткани трусиков, останавливается над темным провалом влагалища и наконец говорит:

– Гитлер и геноцид евреев... – Ее пальцы уже гуляют по влажной ложбинке в промежности. – Меня с детства сопровождал этот ужас. Мне всегда казалось, что однажды придут и за мной. Не то чтобы я очень любила евреев. Вообще-то, я их не выношу. Но и ассимилироваться не могу. Мне бы в голову не пришло переспать с христианином.

– А с христианкой? – перебила ее Анита. Но мисс Поланитцер пропустила это мимо ушей и причмокнула губами, громко и вызывающе, – рот полон слюны и уже подтекает. Она взглянула Аните в глаза, прямо, но покорно.

– Еврейские мужчины. Каждый думает, что он – дар божий. Вместо мозгов – одни хуи. Отвратительные уроды. Омерзительные, вонючие. Вы считаете, здесь противоречие? Но лишь в противоречиях гнездится величие. Э... Вот сейчас я бы, пожалуй, и впрямь выпила.

– Дочь моя, – сказала Анита, – тебе стоило бы поразмыслить о том, как твои красивые губки складывают английские слова. Твоя манера речи, как бы это помягче сказать... низка, вульгарна и коробит слух.

– А ваша? – отрезала мисс Поланитцер. – Это вообще не речь. Она высосана из старой высохшей книги. Кого колышет, если мой английский не английский? Так, как вы, изъясняется только всякое фуфло. Я же говорю языком американского авангарда, Ренессанса Мамелошен⁹⁵.

171

– Я бы возразила, – тихо возвестила Анита. – Именно потому, что мы живем в прискорбных условиях, надлежит культивировать наш язык, облагораживать его, совершенствовать непрерывно, оттачивать, как кинжал.

– И кого же вы собираетесь заколоть вашим кинжалом? – огрызнулась мисс Поланитцер. – Своих рабов? Думаете, я не понимаю, мадам, что творится у вас в голове? Вы так себя ведете, будто в одиночку боретесь за спасение цивилизации и культуры. Ха! Я вас давно опередила. Я стимулирую рост цветов авангарда! Я щекочу им корни, чтобы росли быстрее и выше. А потом я их срезаю. Я несу людям красоту, – неубедительно закончила она и принялась соблазнительно водить рукой по шву юбки. – Я набиваю живот зелеными, а заодно Искусством и Красотой, чтобы доллары лучше переваривались. Я, видите ли, американка. Не как эти анархисты и социалисты. Они пусть болтают до посинения – а я поклоняюсь доллару. Доллар очищает все, как по волшебству. И прошлое, и настоящее.

Еврей в шкафу

– Анита, я говорю, что сейчас не отказалась бы выпить.

Ханна Поланитцер повеселела. Я слушаю внимательно, чтобы точно выполнить ее распоряжения.

– Шампанское... оно расслабит и настроит меня на нужный лад. Итак, Анита, ты ведь отдашь мне Объект Джуди? Ты обещала.

– Да, дочь моя.

Торговка художниками тянется к Аните:

– Обними меня крепче, пожалуйста. Это так приятно! Я только этого и хочу – чтобы меня обняли... Я тебе потом дам поиграть с моей писечкой.

Когда я возвращаюсь с шампанским и с традиционным стаканом теплого молока для Госпожи Аниты, обе уже переместились на черный кожаный диван.

– Я знаю, что ты Художник, – мурлычет Анита Ханне на ухо, – и ты обязана отпустить свою фантазию на волю. Так и должно быть. – Она удобнее

устраивается на диване. – Повернись и дай мне тебя успокоить. Дай мне найти эту перегревшуюся точку, где рождаются твои идеи.

Вообще-то, мисс Поланитцер уже полностью расслаблена – пальцы Аниты ловко и умело работают над ней, дразняще массируя источник всех ее заблуждений.

– Тебе хорошо, дорогая дочь?

– Да, мне очень хорошо, это замечательно, сразу все понятно.

173

Поланитцер лежит на диване. Она все еще в меховой шубе, но шуба помята и всклокочена, как и прическа. Юбка расстегнута, блузка тоже, торс обнажен. Золотые украшения разбросаны по полу.

Мне вполне понятна чувственная природа мисс Поланитцер – в этом полураздетом виде она и впрямь крайне соблазнительна. Но я избегаю любого контакта с еврейками.

– Тебе нравится вот так, моя милая ученица?

– Сильнее, умоляю. Еще сильнее, пожалуйста! – Ханна произносит эти слова тихо, умоляюще. А затем настойчивее: – Еще! Сильнее! Я сказала, сильнее, быстрее! – И наконец командует: – Вошла и вышла! Сильнее и быстрее, старая блядь!

– Можно поцеловать тебя там, откуда берутся маленькие жиды? – искусительно шутит Анита. Ее свободная рука обвивает плечо мисс Поланитцер, щедро предоставляя той возможность облизать свои пальцы.

– О да, пожалуйста! – Мисс Поланитцер безудержно смеется. Анита принимается гладить обильную плоть, но тут ее объект трясет стриженной головой и вопрошает: – Госпожа, а можно мы вместе помучаем одного из твоих сыновей-рабов?

– Какого, дочь моя? Немца или еврея?

– Ой, пожалуйста, еврея! Да-да-да, еврея!

Интересно, какого раба-еврея выберет Госпожа Анита для развлечения молодой дамы? Найти таких рабов нынче все труднее. И почетные израэлиты, и настоящие импортные израильтяне лишены качеств, обязательных для хороших слуг. Последние слишком агрессивны и наглы. А первые? Под напускным смирением у них все равно кроется уверенность в собственном превосходстве.

174

И в нашем Заведении, разумеется, собственных еврейских рабов нет. Возможно ли, что Госпожа Анита говорит обо *мне*?

Но ведь я не еврей – это видно любому. Капо Альдо – итальянец, Ганс и Фриц – немцы, ни один не принадлежит к еврейскому племени. Однако и я не принадлежу. Это совершенно ясно. Я не еврей. О ком же она думает?

– Бобби, дорогой... – слышу я голос Госпожи Аниты.

Я дрожу – и не потому, что боюсь истязаний: для меня они всегда заканчиваются приятно. Но если Госпожа Анита решит объявить меня евреем – ну, мне тогда придется стать евреем, хоть я и не еврей. Судьба моя будет решена.

Анита показывает на шкаф и приказывает:

– Бобби, пожалуйста, достань то, что в шкафу, и поставь рядом с настольной лампой. Затем поправь лампу, чтобы нам было хорошо видно.

Как выясняется, это гораздо проще сказать, чем сделать.

Я открываю шкаф. Внутри кромешная темнота. Я шарю руками и понимаю, что почти весь шкаф занят каким-то большим объектом. Пальцы мне

царапает грубая ткань. Я ощупываю снизу вверх – проверяю, что же мне придется поднимать.

Туфли. Нет, деревянные башмаки. Потом грубые штаны. Я касаюсь руки – или чего-то похожего, и оно холодное, как лед. В другой руке железный предмет. Кажется... ложка. Куртка из той же грубой ткани. Это роба. Талия перепоясана веревкой.

Я ощупываю фигуру ладонями⁹⁶ – под одеждой она как будто пустая. Истощенная. И пахнет странно, но не то чтобы отвратительно. С такой вонью можно как-то жить.

175

Мои пальцы нащупывают шею и лицо. На горле и впалых щеках кожа свисает складками. Они покрыты неопрятными кустами неровной щетины. Я сдираю с фигуры шапку и щупаю волосы – короткая стрижка, по уставу, с аккуратной бороздой, выбритой по центру.

Я успеваю надеть шапку обратно, и тут фигура начинает дрожать и отступает в темноту шкафа. Я тоже дрожу – мне очень страшно. Фигура, кажется, сделана из какого-то податливого материала – трясется, но не падает. Может, прикреплена к полу.

Очень осторожно я обнимаю ее за талию и прижимаю к себе – фигура в ответ так сотрясается, что я рискую ее уронить. Выпятив живот, пытаюсь ее поднять. Но она ускользает из моих объятий, выворачивается...

Крупный человек, очень тяжелый, хотя от него остались лишь кожа да кости.

– Пожалуйста, прошу вас, дайте мне достать вас из шкафа, – говорю я. Он раскачивается и трется об меня. Кровь у меня закипает, и я умоляю: – Пожалуйста, вы ведь здесь уже давно, без свежего воздуха... Прошу вас, сэр, сделайте, как говорит Анита!

Человек отвечает тихо и тягуче:

– Нет... оставьте меня в покое.

Мне страшно. Если я не смогу достать его из шкафа, женщины вместо него захотят меня.

Тут он скрежещет:

– Хватит! Прекратите эти игры! Я больше не хочу играть.

– Но они хотят еврейского раба. Подумаешь! Вы ведь уже привыкли.

176

Я тяну его за ноги – чугуном чугуном. Я наклоняюсь и пытаюсь взвалить его на спину. Он не сдвигается. Я не понимаю, что со мной, но мои жизненные соки бурлят и выплескиваются. Тут я впервые замечаю его пенис. Он стоит и тверд, как сталь.

И снова тягучий вскрик:

– Рядом с тобой я как будто опять мужчина! Я ничего не боюсь! Пусть эти суки со мной играют. Пусть зато помилуют тебя.

Боюсь, у него немало поводов для тревоги, однако сам я труслив. Я боюсь сильнее, что они захотят превратить в еврейского раба меня. И я сделаю что угодно, лишь бы не быть евреем.

Он с очень прямой спиной выступает из шкафа. Я обнимаю его за поясницу, чтобы он не слишком раскачивался. Мы идем к месту экзекуции – подле стола Аниты. Я снимаю с него шапку и сую ему в правую руку – так полагается приветствовать вышестоящих. И при свете я прекрасно его вижу.

Кошмарное зрелище.

Лицо покрыто гниющими шрамами. Между бровями дыра с полудолларовую монету – выходное отверстие от пули, пущенной в затылок⁹⁷.

От этого небритое впалое лицо еще угрюмее. Может, спросить у него, не хочет ли он побриться

перед тем, как предстать перед Госпожой Анитой и Ханной Поланитцер? Но нет, я ничего не говорю. Наверняка дамы предпочтут его в таком виде.

Теперь я спокоен. Никаких последствий, никакой слабости, хоть я и сожалею, что вывел эту фигуру из шкафа. Я мог бы и отказаться. Но теперь уже поздно (обычная моя история), ничего не изменишь.

Я вновь смотрю на Госпожу Аниту и мисс Поланитцер; последняя совершенно раздета – остались только лифчик и туфли. Ханна восклицает:

– Черт бы меня побрал! Ты посмотри на его лицо! – она указывает на меня. – Вылитый твой слуга!

Вылитый я? Он похож на меня? И что?

Он ведь не я – так что какая разница?

– Может, они с этим рабом братья? – Ханна все разглядывает меня. – Ну, или он – экспрессионистская версия. Вариант Макса Бекмана! Или Шмидта-Ротлуфа⁹⁸.

И затем она с девичьим жеманством спрашивает Аниту:

– И что мы сделаем с этим ЖИДО-О-О-ОМ?

– Наверняка ты что-нибудь придумаешь, дочь моя. Ты очень умная.

У Аниты в руках золотая цепочка – я только что заметил. На цепочке болтается кулон мисс Поланитцер – звезда Давида из чистого золота (я уверен). Анита водит золотым кулоном туда-сюда над пустой ямой, где обитает ее вагина⁹⁹.

– Да, ты очень умная! И к тому же Художник! Дай волю фантазии.

Мисс Поланитцер резко садится на диване, и Анита трясет пальцем – ей больно (подруга укусила ее, выпуская палец изо рта).

– Какое неуважение! Когда он вышел из шкафа, я ясно видела эрекцию. А теперь ее нет.

– Я тоже заметила, дочь моя, – говорит Анита, взяв себя в руки. – Он совершенно не уважает нас. Мы ему отомстим.

Я понимаю, что нужды в моем присутствии больше нет, и с поклоном удаляюсь из кабинета.

Наше образование

Сегодня снова школа. И хотя мне за сорок, я по-прежнему обожаю школу! Для нас, слуг, школьные уроки хотя бы ненадолго стирают различия между нами и Хозяйками – позитивно, жизнерадостно и без угрызений совести. А почему? Потому что уроки абсолютно, совершенно разрешены – и даже одобрены.

В школу мы надеваем тончайшие пижамы из искусственного шелка. Мы аккуратно причесаны, борозды на макушках выбриты начисто. Ноги тщательно вымыты и не пахнут прислугой, ногти подстрижены и отполированы. Шеи облиты одеколоном. Пенисы связаны для предотвращения эрекции. И наконец, у каждого на лбу установлен электрошокер, который потом подключат к сети¹⁰⁰.

Мы обожаем школу! Невинное умственное развлечение, почти забава. Мы слушаем сказки и исторические повести об Александре Великом, Цезарях, Адольфе Гитлере. Занятные истории о нашей замечательной политической системе. Предания о ранних периодах справедливого женского господства.

Нас учат только Хорошему. Все плохое, неверное, все, что не совпадает с правилами Дома, исключено. Учиться должно быть весело – согласно определенным прогрессивным теориям, ученики лучше всего усваивают информацию в веселой обстановке, а не через интеллектуальные пытки и препоны. Выходит, школа Аниты близка к «демократии» – в вульгарном смысле этого слова и в пределах наших представлений о мире.

Когда мы особо стараемся, нас награждают конфетами – мы все любим конфеты. Если ученик высказывается особенно ярко, его даже могут наградить отменной пощечиной. Такое, впрочем, случается редко – подобные высокие награды приберегаются для частных уроков, как, например, мои уроки с Анитой, которую интересуется мое интеллектуальное развитие.

В классе мы сидим на корточках аккуратным рядком. Руки вытянуты на уровне плеч¹⁰¹. Электрошокеры подключены к сети, и когда кто-нибудь ошибается – ошибки, конечно, бывают, – легкий удар током получают все. А виновнику достается тройная доза.

Мы много поем и даже сочиняем песни и мелодии. Нас учат подражать голосам животных. Нам ставят оперы и просят своими словами описать услышанное. Мы обожаем оперу – она такая волнующая и всегда повествует о столь замечательно бессмысленных вещах.

Нас учат правильно делить пространство на бумаге и создавать абстрактные композиции. Нас учат красиво раскрашивать эти рисунки, подражая крупным современным художникам.

Нас учат сочинять стихи, подчеркивая игру слов, звучание и фактуру. Наши учителя демон-

стрируют безграничные возможности сочинения поэзии, состоящей всего из одного звука: например, только «О».

Нас учат составлять генеалогические древа королевских домов разных столетий, запоминать имя каждого короля, его жены, их семей, все важные даты и все войны, что вели короли к вящей славе своей, все награды, что они даровали гражданам, и все кары, что по справедливости заслужили их подданные¹⁰².

181

Иногда нам показывают фильмы о дрессировке домашних и диких животных. Или о егермейстере. Или показывают нам достижения древних художников, писавших королевские семьи и их обворожительных любовниц.

За пением, стихосложением и киносеансами время в классе летит быстро. Слишком быстро. Но мы уходим после уроков, неизменно довольные, полные оптимизма и решимости еще больше усердствовать в деле служения.

Нет ничего важнее для нашей программы «игрового образования», нежели игра в жмурки. Нам завязывают глаза и скручивают руки за спиной. Разрешают остаться в штанах.

Затем нас одного за другим выталкивают на середину большого белого класса. И одна за другой к нам подходят Хозяйки – мы не знаем, какая именно, и не знаем, принесет она боль или наслаждение.

При первом касании руки Госпожи нам позволено убежать. Если мы решим бежать, за нами не погонятся.

Мы, слуги, не знаем наперед, коснутся ли нашего пениса и яиц нежные руки, или ласковые губы (что кое-кому доставляет наслаждение),

или перчатка с гвоздями вонзится нам в лицо или тело, исторгая яркую кровь из продырявленных бороздок.

Удар по пенису без такой перчатки безусловно приятен. Но если к тому же снова и снова бьют по лицу и телу, слуга обычно валится на пол. А если его пинают сапогом, тупая мертвящая боль потом длится часами.

182

Конечно, кое-кто получает от этого удовольствие. Пусть даже не в минуты боли, а, скажем, позднее – из воспоминания о пережитом опыте, из подтверждения собственной преданности: ты оказался образцовым, выносливым слугой, ты чего-то достиг. Твои тело и разум укрепились, и ты готов на дальнейшие служебные подвиги.

Так что у игроков в жмурки есть масса возможностей. Слуга должен принимать решения мгновенно и интуитивно. После первого удара или первой ласки слуга не может убежать, но имеет право крикнуть: «Не играю!» Но тогда он выбывает из игры.

Подобные самоуничижительные ретирады случаются редко, если вообще случаются, и после них никто не держит на слугу зла. Но, пользуясь правом отказа, слуга рискует прослыть трусом. И потому, хотя мотивировать его могут поистине осознанные порывы – решение, скорость, постижение своих желаний за доли секунды, – слуга остается в игре и принимает ее результаты, желанные и нежеланные равно.

Перформанс слуг

Занавес поднимается – мы уже заняли места на сцене.

Я наклоняюсь вперед, руки и ноги связаны. Мои губы и язык лижут и дразнят мой собственный отвердевший прибор и яйца.

Подо мной полулежит связанный Альдо. Его лицо смотрит на мой зад, и Альдо тщательно его вылизывает.

Ганс в ярко-красной шелковой пижаме стоит на табуретке. К его члену прикреплен пушистый меховой хвост, который достает до пола и обвивает ножки табуретки.

Ганс поднимает над головой и показывает залу рукописные плакаты.

После каждой перемены плаката он бьет ногой в стоящий рядом китайский гонг. Карты его по очереди говорят следующее:

«Вставай, проклятем заклеяменный».

«Дюйм улучшения стоит мили прогресса».

«Мир измеряется Длиной Хуя и Глубиной Пизды».

«Быть жизнеспособным значит осознавать; хочешь осознавать – познай боль».

«Без боли нет наслаждения».

«Один удар по члену стоит миллиона рук».

«Подле Созидательной Пизды мы процветаем; вдали умираем».

«Мужское – вялое, женское – свежее».

184

При каждой перемене плаката мы, выступающие, хотя и крепко связаны, пытаемся поменять позы. В одной позе я могу взять в рот член Альдо, а он лижет мой анус. Когда удается физически, мы вслух повторяем лозунги на плакатах – по возможности с чувством и в унисон.

Все это повторяется много раз, а затем мы начинаем импровизировать позы, катаемся по полу, прыгаем, падаем, а плакаты между тем меняются все быстрее и наконец вовсе отбрасываются.

Публика, состоящая из наших Хозяек и их друзей-мужчин, ободряет нас смехом и аплодисментами, давая понять, что выступление проходит удачно.

Затем на низенькой платформе с колесами к нам подъезжает Объект Джуди. Ганс добродушно наступает на его неподвижное, затянутое в черную кожу тело, ногами тяжело давит ему на грудь. Молоко струится из его сосков по животу.

Под тяжестью Гансовой ноги Объект Джуди к тому же опустошает пузырь, и моча сочится сквозь кожаные брюки-юбку в обтяг. Сладковатый запах дает понять, что от давления Объект Джуди справил и большую нужду.

Друзьям Хозяек разрешено трогать и ласкать всех нас. Если пожелают, они могут жестоко к нам цепляться, забавляясь нашими преувеличенными, театральными гримасами гнева, боли и благодарности.

В финале Госпожа Анита восклицает:
– К СТОЛУ!

Мы мигом падаем на колени перед Хозяйками – те разом задрали юбки. Мы ужасно проголодались и иступленно лижем их вагины, а их друзья подначивают нас трудиться усерднее. Они тянут нас за пижамы, дергают за волосы. Но ничто не может отвлечь нас от райского вкуса пизды, проникающего нам в животы и согревающего нутро.

Покончив с нами, Хозяйки с компаньонами удаляются в гостиную, где вкушают еду и напитки, которые мы приготовили. Там каждый гость награждается символическим, легким, не слишком болезненным избиением. И все равно это великая награда для так называемых свободных и независимых мужских особей.

Обычно после этого нам дозволяют вернуться в комнату слуг – мы устали, но довольны художественными свершениями. Однако сегодня Анита велит нам опуститься на четвереньки. Затем она раздает гостям большие кожаные фаллосы и приказывает ввести их нам.

Мужчины безжалостно суют эти объекты в наши анусы. Неопишуемая, ужасная, прекрасная боль заполняет наши мозги, затопленные лихорадочным счастьем творчества. Когда объекты извлекают, мы падаем, крепко держа друг друга за руки, а кровь и экскременты струятся на отполированный паркет.

Как обычно, при виде нашего счастья и удовлетворения Бет Симпсон и Тана Луиза приходят в иступленную ярость и беспощадно секут наши тела плетками. Это приводит нас в чувство, мы встаем и удаляемся к себе.

Мы так устали, что не в силах добраться до
коек. Мы засыпаем на полу и, застыв во сне, по-
вторяем странные слова:

– Рай. Любовь. Искусство. Вечность.

Мы абсолютно довольны, мы с чистой сове-
стью погружаемся в сон без сновидений.

Наутро прямо у нас перед носом стоят тарелки
с деликатесами, приготовленными для нас лично
Хозяйками.

186

До чего великолепно Искусство, а также пони-
мание и доброта, благопритствующие культур-
ному формированию наших личностей.

Госпожа Корова

Не могу больше гнать от себя это наваждение. Оно возвращается вновь и вновь, как я ни стараюсь подавить его, вычистить из своего разума.

Когда мы заняты, я не думаю. Когда я исполняю свои обязанности, мысли у меня не витают. Физическая усталость овладевает мною, особенно после дойки.

Но когда я отдохнул и сижу в нашей комнате на подушке, прислонившись к стене, я замечаю за собой, что не в силах играть в карты или непринужденно болтать. Меньше всего я способен сосредоточиться на чтении и лекциях, на усвоении учебных материалов, которые постоянно таскает мне Госпожа Анита.

Разум мой постигло проклятие, и перед глазами у меня стоит одно: голова Аниты на теле коровы. Толстой, пятнистой бело-коричневой коровы с лоснящейся шерстью – она отгоняет мух взмахами хвоста, на ходу довольно покачивает выменем.

Я вижу прекрасное задумчивое лицо своей Госпожи – ее аристократические точеные черты резко контрастируют с толстым, мясистым коровьим телом.

В видении моем остальные Хозяйки повсюду следуют телятами за Коровой-Матерью. Их преобразование не кажется мне столь кощунственным, ибо они – весьма расплывчатые и ребячливые создания, воображать их головы на телячьих телах естественно. (Объект Джуди не возникает в моих видениях в животном образе. Неподвижная, скованная черной кожей скульптура – видимо, я считаю ее полумертвой. Хотя облик ее меняется день ото дня.)

Корова Анита радостно бежит по лугам, с грустным лицом жует траву, жует и жует, утоляя бездонный голод.

Корова Анита лежит на траве, отрывает и пережевывает жвачку, снова проглатывает, поглощает четырьмя своими желудками и снова переваривает с закрытым ртом.

Я бьюсь головой об стенку, чтобы избавиться от видения, а корова Анита улыбается, наблюдая мои затруднения. Голова у меня раскалывается, а корова Анита предоставляет мне в одиночку сражаться с чудовищным наваждением.

Корова Анита купается. Корова Анита мочится. Корова Анита раздвигает ноги, испражняется, роняя уродливую бурую массу в свежую зеленую траву и пачкая задние ноги.

Корову Аниту доят – вот именно, ее доит старая крестьянка, явившаяся, похоже, из моих детских воспоминаний. Старуха доит, а корова Анита лениво брыкается задней ногой, оборачивается с улыбкой и в экстазе показывает грязной крестьянке толстый язык.

Неведомо почему от таких видений мой пенис твердеет. Когда струя молока из вымени коровы Аниты бьет особенно сильно, я готов кончить –

еще один грех, помимо уже свершенного греха, этого кощунственного видения.

При эрекции я чувствую, что я выше моей Госпожи, которую превратил в парнокопытную дойную скотину.

Но прямо перед эякуляцией я очень больно бью себя по члену. И предотвращаю семяизвержение.

Видение ненадолго покидает меня. Но боль проходит, и оно возвращается.

189

В минуты сомнений, когда я не занят службой, я поднимаюсь на крышу и оттуда созерцаю Нью-Йорк. Там я думаю о том, как мне повезло: я свободен от повседневной жизни. Я ничего не знаю о будничных проблемах этого ужасного города. Как же я счастлив быть вдали от всего этого, как счастлив, что избран посвятить свою жизнь истинному призванию – истинному служению¹⁰³.

Здесь я и нахожусь сейчас. В отчаянии я сбежал на крышу.

Вот он, Нью-Йорк, – задыхается под гнетом свинцового неба. Сегодня хорошие мысли не посещают меня. А видение коровы Аниты не оставляет.

Анита пасется на краю крыши, лицо пустое, она совершенно поглощена пищей. Госпожителюта слабоумно скачут вокруг. Я соображаю, что в своей коровьей жадности и глупости они могут свалиться с крыши. И тогда я спущусь по лестнице, сниму полосатую служебную форму и выйду к жителям большого города, разделю их хлопоты и заботы.

И едва я додумываю эту мысль, меня, словно кирпичом, брошенным рукой Бога, ударяет по голове¹⁰⁴.

Утром я просыпаюсь на асфальтовой крыше с ужаснейшей головной болью. Я еле успеваю спуститься к утренней линейке, к ежеутренней дойке.

Мыши, мужчины и хозяйки

Госпожа Анита ко мне все добрее, и я спрашиваю себя, чем это заслужил. В глубине души я знаю, что согрешил многократно – в чувствах, в мыслях, а порой и в поступках.

А вот Госпожа Бет Симпсон прекрасно сознает мои недостатки. Ее отношение ко мне не смягчилось ни на йоту. Всякий раз, сталкиваясь со мной в коридорах Дома или во время службы, она с великим наслаждением избивает и унижает меня – каждая пощечина, отвешенная ее голой рукой, отзывается во мне многочасовыми плодотворными воспоминаниями.

Она интуитивно не доверяет мужчинам, в том числе рабам и слугам, зная, что все они по природе своей низменны, отвратительны и пригодны только для рабства, ибо к их телу приспособлен этот проклятый отросток.

Бет Симпсон не принадлежит к числу мыслителей или аналитиков, однако тут абсолютно права. Она блондинка, спортивная и мужеподобная, типичная американка, нередко шутлива и друже-

любна – не со слугами, естественно, – но подвержена частым приступам импульсивной ярости.

Бет открыто издевается над нашим интеллектуальным воспитанием – элементом философии Госпожи Аниты. Бет списывает образовательные усилия Госпожи Аниты на деформацию буржуазного мышления: мол, образование слуг – симптом деградации и слабости.

192

Она поклоняется лишь немногим идолам – простым, незатейливым палачам с несложным разумом, но с твердой и ясной убежденностью в собственном физическом и сексуальном превосходстве. Людям, которые не знают ни сомнений, ни сожалений, а мышление полагают ненужным и даже нездоровым.

Тем не менее, насильники, убийцы, надзиратели и им подобные предметы ее восхищения – все равно попросту обычные мужчины. По своей врожденной неполноценности ее кумирам никогда не завершить нелегкий труд – окончательное подчинение недоразвитых низших классов. Мы знаем, что на такой титанический подвиг способны только женщины.

Наша Госпожа Тана Луиза – другой типаж. Мрачная и гневная, она похожа на наступательное орудие – вся сплошь из тяжелых мускулов. У Таны Луизы особое происхождение – латиноамериканка с испанскими корнями. Она из тех спортсменов, что не любят бодрящей свежести природы. Предпочитает совершенствоваться в четырех стенах – скажем, в испанском патио, в тени и прохладе.

Нрав у Таны Луизы необузданный – как и Бет Симпсон, она склонна к внезапным вспышкам ярости, однако манера ее регистром ниже, холод-

на, сдержанна. Ум ее потрясающе силен, но при этом недисциплинирован. Мелочи она принимает за монументальные события зверской важности.

Например: в ее фантазии крохотная беззащитная мышь превращается в страшное чудовище. Мышь становится богом джунглей. Тана Луиза внушает нам, что безвредная мышь – на самом деле могущественное животное, способное с легкостью пожрать сотни котов, львов, тигров и ягуаров.

С горящими яростью глазами она рассказывает нам, что мышь может изгрызть и в конце концов сожрать сотни пенисов под недоверчивым взглядом их беспомощных, замороженных, парализованных ужасом обладателей.

Тем не менее, она для забавы держит белых мышей. Выпустив мышь на волю, Тана Луиза загоняет испуганную тварь в угол и медленно убивает, давя босой ступней.

Писк зверька приводит ее в блаженный транс. Но она заставляет себя выйти из оцепенения и призывает на помощь нас, слуг. Нам надлежит поместить мышь у нее между ногами и впихнуть в вагину.

Этот примитивный ритуал захватывает, гипнотизирует нас. Вскоре снаружи торчит только белый мышиный хвост, и за этот хвост мы двигаем расплющенное тельце туда-сюда в пульсирующей святой святых Таны Луизы. Мышь исходит кровью и другими жидкостями, соки Таны Луизы текут рекой.

Тана Луиза мяукает. Сначала урчит совсем тихо, затем громче. Вскоре она вопит, как похотливая кошка, и громкость нарастает по мере того, как мы быстрее двигаем мышью. Мы состязаемся друг с другом – слуга против слуги, – стараясь больше остальных угодить Госпоже Тане Луизе.

Поэтому, не успевает она с нами покончить, мы уже деремся, кусаем друг друга, позабыв о службе, и в пылу драки катаемся по полу.

Тут Тана Луиза вскакивает и вырывает мышинные останки из вагины. А затем свирепо пинает нас ногами, истерически крича:

– Хесус! Анита! Анита – Хесус!

194

Как я уже сказал, Госпожа Анита теперь очень ко мне добра. Но сама по себе ее доброта не приносит мне радости. Наоборот, она немало расстраивает. Простая доброта в такой великой Госпоже, как Анита, предвосхищает катастрофу, бедствие, начало конца праведности. Это предчувствие конца нашего Покорства.

Меня осеняет: Госпожа Анита добра ко мне сейчас лишь для того, чтобы в будущем одарить еще более великой болью. Такой человек, как я, Слуга Бобби, натуральный гурман – я сам воспитал себя добровольным ценителем рабства... я интуитивно постигаю тонкие различия. Значит, грядет не просто физическая пытка и не чисто душевные муки...

Грядет новая боль, до того изощренная, что ее и болью назвать нельзя.

Я уже на грани хвастовства – какое кощунство. Позвольте сказать только одно: я знаю, что в конце концов мне придется ужасно плохо. То будет не просто изысканное унижение – через свою Госпожу я познаю подлинное страдание.

Это страдание компенсирует временную легкомысленную радость, кою приносит мне доброта Аниты.

Особенно в предвкушении игры, которую моя Госпожа вот-вот начнет.

Операция-перформанс

Скоро начнется игра Аниты.

Дом Аниты занимает несколько тысяч квадратных футов – здесь поместилась бы не одна квартира для состоятельных людей. Наша огромная приемная – гигантское снежно-белое пространство.

Эстетика белизны, нью-йоркский стиль шестидесятых и семидесятых, очень популярен среди городской элиты. Подобный дизайн напоминает огромные современные галереи, каких полно в городе, фанатично гонящемся за новейшими течениями в искусстве.

Наша приемная почти пуста – разве что несколько свежих образчиков авангарда. Бессодержательные картины с перекрещенными тонкими полосками или гигантское монохромное полотно со стратегической кляксой в углу.

Окна, выстроенные как солдаты, открывают вид на городской силуэт. На полу – блестящий березовый паркет, в котором отражаются произведения искусства. Мы, слуги, тщательно полируем этот паркет каждый день – иногда целыми днями. На – нем ни пылинки.

На золотистой паркетной равнине стоит длинный стол, покрытый белым жаростойким пластиком. Этот двадцатипятифутовый стол рассекает равнину пополам, словно скальпель умелого хирурга. Это прекрасное снежно-белое пространство, чистое, простое и функциональное, без излишеств, словно разум в момент великого просветления.

Но вернемся к игре Аниты.

196

Я вымыт, припудрен и надушен Гансом в личной уборной моей Госпожи. В стратегические точки моего тела втерты духи с резким животным запахом. Надо думать, это поспособствует восхождению мыслей моей Хозяйки в высшие сферы.

Я чувствую себя чистым и невинным, как ребенок. Анита нарядила меня в белый шелковый халат поверх полосатой пижамы. Несмотря на возраст, тело мое в полном расцвете сил: я строен, мускулист и поджар благодаря постоянной службе. Несмотря на это, я настолько слаб от ожидания и предвкушения, что еле стою на ногах.

Ганс поддерживает меня под локоть и вводит в приемную. Он помогает мне забраться и лечь на стол и приносит два серебряных подсвечника. Серебро подкрашено белым, подсвечники очень абстрактны – работа знаменитого нью-йоркского художника. Ганс ставит один у меня в изголовье, другой – у ног.

Для удобства Аниты Ганс придвигает к столу мягкое кресло. Затем приносит поднос с крошечным скальпелем, карандашом и стенографическим блокнотом. Оказав эту последнюю услугу, отступает в дальний угол и ждет дальнейших указаний.

Тут появляется Фриц в сером деловом костюме, в белой рубашке и при галстукке. Он выглядит очень профессионально. Он раскрывает принесенные с собой складной столик со складным стульчиком, вынимает блокнот и карандаш, садится и готовится стенографировать. Я слышу, как входит Госпожа Анита; глаза мои прикованы к высокому белому потолку, где танцуют отражения свечного пламени, хотя на дворе день.

Анита начинает:

– Как тебя зовут?

– У меня нет имени, – отвечаю я.

– Разве тебя не зовут Бобби, Слуга Бобби?

– Некоторые, а особенно моя Госпожа Анита, называют меня этим именем.

– Тогда почему же ты говоришь, что у тебя нет имени?

– Потому что вы приказали отвечать абсолютно честно, Госпожа Анита, – говорю я, – и в глубине души я уверен, что имени у меня нет, хотя некоторые окликают меня по имени. Я чувствую, что не имею бытия как человеческое существо. Я скорее един с Бытием, я соединен с движением волн в океане, с ветром или песком. Да, особенно с песком в пустыне. С любой стихией, что течет и меняется под влиянием сил, которые могут быть сильнее человека, ветра, гравитации. Иногда мне видится, что я земля – она инертна, но готова принять в себя семя творческой мощи.

– Ты очень умен, Бобби. Кто сделал тебя таким умным?

– Всему, что я знаю, меня научила моя Госпожа Анита. Но я еще далек от совершенства. Мысли мои еще в пути.

– Если будешь стараться, со временем ты достигнешь величие моей мысли. – отвечает Анита.

Рука Аниты со скальпелем мелькает перед моими глазами и опускается мне на грудь слева. Скальпель умело врезается в плоть, прокручивается. У меня по груди струится кровь.

– А раньше тебя звали... Кровь? Слуга Кровь? – Анита припала ртом к моей ране. Она лижет и сосет кровь. Я вздыхаю от божественного наслаждения.

– Да, Госпожа. Кажется, некогда меня называли так. Далеко-далеко, я уже не помню, где.

– Кровь течет лишь там, где нет сопротивления, – отвечает моя Госпожа. – Кровь принимает форму сосуда – и в этом она схожа с тобой.

– Кровь течет по моим венам, пока ей позволено... Песок летит по пустыне, пока не стихнет ветер. Так оно и есть – я ваш Слуга Кровь.

Скальпель снова мелькает перед глазами. В ушах отдается его свист, усиленный тысячекратно. Вижу отражение свечей в стальном лезвии.

Потом чувствую маленький надрез на своем оружии и легкая боль мешается с теплым объятием. Госпожа держит в руках мой прибор, дробит его, выпивает тепло. Я держу себя в руках, замедляя поток, потом останавливаю, чтобы она еще раз выжала из меня соки своей рукой. Затем она ровно и строго приказывает:

– Кончай! Я приказываю тебе кончить!

Очень медленно, полностью себя контролируя, короткими, умело отмеренными всплесками, как того желает моя Госпожа, я кончаю. А потом отпускаю себя, всего сразу, в абсолютном освобождении. От макушки мозга до кончика инструмента

тело мое извивается в экстазе. В судороге непревзойденного счастья я бьюсь головой о твердый пластик стола.

Краем глаза я вижу, как Госпожа Анита пытается собрать всю мою кровь и сперму. Ее лицо и голодные губы омыты приношением ее слуги.

Между тем пот струится по лицу Фрица рекой. Он сидит в своем неудобном костюме, отчаянно торопится фиксировать Анитины откровения, описывать все происходящее, а также свои впечатления.

199

Госпожа объявляет:

– Твое новое имя – Бобби Кровь-Сперма!

– Мое имя – Слуга Бобби Кровь-Сперма. Мое имя – Слуга Бобби Кровь-Сперма, – так я повторяю несколько раз.

Ганс подбегает к Фрицу, они обнимаются и вместе припадают к ногам Госпожи Аниты, покрывая ее туфли поцелуями и крича в один голос снова и снова:

– О, Госпожа, как прекрасно! Какой невероятно прекрасный перформанс!

Анита позволяет им исполнить ритуал поклонения до конца. Затем возлагает руки им на макушки и величественно провозглашает:

– Благословляю и вас, мои верные слуги.

Ганс и Фриц плачут от радости.

Волчица в лесу Аниты

На обнаженной Аните лишь блестящие лакированные красные сапоги до колена. Она сидит на высоком табурете, расставив ноги перед моими глазами. Ганс наводит на нее мощный прожектор, чтобы я смог насладиться мерцанием черных кудрей вокруг ее сокровища.

Внутри я вижу множество вещей. Лес – сплошь стволы и ветви, но нет листьев. В этом темном лесу возникает такое, до чего не добраться лучам солнца. Я вижу города, дома, комнаты и людей, которых никогда раньше не видел.

Предо мною молочно-белый сокровенный мир, и он больше меня. Я сосу кроваво-красные соски, а что-то железной хваткой держит мой маленький член. Может, рука служанки?¹⁰⁵

Комната по-прежнему совершенно бела – да, бела и без мебели, кроме стола, на котором лежу я.

Анита соскальзывает с табурета и нежно разгибает мои пальцы, сжимающие окровавленный член. Она слизывает кровь с моей руки. Затем на-

гибается и лижет рану, глотает мою кровь¹⁰⁶. Потом закрывает рану и начинает говорить, как в трансе, точно пьяна вином моего тела¹⁰⁷.

Она рассказывает мне о детстве – сцены, каких я никогда не знал, давным-давно забыл, вновь оживают в театре моего разума, и мой внутренний взор проникает темный лес Аниты.

Сквозь закрытые окна и мокрый холод я слышу крики, свист и шаги множества ног по деревянным тротуарам. Идет война... повсюду падают бомбы, но мне не страшно. Я спрятан между двумя женскими грудями. Но внезапно меня роняют, я лежу на земле, и огромная женщина затыкает мне рот до удушья, моим лицом трет свою мокрую едко пахнущую вагину.

Нам велят танцевать, и все повинуются, кроме меня. Я отказываюсь. Я знаю, что за это меня могут расстрелять¹⁰⁸. Но меня прощают – за этим упражнением униженно наблюдает Анита, – я храбр по ее просьбе.

В лесу я всего лишь младенец, голый младенец в снегу. Теперь я окружен стаей голодных волков, они надвигаются – и тут ко мне подходит Волчица, зубами поднимает меня из жгуче-холодного снега и отбрасывает в сторону. Вылизывает меня, прижимает к своему теплему животу. Трется об меня сосцами, и волчья стая уходит¹⁰⁹. Я сосу молоко Волчицы, а она вылизывает, ласкает и согревает меня.

Но затем я снова падаю – в лес смертельной болезни. Силы покидают меня, и я знаю, что исцеления не будет. Все зараженные этой болезнью умирают.

Но Анита с небес вновь защищает меня. Текут мои жизненные соки, и болезнь изгнана из тела.

Лес Аниты горит вокруг меня факелом, но посреди него я в полной безопасности, цел и невредим под теплым животом Волчицы.

Моя Госпожа Анита кричит:

– Убей змею! – лаская мой окровавленный член, склоняя к нему губы в ожидании струи спермы. – Не бойся – убей змею! Убей ее! УБЕЙ!

202

Я поднимаюсь со стола – я будто парю, – машу руками, кричу и режу Змея на куски. Каждый кусок извивается и ползает как живой в поле кроваво-красных цветов... и я, победитель, Господин, разряжаюсь струей крови и спермы в открытый рот Богини.

Волчица прижалась ко мне и тычется мокрым носом в ноги, а иногда их лижет. Шерстка Аниты на коже – райское ощущение. Я крепко сплю.

Возникая из северного тумана, группы мужчин маршируют устало, как фарфоровые фигуры. Время от времени они исчезают в тумане. Они идут и идут, сквозь грязь и снова грязь, вдоль бесконечных рядов проволочных заграждений. Они спотыкаются, эти уставшие колонны. Они натываются друг на друга. Их деревянные башмаки застревают в грязи.

Одна фигура отстает и падает. Сначала ее пытаются взбодрить, чтобы она продолжила марш. Но не выходит, и тогда волки окружают упавшего и рвут зубами его фарфоровую плоть, любезно пожирая без остатка. Чтобы нечему было гнить в грязи.

Моя Волчица всегда со мной. Она отыскивает меня среди плетущихся фигур, ластится, лижет меня, ободрительно тьякает, велит идти дальше и не спотыкаться.

Ночью, когда мы садимся передохнуть в грязи, прижимаясь друг к другу, как пчелы в улье, Анита снова находит меня, где бы я в этом улье ни оказался¹¹⁰. Она ложится на мое лицо и пихает набухший молочный сосок в мой изголодавшийся рот, пока я не высасываю ее досуха.

Она хорошо откормлена, моя Волчица. Ей еще предстоит пожрать столько павших фигур. Она откормленная и теплая, ее сосцы полны молока – и все для меня.

203

Она накрывает меня собой, согревая, и рычит на моих спутников, когда те посреди ночного кошмара толкают меня.

Моя военная Анита наряжена в сверкающий мундир, с пистолетом в кобуре и хлыстом в руке. Мы стоим перед ней навтыяжку – она инспектирует шеренгу бледных фигур. Некоторым она жестом приказывает шагнуть вперед. Вдоль проволочных заграждений лежат расстрелянные и умирающие.

Хотя мне трудно узнать ее в мундире, она дает мне понять, что помнит меня.

– Шаг вперед, Бобби, – приказывает она. И тихо добавляет: – Ты будешь жить.

Анита выбирает несколько тел из кучи мертвых и полумертвых и велит нам есть их плоть и пить их кровь. Чтобы сила вернулась в наши тела¹¹¹.

Затем она ведет нас в теплый барак, где мы моемся в горячей воде и одеваемся в новые рубы и башмаки¹¹². Когда мы все чисты, сыты и счастливы, будто заново родились, Анита входит и приказывает нам выстроиться в шеренгу. На нашем родном языке она говорит, что теперь она – одна из нас. Все хорошо! Мы выжили. Мы прошли испытание, и теперь нас ждут великие подвиги.

Торжественно вышагивая впереди, Анита выводит нас из барака. Мы с радостью следуем за ней, проволочные ограждения остаются за спиной. Мы минуем бесконечные леса, отыскиваем грунтовки, проходим через села... затем через разрушенные города и те, которые война обошла стороной.

204

Люди с удивлением смотрят на наш странный отряд. Они знают, что мы несем давно забытые истории.

Мы поднимаемся в воздух и парим над Европой и над океаном, пока не приземляемся среди небоскребов Нью-Йорка.

Волчица ложится на меня. Ее передние лапы бьют меня по лицу, в опасной близости к глазам. Она облизывает мое лицо и уши, и даже за ушами. Она вылизывает выбритую борозду, которая делит пополам мои обкорнанные волосы. Ее тяжелые, полные молока груди нависают над моим лицом.

Моя Волчица лижет каждую рану, что я получил на службе. Находит на теле их все. Она оmyвает мой кровотоющий орган своей волчьей слюной.

Операция-перформанс № 2: пожирание раба

Капо Альдо вкатывает неподвижный, затянутый в кожу Объект Джуди в Большой Белый зал.

Тана Луиза, Хозяйка Объекта Джуди, стучит по паркету сапогами, утыканными гвоздями: этот злобный лязг следует за ней повсюду. На ней эффектный облегающий наряд из необработанной кожи и черные меховые горжетки от шеи до сапог. Тана Луиза восклицает:

– Хесус! Черт возьми, Хесус!

Вваливается Бет Симпсон, прижимая к перевозбужденной, распаленной вагине бейсбольную биту.

Фриц в деловом костюме даже подсказывает, узнав, что в его секретарских услугах больше не нуждаются. Кажется, он ужасно напуган и в смятении рассыпает свои стенограммы.

Хозяйки и слуги устремляются ко мне.

Тана Луиза переворачивает меня на белом столе, внезапно хватая скальпель, вонзает мне в левую ягодицу и вырезает большой кусок. Она вгрызается в плоть, истерично восклицая:

– Хесус! Хесус! Я ем Хесуса!

Она бросает лакомство Бет Симпсон, та ловит его и нюхает, вдыхая свежие испарения, а затем приседает на полу и выдавливает из мяса свежие соки.

Объект Джуди с огромным трудом, запинаясь и заикаясь, цедит сквозь сшитые губы:

– Мне. Тоже. Мяса. Мяса.

206

Бет приближается к повозке Джуди и прижимает к ее лицу шмат ягодичного мяса. Еврейка задыхается, ей мешает намордник, и потому она лишь нерешительно покусывает.

Ганс и Альдо дерутся за остатки. Мое ягодичное мясо съедают подчистую.

Я ухитряюсь повернуться набок, чтобы полюбоваться этим занятным зрелищем. Моя кровь лихорадочно пульсирует, когда подходит Анита и склоняется над моей распоротой задницей. Анита целует и гладит ее, потом лижет и с невозмутимым удовольствием жадно глотает мою кровь.

Сквозь утонченный аромат моей Госпожи пробивается, накатывает волнами скверная, мерзкая, кислая вонь кала.

Трое слуг слетели с катушек. Они от души мочатся и испражняются на безупречный паркет и даже катаются в собственном дерьме. Прimitивное образование не позволяет им достойно воспринять этот эксперимент – он слишком жесток для их посредственных умишек. Они царапают и кусают друг друга, рвут плоть и одежду.

Женский наряд Альдо разодран в клочья. Фриц и Ганс вдвоем вонзаются в него и злобно поедают – каждый со своего конца. Альдо беспомощно вопит:

– Bello, oh quella'bellezza!¹¹³

Тана Луиза снимает один сапог с гвоздями и этим смертоносным орудием приходуется всю несчастливую троицу. Вскоре клубок человечины насквозь пропитывается кровью, и на униформе проступают пятна.

Бет Симпсон, полностью утратив приличия, но двигаясь с безукоризненным самообладанием атлета, отчаянно трахается с бейсбольной битой.

Слуги лакают все подряд, словно умирают от жажды и готовы выпить любую склизкую, разлитую, размазанную по полу или стекающую по человеческим конечностям жидкость. Они постоянно толкают коляску Объекта Джуди, и та катается туда-сюда.

Анита аккуратно меня переворачивает. В белом шелковом халате и блестящих красных сапогах, сверкающих в полумраке, она взбирается на пластиковый стол.

Моя рана бешено пульсирует, и я извиваюсь, не зная, чего ждать от этого шелкового привидения. Рефлексы меня не подводят. Когда она величаво опускается на меня, мой член пульсирует и жестко выпрямляется.

Анита приподнимает свой непорочный халатик, выставляя напоказ наготу, сглатывает – как будто смущена – и застывает прямо надо мной. Она смотрит на меня в упор и пальцами быстро раздвигает вход в вагину. Мучаясь от боли, я приподнимаю голову и упиваюсь этим видением святости и красоты.

Я уверен, ни одному слуге не доводилось прежде заглянуть в животворящую, предвечную пропасть собственной Госпожи. Анита спокойно улыбается, открывает вход к своему сокровищу,

гладит его и тербит самую чувствительную точку. Госпожа вздыхает и улыбается, захваченная порывом чувств. Ее открытый, милостивый взор устремлен прямо в мои распахнутые горящие зрачки.

Она нежно говорит мне:

– Я люблю тебя, Бобби. Люблю тебя!

208

Напор ее ласкающих пальцев становится нестерпимым, и она повторяет те же слова – все еще тихо, но уже не так спокойно, а отрывисто, проглатывая целые слоги:

– ...люблю... Бобби... кровь-сперма... слуга. Я – ТВОЯ СЛУГА... ТВОЯ РАБЫНЯ. Я люблю тебя, Бобби.

Анита кричит, как тяжелораненый зверь, и с облегчением извергает слова, извивается всем телом, абсолютно сорвавшись с цепи.

Она рывком срывает с меня служебную пижаму, тянет за оголившийся член, и, кажется, он проникает в Аниту... точнее, проходит сквозь вагину и пробивает отверстие между грудями. Я вижу, как член поднимается к потолку – все выше и выше, и тот с треском раскалывается. Член проламывает верхние этажи, пробуравливает кровлю и устремляется еще выше.

Он соревнуется с самым высоким небоскребом в городе. Мой член наклоняется к востоку, к Атлантическому океану, и вскоре обхватывает его. А заодно и все материки. Я опутываю всю Землю исполинской паутиной членообразных щупалец.

Сам же я взмываю вверх – вглубь Вселенной, навстречу свободе, небесным телам, всем этим звездам и вечности.

Больше не нужно опутывать и ловить в свои сети весь мир.

Анита ласково гладит меня влажными от собственных выделений руками. Ее улыбка пронизывает мое пульсирующее тело и ноющие раны. Мышцы сводит судорогой, когда она теревит мой торчащий член. Он вновь полон жизни и пытается вырваться из тела. Готов взорваться.

Анита твердит:

– Я люблю тебя... Люблю тебя. Я – твоя рабыня, твой сосуд, твоя земля, твой песок. Отдай ее мне, Господин! Влей в меня свою жизнь, пусть она хлынет, забурлит и потечет по венам. Ибо я песок... земля... просто песок¹⁴.

Анита жадно хватает мой прибор, запихивает его в вагину и скользит вверх-вниз, колотя меня всем весом: удары молота следуют один за другим. Ее волосы растрепались, и она выкрикивает что-то на своем языке, которого я больше не понимаю.

Она скачет, стоя на коленях и прижимаясь грудью ко мне. Дергает меня за волосы, яростно лупит кулаками, а потом царапает и дергает себя за грудь. Анита безудержно колошматит оба наших тела и бессвязно вопит:

– Люби! Осемени! Люби! Обладай! Твоя! Мужчина! МУЖЧИНА!

Я чувствую, как проникаю в каждую пору, каждое отверстие Аниты, погружаюсь в нее целиком, всем телом. Абсолютно опустошенный, я отключаюсь.

Не знаю, сколько прошло времени. Когда я очухиваюсь, Анита по-прежнему лежит на мне, вздрагивая и негромко всхлипывая... Я поворачиваю голову и окидываю взглядом комнату. В галерее горит свет. Свечные огарки пылают настоящим огнем.

Альдо распостерт на паркете: из-под задранной, изорванной в клочья юбки виднеется то, что осталось от члена. Тана Луиза и Бет Симпсон лежат рядом, застыв во сне и стиснув в зубах куски оторванного орудия Альдо. Их одежда разодрана, а тела испачканы кровью Альдо, покрыты царапинами и укусами.

Ганс и Фриц валяются в луже мочи и кала и безмятежно, крепко спят, нежно обнявшись.

210

Появляется младенец Объекта Джуди. Девочка сидит возле маминой повозки, играет волосами Джуди и ее кожаными украшениями. Затем подбегает и начинает ласкать и щекотать Хозяек. Вытирает ладонями кровь, стекающую по обрубку члена Альдо, и пробует ее на вкус. Перепрыгивает Ганса и Фрица, поскользывается и чуть не падает в лужу экскрементов. Наконец девочка дочиста вытирает ладони о свое белое платице и флаг, который держит в руке¹¹⁵.

Я спасаю Объект Джуди

Поздняя ночь. Немцы не спят в квартире наших слуг, штудируя Маркса и Энгельса. А я зорко дежурю на посту в прихожей. Тана Луиза и Бет Симпсон еще не вернулись.

Тана участвует в каком-то нечестивом бунте: она же из Латинской Америки, а там вечно полыхают восстания – к примеру, против нового Рима. Бет где-то напивается в стельку – возможно, в кантри-вестерн-баре. Ее типичная реакция на утрату заветного, свободного и дикого американского фронта¹¹⁶.

Меня освободили от всех прочих обязанностей по дому, чтобы я поскорее оправился. Так что есть время для анализа и глубокого погружения в самое мучительное и кошмарное занятие слуги – мыслительный процесс.

Мне не дает покоя узник концлагеря из кабинета Аниты. Поступил я паршиво и хуже того – паршиво поступив, получил удовольствие.

Я не просто трус, а наслаждаюсь тем, что я трус.

Нужно что-то сделать, любой ценой искупить вину. Я оставляю свой пост и захожу в прачечную.

Раздвигаю груды нестираной одежды и откапываю Джуди Стоун. Она, как обычно, в прострации. Дыхательная трубка давным-давно отвалилась. Никто не додумался поставить ее на место, хотя лишь с этой трубкой Джуди может дышать и есть.

Я бужу ее, и она бормочет зашитым ртом:

– Оставь меня в покое.

212 – Проснись, Джуди, – умоляю я. – Анита собирается тебя продать. Как произведение искусства. Поняла меня?

– Что-что? – шепчет она. Пытается заговорить, запинаясь. Потом разрывает стежки, выдирая клочья ниток вместе с мясом. – Поняла, – произносит она четко. – Спасибо, Бобби! Спасибо, Бобчик. Спасибо, братик.

Я приношу мокрую тряпку и осторожно промокаю разорванные губы. Бедная Джуди! Несколько зубов у нее загноилось. Она выплевывает парочку. Я приношу бутылку сладкого израильского вина – крепкого, домашнего. В Доме мы делаем из него сангрию.

Джуди жадно пьет. Вино стекает по подбородку на грудь в кожаном футляре.

– Бобчик, помоги мне содрать эту срань, – говорит Джуди, и глаза ее сверкают от прилива сил. – Сними с меня эту художественную херню!

Я бегу на кухню за ножом, возвращаюсь и срезаю замысловатые художества. Вместе мы разрываем в клочья корсаж и вообще весь ее кожаный футляр.

Поразительно, как Джуди вытягивает ноги, руки, двигается всем телом! Впервые за многие месяцы.

Я приношу ведро горячей воды, мыло и тщательно ее мою. Расстилаю чистые белые простыни

и укладываю Джуди. Она лежит умиротворенная и довольная, словно только что родила. Я уже собираюсь уйти, и она просит снова ее спрятать. Я прорываю нору в грязном белье и тщательно прикрываю Джуди.

Возвращаюсь в квартиру слуг, ложусь на койку и закрываю глаза. Я исполнил свой долг.

Всегда приятно сделать то, что должен¹⁷. Но я не знаю, на что теперь способна Джуди. Удастся ли ей избежать продажи? Среди почетных израэлитов шансов у нее нет. Они тотчас на нее ополчатся. Можно слинять в Виллидж или Уильямсберг. Затеряться среди рабочих или хасидов.

Хотя, возможно, шанс все-таки есть, если она свяжется с неуловимой Народной армией – загадочной группой сторонников жесткого курса. Они уже казнили нескольких известных либералов и даже парочку высокопоставленных лиц из числа почетных израэлитов. Эти непримиримые коммуняки выступают за уничтожение еврейского государства Израиль. Утверждают, что за ним стоит «рука ЦРУ».

Поразмыслив, я понимаю, что Ганс и Фриц, наши немцы, наверняка знают, как Джуди Стоун может связаться с Народной армией. Я уже собираюсь их спросить, но...

Нет. Всем известно, что коммуняки только лают, но не кусаются. Джуди среди них не место. Ей нужно как-нибудь попасть в Иудею.

Господь – и поразительно, что Облик Его завладевает моим воображением, – Господь о ней позаботится.

Господь позаботится и обо мне.

Туалетная служба

Еще одна ночь в квартире слуг. Я спал, когда Фриц и Ганс вернулись с ночной прогулки.

Они не заметили меня в койке. Я подглядывал за ними между планками, приоткрыв глаза.

Они вырядились в черные мотоциклетные костюмы и держали шлемы под мышкой. Как легкомысленно в таком виде ходить мимо портье и других жильцов! Сразу видно: они затевают недоброе.

Разумеется, свое снаряжение они прячут не в общем шкафу, а в другом. Я наблюдаю, как они отщелкивают и смазывают выкидухи.

Теперь, когда я обманул Аниту, впору задуматься: я что – тоже плету против нее заговор? Как, судя по всему, Ганс с Фрицем?

Неужели никто из нас не подвержен облагораживающему влиянию Учреждения, хоть мы и чуточку ближе к Богу? Все-таки я спас еврейку, чтоб она не попала в лапы других евреев! Это наверняка угодно Господу – Он нынче любит спасать евреев, как некогда любил их уничтожать.

Но я, Бобби, обманул свою Госпожу. Может, я это сделал ради собственного удовольствия – ведь нет уверенности, что я совершил это по велению Божьему.

В мозгу мелькает странная картинка: груды дерьма. Обычное дело. За свою жизнь я насмотрелся на него вдоволь, пока убирал. Дерьмо всевозможных форм, размеров и расцветок до боли мне знакомо. Я не считаю его грязным или вонючим. В моем представлении это всего лишь противоположность живительной пищи. На самом деле это одно и то же: живительная пища и конечный продукт ее потребления.

Картинка в голове напоминает, что я позабыл об одной из главных вечерних обязанностей. Нужно проверить и почистить все туалеты.

Я тихонько вылезаю из койки, стараясь не разбудить немцев. Пусть лучше не знают, что я подсматривал. Но они задают храпака. Страшно устали после диверсионного рейда – я убежден, что это был именно он.

В Заведении пять уборных. Одна для слуг – старинное парижское «очко», привезенное специально для того, чтобы воспитывать спартанский дух. Всем известно: если удобно сидеть в хорошо прогретом помещении, акт испражнения провоцирует ненужные раздумья и фантазии. Среди подчиненных подобные занятия не поощряются.

Второй кабинет для испражнения принадлежит исключительно Госпоже Аните. Он оборудован, как дворец эпохи Возрождения. Стены, пол и потолок облицованы прекрасным каррарским мрамором с искусным переплетением вен, кишок и артерий изумительной расцветки. Анита обла-

дает потрясающим чутьем и тонко чувствует, что должно, а чего не должно существовать в культуре. Так, она предпочитает, чтобы рисунок мрамора служил комментарием самой Природы к предназначению данной комнаты.

Бросаются в глаза приятный современный дизайн умывальника и биде. Цвета материалов контрастируют с окраской мрамора, и все привезено из Италии.

216

Анита придумала, как вставлять в мрамор листы жаростойкого пластика. Тем самым она отыскала связующее звено между Древним Римом и роскошью современного Манхэттена.

Поборникам принципа «форма следует за функцией» брошен очередной вызов: Анита установила регулируемую систему вентиляции, позволяющую регулировать направление и количество выпускаемых газов – на случай, если Госпожа пожелает взять их на пробу.

Еще одно отдельное помещение для испражнения принадлежит другим Хозяйкам – они не столь утонченны и довольствуются обычным совмещенным санузлом. Иными словами, унитаз стоит прямо в ванной – в американском стиле. Мне представляется, – помещать устройство для дефекации в той же комнате, что и устройство для мытья, немыслимо ни с философской, ни с обонятельной точки зрения. Даже примитивнейшие люди, дикари и троглодиты, всегда разделяли эти функции.

Однако американцы считают себя весьма продвинутыми в вопросах личной гигиены. И все же американский туалет представляется мне довольно примитивным изобретением. Но пока я раздумываю над проблемой чистоты, в голову приходит другая мысль.

Новоиспеченные нью-йоркские аристократы, с которыми я сталкиваюсь в Доме Аниты, страшно матерятся. Портовые грузчики так не выражаются даже в кругу семьи. Похоже, эти культурные лидеры, хорошо знакомые с новейшими достижениями цивилизации, избегают самоанализа и не сознают, что употребляют оскорбительные, вульгарные выражения.

Внешне, физически они держат себя в чистоте, а внутри для будущего выражения таят грязнейшие мысли.

217

Эти люди тщательно истребляют все свои естественные телесные запахи, порой на корню¹¹⁸, и возмущаются несвежестью подчиненных. Ну и какая в этом радость? Чью же обувь тогда вылизывать слуге? Домохозяйкины тапочки? Башмаки фабричных рабочих или туфли секретарш? Абсурд.

Вонючие ноги, эта неизбежная черта городской жизни, ведут к отлучению от Общества.

Госпожа Бет Симпсон лечит от депрессии

После событий, которые я мысленно окрестил «Ночью пластиковой столешницы», моя Госпожа Анита вернулась к привычным манерам. Она холодна, отрешенна и по обыкновению царственна.

Но то, что происходило между нами в минуты остервенения, – ее преклонение передо мной как мужчиной и подчинение принципу мужского превосходства – вызвало у меня мучительные раздумья.

Она перестала быть моей Госпожой? Или это я перестал играть роль слуги? Я провел несколько дней в томительных размышлениях и переоценках, прежде чем смог с этим смириться. Признания Госпожи Аниты в любви ко мне и ее отказ от требований Женской Гегемонии не предвещали ничего хорошего.

Рана в ягодице до сих пор глубоко и непрерывно болит.

Я раздумывал о девушках, которые в пылу сексуального пробуждения отдаются последней шва-

ли, унижаясь и хватая охальников за хозяйство. Казалось, чем отвратительнее парень, тем проще ему «поймать» добычу.

Да, девушки хотят, чтобы самые бесчувственные и агрессивные охотники взломали их, взяли, использовали и оплодотворили, как покорную почву.

А как же поэтичные, восторженные, колено-преклоненные мальчишки? Мы были обречены на неудачи и унижение. Между тем успеха добивались непоэтичные, лишенные воображения битюги, знавшие всю правду о простых, космических отношениях.

Куда же тут втиснуть догмат о Женской Гегемонии, который внушали нам, слугам?

Или Анита права, полагая себя в глубине души просто почвой, кою необходимо оплодотворить?

Все мое воспитание отвергало мысль о том, что я, возможно, не предназначен быть слугой; что, быть может, Природа уготовила мне быть Господином.

В эту годину душевной смуты я сбегая в комнату Госпожи Бет Симпсон.

Ложусь у нее под дверь, как щенок, и царапаюсь, пока она не открывает защелку. Вползаю на четвереньках и жмусь к ножкам кровати, заваленной подушками. Тихо лежу, любясь прекрасным сильным телом Хозяйки. Смотрю, как она поедает огромный гамбургер, залитый струями кетчупа. Бет жадно запивает все кока-колой и швыряет пустую жестянку в угол. Затем хватается телефон и набирает номер, чтобы проверить какое-то дельце. Она долго разговаривает, то распекая, то умащая человека на другом конце провода.

Положив трубку, Госпожа громко возмущается тем, какие все безвольные слабаки – вечно попадают в передряги.

Я встаю. Бет подносит мне свою стопу, которую я полизываю и целую: мощные пальцы, подъем, пятку. Бет лениво пинает меня в лицо и совершенно неожиданно спрашивает:

– Что стряслось, Бобби? У тебя снова неприятности?

220 – Пожалуйста, пните меня еще, Госпожа Бет. Я страдаю от мыслей, с которыми не могу совладать.

– Мысли? Мысли, малыш, это беда. А беда – это мысли!.. Если мыслишь, – наставляет она, – это неприятность само по себе.

– Госпожа Бет, можно увидеть вас в одном пояске?

– Ладно, Бобби, но писю я тебе не покажу. Я не выставляю ее перед рабами и вообще перед самцами. Я тут вообще-то не для того, чтобы удовлетворять твои желания. Это ты должен удовлетворять мои.

Бет Симпсон поднимается с покрытого мехами ложа, соскальзывает на пол и, едко пахнув животными женскими соками и потом, приказывает:

– Покажи мне свой стояк, парень!

Однако у меня не стоит. В голове каша, а в теле ломота. Я не могу добиться эрекции.

– Какой же ты дебильный, немощный хер, Бобби! Сходи за моим поясом – я тебе в нем покажусь.

Я радостно бросаюсь в чулан. Я точно знаю, где лежит широкий лайковый пояс. Бет крепко стягивает им талию.

Она приподнимает большие мясистые груди и отмечает:

– Тебе нравится... нравится... но это не для тебя, не для тебя. Что ты можешь предложить, несчастный слизняк? У тебя же хуек из резины. Глянь, сколько у тебя шрамов и пятен по всему телу. А какой шмат вырезали у тебя из задницы!

Мне уже веселее.

– Глянь на это жалкое, умоляющее лицо! – унижает она меня. – Хоть какой-то сок в члене есть? Спорим, что нет.

Ласковыми словами, внушающими доверие и излучающими подлинный свет реализма, Госпожа Бет помогает мне.

– Давай, смотри! Смотри! Может, полегчает чуток.

Мой орган слегка поднимается, но по-прежнему не впечатляет.

– Госпожа Бет, можно принести плетку? Ну пожалуйста.

Она ворчит:

– Мне и без того есть о чем подумать. Да еще я до сих пор голодная. Фриц приготовил херовые гамбургеры. А кола была теплая как моя жизнь!

Она жалуется дальше:

– Вчера вечером, только я собралась отрезать Альдо хуй – повредила себе запястье. Сегодня порка будет не ахти. Но давай... Я сказала, давай! Иди за плеткой!

Я снова мчусь в чулан и возвращаюсь с девятихвосткой. Пытаюсь поцеловать руку Госпожи, когда она выхватывает у меня оружие.

– Ударьте меня, прошу!.. Сильно, сильнее, – ору я. – Мои мысли! Мысли! Они неправильные, неправильные!

Я дергаю себя за вставший член до тех пор, пока не остается ни капли¹¹⁹. Потом обнимаю и расцеловываю стопу Госпожи Бет, вздыхая:

– Ой, как хорошо! Как хорошо!

– Вон отсюда, паскудник, – кричит она на меня, – и принеси мне поесть с кухни! Подыхаю от голода!

Я припадаю к земле и прошмыгиваю в приоткрытую дверь, радуясь, что силы и рассудок почти вернулись. Дабы полностью восстановиться, осталось только выполнить просьбу моей Госпожи Бет.

222

Хотя Госпожа Анита и ратует за прогресс, она всегда подчеркивает, что тяжелый труд в поте лица поднимает моральный дух слуги.

Стряпня – очень интимный процесс, почти такой же глубокий, как физическое обслуживание. Потая на кухне, выбиваясь из сил, слуга воображает великолепные сцены, кои породит его труд: Хозяйки в праздном покое станут увлеченно пробовать и поглощать приготовленную еду, обсуждая приправы и консистенцию.

Какой вспыхивает свет, когда зовут к столу! Слуга наскоро вытирает пот со лба, снимает испачканную белую спецовку и надевает постиранную, а затем – на заплетающихся после многочасовой работы перед адским очагом ногам – мчится выслушать критику Хозяек.

С такими мыслями я бросаюсь на нашу кухню.

После полного семяизвержения я как выжатый лимон, но все равно горю желанием услужить Госпоже Бет. Я робко надеюсь, что из-за своего волчьего аппетита она не обратит внимания на возможные недостатки блюда.

Я достаю из морозилки два фунта отменного, первоклассного стейка без единой жиринки по краям. Скатываю из него два мясных шара и включаю жаровню для открытого огня. Врубаю

вытяжку, чтобы дым не закоптил кухонные стены. Убийственно горячее пламя обжигает два мясных шара, которые висят, не касаясь поверхности, на мощных струях воздуха, удерживающих их по центру.

Я достаю заранее приготовленную смесь для омлета: восемь яиц, щепотка топинамбуровой муки и нескольких капель хереса. Все это отправляется на сковородку, мягко увлажненную чистым, несоленым сливочным маслом. Меня все устраивает; я осторожно разбиваю в эту смесь штук восемь особых органических яиц высшего сорта.

Божественное блюдо скворчит на сковороде. Как только яйца достигают совершенства и белки подрагивают, словно обнаженные девичьи груди, застывшие в твердой упругой массе, я снимаю мясные шары с жаровни – они как раз приготовлены до нужной консистенции.

Я стратегически помещаю их сверху на омлет. Два фунтовых шара привносят в произведение необходимый символизм: они, разумеется, олицетворяют тяжелые мужские яички.

Я покрываю всю массу слоем горячего шоколадного сиропа, обходя стороной яйца и фрикадельки. Тем самым я выражаю почтение нашим Хозяйкам за доброту к нам. Затем поливаю всё кисловатым ванильным сиропом – в него добавлен лимонный сок, – символизирующим сперму слуг.

Далее из кухонных трав и овощей, склеенных растительным клеем, я мастерю подобие громадного члена. Это центральный элемент композиции – он покрывается тонким слоем кетчупа. Это напомнит Хозяйкам о крови, которая придает подношениям слуг исключительную аппетитность.

Блюдо готово. Я доволен; кладу его на сервировочную тарелку и спешу обратно к Бет Симпсон.

Сидя на корточках на своей изысканной, усталенной мехами кровати, она ставит тарелку между ног и начинает остервенело смешивать ингредиенты.

224 В конце концов от них остается лишь буроватая каша. Госпожа Бет жадно запихивает ее в рот обеими руками, не обращая внимания на вилку и нож, которые я тоже принес. Еда стекает по восхитительным молочно-белым грудям и животу.

В конце я вылизываю Госпожу дочиста и досуха. Это высшая точка, уместный заключительный аккорд моего восстановления.

Я опять совершенно здоров.

Странники

Сегодня я недалеко продвинулся с уборкой. Когда я заглянул в туалет для слуг, в нос ударил неподобающий запах.

Но то был вовсе не едкий запах кала. Нет, так воняет давно не стиранное грязное белье. Еще резче запаха пота в плохо проветриваемом затхлом подвале. Так пахнет сперма в трещинах старого бетонного пола. Так пахнут почти высохшие окровавленные тряпки. Вообще-то, запах напоминал смрад больничной операционной, не обработанной спасительной дезинфекцией.

Запах был такой силы, что я чуть было не отступил. Но я бываю упертым, и во мне проснулся инстинкт сторожевой собаки: ведь я немецкая овчарка до мозга костей! Концлагерный пес¹²⁰!

Так кто же посмел осквернить наше благородное Учреждение зловонием Восточного фронта?

Впрочем, запах доносился вовсе не из туалета. На паркете в Антре, испуганно сбившись в кучу, сидели люди. Как спящие на полу цыгане.

Несмотря на провинциальную одежду, вышедшую из моды много лет назад, в них было что-то

знакомое – подозрительно знакомое. Люди сороковых, времен Великой Отечественной? В голове промелькнула мысль: «Гомо советикусы».

226 Их было пятеро: крепко спавшая старуха; интересная женщина средних лет, сидевшая прямо, с решительным видом; миленькая пухлая невинная девушка лет шестнадцати; кроха, ползавший без присмотра по полу, но старательно и тепло укутанный; и молодой солдат. Все вроде безукоризненно чисты, но запах однозначно исходил от них. И у каждого отчетливая метка между глазами – большая кровавая рана¹²¹.

– Как вы сюда проникли? – изумился я.

Я уже перестал сердиться. Вообще-то запах существенно изменился – такое уж у меня обоняние. Я вдруг представил, будто нахожусь в тихом осеннем лесу, когда воздух особенно пряный – ибо осенью начинает разлагаться живая материя.

– Дверь была пустая, – ответила мать семейства.

Видимо, она имела в виду, что дверь была открыта.

– А кто вы такая, мадам? Я не видел вашей визитки.

С выверенной великосветской интонацией, в которой сквозил сарказм, она ответила:

– К сожалению, там, откуда мы родом, не принято носить с собой визитные карточки.

– Так кто же вас сюда прислал?

– Одна адвентистка седьмого дня из деревни под Румбулой. Ну и товарищ Сталин. Странная парочка, вам не кажется?

– Румб? Где это... Рум... как там дальше¹²²?

– Очень далеко, – улыбнулась она, и капля крови из открытой дыры у нее на лбу скатилась по

лицу. – Откуда тебе знать, Бобенька? Ты же никогда этим не интересовался.

«А с какой стати мне интересоваться?» – подумал я, но не задал вопрос вслух.

– Потому что ты должен его знать, – ответила женщина, словно читая мои мысли, – как и сотни других таких же названий. Потому что ты должен был твердить их про себя по три раза на дню всю свою жизнь. Но ты этого не делал, Бобенька.

«Но какого черта мне это делать?» – снова спросил я себя.

И опять, словно читая мои мысли, мать семейства возразила:

– А вот какого. Чтоб ты знал, Румбула находится в Латвии, недалеко от Балтийского моря, в паре миль от Риги. Найти на карте нелегко. Сейчас она в Советском Союзе, но в наше время это была крохотная перевалочная станция на пути в Москву... Это местечко не привлекает внимания, если не считать маленького дорожного указателя на шоссе: «Памятник жертвам фашизма». Там восемь братских могил, в том числе «Могила детей».

Мать семейства замолчала и всмотрелась в меня. От ее взгляда мне стало не по себе, но он странно меня согрел. Женщина продолжала:

– Над головой каждого ребенка – каменное надгробие...¹²³ Там два мемориальных надгробия. На одном высечено по-латышски и по-русски: «Здесь были зверски расстреляны и замучены 50 тысяч советских граждан, политических заключенных, военнопленных и других жертв фашизма». На другом написано лишь: «Жертвам фашизма». На идише.

Отчасти педантично она продолжала:

– Это поле нацистской бойни много лет оставалось лишь грудой костей и гравия. Лишь недавно уцелевшие члены еврейской общины Риги установили надгробия...¹²⁴ Властям было все равно – они, мол, заняты другим. Это – проявление антисемитизма, страх перед еврейским этническим возрождением...

Теперь я понял: все пятеро были «странниками».

228

Странники – это люди первоначальных Перемещений. Говорят, на самом деле люди эти никуда не исчезли. И никогда не исчезну я¹²⁵.

Но все равно непонятно, как они добрались до Нью-Йорка.

– Нас прислала миссис Михельсон. Ее надоумил товарищ Сталин – у него были свои соображения.

Я снова замечаю, что на них необычайно чистая одежда. Их словно только что постирали. Я спрашиваю мать семейства, как такое может быть.

– Нас снарядила в эту поездку миссис Михельсон, которая сейчас живет в Хайфе, в Израиле. Она адвентистка седьмого дня, а в их учении сказано, что последних уцелевших евреев необходимо спасти... Во время расстрелов в Румбульском лесу той декабрьской ночью она прятала евреев под грудой белья, и им удалось спастись¹²⁶.

Я все равно не понимаю, зачем эти пятеро приехали в Нью-Йорк.

– Еврейским националистам запрещали собираться. Поэтому миссис Михельсон отправила нас сюда самолетом. У нас теперь, знаешь ли, есть маленький аэропорт «Рига-Румбула» за шоссе напротив леса. Она сказала, нам здесь безопаснее, чем в Румбуле.

– Но почему Нью-Йорк? Это же самое небезопасное место в мире!¹²⁷

– Миссис Михельсон объяснила, что в нашем положении, Бобенька, самое небезопасное место для нас безопаснее всего.

Женщина упорно называет меня настоящим именем, хотя и с иностранным окончанием, и это довольно странно. Но «Бобенька» ласкает мне слух даже больше, чем «Бобчик» Джуди Стоун. Наверное, я какая-то знаменитость среди русских?

– Вы голодные? Устали, небось, с дороги? С 1941 года?

– Спасибо, но нам нужна пища не для желудка... а для ума. – Ее светло-карие глаза горят, как угольки. – Да, для ума. И побольше. Тут уж мы не насытны.

– А подкрепиться бокалом вина, раз уж вы не хотите есть?

– Никакого вина, – серьезно отвечает мать семейства, – никакой икры и шампанского. Нет уж, спасибо. Из деликатесов мы питаемся, хотя и редко, лишь пистолетами, пулями и гранатами. У вас есть?

– Но, мадам, исходя из некоторых ваших замечаний, вправе ли я предположить, что вы поддерживаете большевиков? Вы сталинистка?

– Я была либеральной аристократкой. По профессии – врач. Я выучилась на врача, когда это было еще не принято среди женщин на Западе...¹²⁸ Однако либералы совершенно потеряли контроль над Гитлером и стояли в стороне, пока русские цапались с немцами. Либерализм породил фашизм, а фашизм породил ямы: фашистские ямы толкнули меня к Сталину...¹²⁹ Отставим его подвиги (или злодеяния) – чтобы покончить с нацистами, ну-

жен был Сталин... Ошибался ли Сталин? Ну еще бы. Но он хотя бы пытался построить всемирное братство народов... Впрочем, разумеется, мы об этом не знаем, – закончила она. – Мы погибли 8 декабря 1941 года.

Я смотрю на ее спутников. Бабушка крепко спит и храпит¹³⁰. Девочка глядит в стену перед собой. Солдатик сворачивает самокрутку из обрывка газеты и мастерски пускает дымные кольца.

230

Признаться, я наблюдаю с восхищением. Я никогда не умел пускать кольца дыма – даже когда курил. А это было... И когда же это было? Он пускает кольца играючи, между тем поглаживая спящего младенца и расправляя на нем пеленки.

Раскрытие фактов моей биографии

Как я уже сказал, русские, видимо, хорошо меня знают. Благодаря матери семейства мне стремительно открывались подробности моей биографии. Теперь я вспомнил тот день, когда Анита нежно и ласково пролила свет на мое прошлое и его смысл.

Прошлое, о котором я ничего не знал, ничего не помнил.

Она рассказывала, что я потомок ученых и татарских всадников. Утверждала, что моя мать была богиней в человеческом облике, а отец – завоевателем, но не таким, как татары, которые грабили и сжигали все на своем пути. Анита поведала, как при оплодотворении моей матери семя моего отца смешалось с семенем ученого и офицера – довольно распространенное явление в европейских армиях начала двадцатого века.

Анита описывала мое рождение: солнце на миг остановилось... и вся планета застыла на своей оси. Птицы в далеких северных странах неистово заматались, словно почуяв, что близится конец света.

Так я и появился на свет, однако жизнь шла привычным чередом. Природа наделила меня всем необходимым, чтобы я устремился либо к величию и власти, либо к невзгодам и боли.

Анита заявила, что взмах маятника зависел лишь от совпадения – от чистой случайности. Но в любом случае меня ожидало величие: величие страдания, величие силы и энергии, величие в причинении боли другим.

232

– Смерть, от которой тебе не раз удавалось улизнуть, – сказала она, – будет преследовать тебя всегда, мой возлюбленный Кровь-Сперма. Дабы проверить, суждено ли тебе выжить, ты будешь вновь подвергнут опасностям... Судьба отводила от тебя явные угрозы, но еще проявятся и скрытые. Тебе придется справляться самому, с верой и упорством. В глубине души ты это знаешь – это вытекает из твоих естественных поступков... Тебя еще ждут затяжные сражения, о возлюбленный! И лишь затем ты умрешь своей смертью... Хотя тебе и кажется, будто ты ничего не знаешь, ты бредешь, ведомый великими силами.

Мои грезы прерывает девушка-странница, которая во всю глотку тараторит матери по-русски:

– Что ты все талдычишь про этого дряхлого старого солдата Сталина?.. Такие люди вечно твердят, что служат народу и выполняют приказы! – Она раздраженно встряхивает белокурыми волосами, и сам воздух искрится от злости. – Но я знаю, что он и такие, как он, с нами сделали! Они толкают тебя на край могилы и расстреливают!

Девушка тычет в меня пальцем:

– Объясни мне, мать, какой безопасности мы здесь ждем? Под защитой у этого человека, солдата, слуги? Безопасность? Под его попечением?

Девушка в ярости говорит по-русски, но я почему-то понимаю каждое слово.

– Уж его-то я отлично знаю! Это он обнял меня в тот день, когда мы ушли! А потом убил! Это он меня уничтожил!

Я ошарашен. Она закрывает лицо, чтобы не видеть меня.

– Тогда он был очень красивым парнем – да уж. Такой поэтичный, такое внушал доверие. А теперь погляди на эту мерзкую харю.

233

Она с осуждением вспоминает:

– Сколько часов он мог просидеть со мной на диване, в темноте, обнимая за плечи – просто за плечи! Или держал меня за руку. И всё... Мы безумно любили друг друга, он меня буквально боготворил. А расставаясь навсегда, мы не проронили ни слова. Даже не попрощались. Мы были такими мужественными.

Девушка вся дрожит:

– А потом этот еврей спас свой жалкий труп... и выбрал участь слуги и раба! А меня погнали по морозу в Румбульский лес... Вскоре я уже не чувствовала ног. Меня бросили в лесу – голую на снег. Мы же понимали, что творится. Я слышала плач, крики, автоматные очереди... А он тем временем спал в своей рабской квартире в гетто¹³¹! Уже начищал сапоги какому-то фрицу. Уже стал тряпкой, рабом, шестеркой!

Девушка кричит так неистово, что начинает харкать кровью. Кровь орошает мне лицо градом пуль, и у меня темнеет в глазах. За всю долгую практику меня еще не избивали так больно. Никогда прежде я не чувствовал таких мощных ударов. Но мне хорошо.

Вскоре удается слегка приоткрыть глаза. Лицо девушки искажено болью. Она рывкает:

– Видишь, мне шестнадцать, я прекрасна и всегда такой буду! Прекрасной героиней, что обрела бессмертие благодаря Румбульской трагедии. А ты?.. Тебе-то уже никогда не будет шестнадцать! Так и останешься мерзким старым рабом, до конца жизни будешь вылизывать сапоги американцам. Так же старательно, как четыре года вылизывал их фрицам¹³²!

234

Она плачет навзрыд, поднимает с пола закутанного ребенка, крепко прижимает к себе.

Она же сказала: некогда я обнимал ее за плечи.

Сухая сморщенная бабуля изо всех сил вслушивается, приставляя ладонь к уху, чтобы не пропустить ни единого слова девушки. Изредка бабуля качает головой – мол, все уловила.

Она с трудом распрямляет узловатое туловище, приподнимается с пола и взволнованно трясет рукой:

– Та оставь ты уже парня в покое! Шо тебе от него надо? Ему ж тогда было всего шестнадцать! Думаешь, он сам не намучился?

Акцент у нее ужасный, режет слух: белорусский сельский диалект, захолустная корявая речь.

Остальные с большим уважением слушают, потому что в России даже необразованных стариков слушают почтительно.

– Запустила коготки в несчастного мышонка и не отпускаешь, – отчитывает она девушку. – Даже кошка нет-нет да и отпустит мышку! Ты что, не видишь – у него тоже кровь идет! Что было, то было.

– Бабушка, конечно, дело говорит, – подхватывает мать семейства. – Только она не понимает, что от любви до ненависти один шаг. Я хочу, чтобы ты задумался, Бобенька: ради кого ты бросил свою любовь?

– Я тогда не знал, – лопочу я, – не знал!

– Ты бросил ее ради Богини Рабства!

Откуда мне было знать, какой предстоит выбор? Инстинкт самосохранения схватил меня за руку и увел не в ту сторону.

Бабушка соглашается:

– Да, мы пошли на смерть, но не как бараны, хотя люди до сих пор так говорят. Мы пошли с достоинством. И теперь нам ставят памятники¹³³.

Я ору:

– Я был бы намного счастливее, если б остался с тобой. С самого начала. Но разве меня вел не Господь? Вправду ли мною завладела Богиня Рабства?.. Я знаю только, что я, словно агнец, отправился на другую бойню.

235

Этот великий город-страна погружен в атмосферу больших ожиданий. Сначала ходили слухи, затем они подтвердились: Иосиф Сталин посетит Манхэттен, дабы попытаться сохранить мир.

Визит этого вождя так фантаσμαгоричен, что не верится. «Стальной человек», никогда не покидавший свою Россию (не считая Потсдамской и Тегеранской конференций во время войны), и впрямь собирается в дорогу.

Хотелось бы сказать пару слов о Сталине. Об этом великом человеке уже многое сказано гораздо более выдающимися умами; люди большого таланта и большой честности (редчайшее сочетание), раньше всей душой ненавидевшие и его, и все, что с ним связано, теперь развернулись на сто восемьдесят градусов в восторге и восхищении.

Некоторые поэты, которых преследовал его режим, ловят каждое слово, слетающее с его уст, и даже слагают оды, еще больше его возвеличивая.

Возможно, его грандиозность загипнотизировала их, точь-в-точь как змея гипнотизирует жертву. Неужели все эти поэты преклонялись перед ним только из страха и сочиняли стихи лишь для того, чтобы спасти свою шкуру? Вряд ли возможно из одного страха сложить столь высокохудожественные оды.

236

Если вы внимательно изучите страницы истории, вам станет ясно, что после Ленина Сталин занял положение ведущего актера и драматурга русского общества. Его главный противник – австрийский капрал – это понимал. Капрал стал основной и единственной мишенью Стального Человека, а тот – единственным, кто сумел положить капрала на лопатки. Хотя бы за эту победу мы все должны вспоминать имя Сталина с большей теплотой.

Дом рушится

В сравнении с другими манхэттенскими апартаментами, наше Учреждение огромно. В нем поместилась бы минимум треть узников, обитавших в концлагерном блоке.

Тяжелая стальная входная дверь изнутри белоснежна, а снаружи блестяще-черна. На посетителя это действует: дожидаясь, пока дверь откроется, он бывает поражен собственным отражением. Многие начинающие рабы любви, безуспешно томясь у двери легендарного Дома, доходили до полного отчаяния, видя в ее странной поверхности свои искаженные лицо и фигуру.

Прихожая – странно сплюснутый овал, и там нет никакой мебели, не считая длинного прочного стола для почты и посылок, напоминающего, впрочем, стол в морге, на котором в пору раскладывать трупы.

Единственный источник освещения в прихожей – светящийся белый шар, подвешенный в центре потолка на конце прочного шеста. Наводит на мысль, что дизайнер заменил одним гиперболическим мужским яичком два обычных¹³⁴.

Я замечаю солдатика, все это время молча сидевшего у дверей прихожей. Я толком не обращал на него внимания, однако он отнюдь не из тех, кто остается незамеченным. Высокий, статный юноша лет двадцати, с соломенными волосами, которые торчат, как петушиный гребень на рассвете. Глаза у него голубые, прозрачные – им как будто незнакомы никакие эмоции, помимо доброты и смеха.

– Так мы шо же, в яврейском доме? – спрашивает бабуля на идиш. – Должны ж тут быть явреи. Помню, мы ставили свечки за тех, кто эмигрировал в Америку... Иван, – бабуля переходит на белорусский, чтобы парень понял, – сходи глянь: на косяке таки есть мезуза¹³⁵? Я так замучилась, шо сама не встану.

Иван ступает в прихожую и проверяет дверной косяк.

– Да, бабушка, мезузы. Еврейский дом. Теперь ты радвайся! – он отвечает по-белорусски с еврейским акцентом. Явно играл в штетле¹³⁶ с еврейскими мальчиками.

Ему, наверно, жарковато в старом красноармейском ватнике и зимних валенках до колен. Они ярко-красные, в крови по самую щиколотку, но жара его уже не беспокоит. У него тоже есть этот почетный знак – кровавое отверстие над переносицей.

С ноткой грусти, удивляющей меня самого, я объясняю бабуле:

– Никакой это не еврейский дом: здесь нет ничего кошерного – ни еды, ни мыслей, ни поступков. Мы все здесь гои.

– Так ты вероотступник, Бобенка?

– Теперь я гой, бабушка. Вот в чем дело.

Иван успокаивает старушку, словно беспокойного младенца:

– Не волнуйся, бабушка, все будет хорошо. Я за тобой присмотрю.

– У этого мальчика есть сердце, – резко говорит бабуля, обращаясь ко мне. – Золотое сердце. Он с моей деревни. Я знавала его бабу с дедом. Господь или Сталин благослови его – Иван сражался за нас, евреев... И погиб с нами под Румбулой. А где был ты?

239

Ее слова неумолимо притягивают меня, словно мед муху. Которая не знает, что прилипнет. Не сможет освободиться.

Я стараюсь обращаться к девушке:

– Дорогая юная леди! Не люблю хвастаться, но должен вам сказать. Я только что спас еврейку, которую хотели продать в рабство как предмет искусства. Я нарушил все правила Дома и предал свою Госпожу. Я рискнул всем на свете – вплоть до изгнания из этого Учреждения, – закончил я отчасти чопорно.

Девушка по-прежнему держит на коленях младенца, поправляет его одежду. Она вроде бы слушает, но лишь плюет в мою сторону. Затем поворачивается к Ивану и буднично сообщает:

– Я как-то рассказала этому старому рабскому слабаку историю. Он, видать, постарался ее забыть... Через неделю после начала Великой Отечественной войны, когда немцы оккупировали Ригу, вероломная латвийская полиция пришла в наш красивый, роскошный, каменный загородный дом. Мой отец был не беден... В общем, Иван, они разграбили все, что смогли, и арестовали нас. Мою сестру Есю, маму и меня бросили в тюрьму. Отца разлучили с нами, и мы никогда его боль-

ше не видели... Еся была высокой светловолосой русской красавицей. Этот раб помнит ее. Я замечала, как он смущенно сглатывал слюну, когда с нею сталкивался... Однажды в женскую тюрьму пришел немецкий морской офицер. Он искал себе прислугу – убирать, шить, работать по дому. Он был галантным. Может, ты не знаешь, но ихним флотским не нравилось, как обходятся с евреями. Они жили на вольных морских просторах, у них был свой моральный кодекс. Особенно им не нравилось, как обращаются с еврейками... Так вот, этот офицер военно-морского флота, весь из себя джентльмен, положил глаз на мою сестру Есю и вежливо спросил: «За что вы сюда попали?» Как будто сам не знал. А Еся ответила: «За то, что убила немецкого офицера. И убью еще, если когда-нибудь отсюда выберусь!»

– Господи, ну дает! – воскликнул Иван. – Бедовая девчонка!¹³⁷ Я сам был военнопленным. За такой ответ тебе конец.

Этот парень многое повидал на своем веку, наслушался историй от ветеранов и военнопленных и участвовал в расстрелах вместе с тысячами своих армейских товарищей. Однако погиб вместе с тысячами евреев под Румбулой.

– Морской офицер был галантным кавалером, – продолжала девушка, – этот ответ его пленил, и потому он освободил Есю, маму и меня... Но где теперь Еся – та, что сложила голову под Румбулой? Наверное, ее куда-то откомандировали, как и нас. Возможно, она не в Израиле, а за Голанскими высотами – бок о бок с другими еврейскими братьями и сестрами, за минными полями... Вот такую историю я рассказала этому старому рабу, но она ничему его не научила.

Внезапно раздается громкий стук, словно по входной двери бьют кувалдой. От пары таких ударов трясется все Учреждение.

Это еще кто? Латышские фашисты? Мне страшно, но я все равно открываю тяжелую металлическую дверь и вижу другого Ивана – большого Ивана-Молотобойца.

– Весь Дом трясись как сумасшедший! – орет он. – Что вы сумасшедший люди здесь делаете? Мы не могли проводить снос вниз. Здание обрушивай!

– Можно и по-русски, Иван, – перебиваю я. – Мы все здесь пойдем.

Но он продолжает на своем корявом английском:

– Понимай, здание должен разрушать снизу наверх, а не сверху вниз!.. Не снутри, а изнаружи! Вы, люди, очень сильно раскачивай его сверху. Он складывайся сам! Зачем я тогда сноси снутри?

Большой Иван ступает в Антре и смотрит на странников. В удивлении раскрывает и тут же захлопывает рот.

– Кто этих людей? – наконец произносит он. – Красноармеец? Вылитый я молодой. А, русские люди! Какая радость. – Он крепко зажимает пальцами нос, но потом отпускает и замечает, принюхавшись: – Вкусный вонь! Как мой деревня.

Затем он показывает на дверь, в которую только что стучал:

– Эй, выходи! Я хочу вас смотри. Русский танки там внизу – на Шестьдесят пятая улица и Парк. Целая колонна, но не выходи из них! Они просто стой оборонным кольцом... Кто-то говори, еще одна такой же колонна у паромы Статен-Айленд.

Визит Сталина в Нью-Йорк

Настал день, когда Иосиф Сталин ступил на землю Нью-Йорка. словно по волшебству, повсюду появились фотографии Великого Гостя – расклеены на светофорах, по стенам, выставлены в окнах квартир. Наклейки на бамперах автомобилей. Граффитисты написали слово СТАЛИН гигантскими каракулями на станциях подземки.

Детвора приклеивает над губами такие же, как у него, бумажные усы. Модники-контркультурщики – в гимнастерках времен Гражданской войны с его портретом на пуговицах. Его изображение – у всех на футболках, над словом МИР.

Этот сын сапожника и бывший семинарист, этот карлик, похожий на клирика, своим скрипучим пером всколыхнул самые далекие уголки земного шара – этот рябой плюгавый «папочка» с вислыми усами, намакавшими, когда он сербал суп. С его именем на устах миллионы советских солдат бросались в бой, откуда мало кто возвращался живым. Бросались с криками «За Сталина! За Родину!» (Обратите внимание: сначала Сталин, а уж потом Родина.)

А когда людей выстраивали вдоль ям, сколько мыслей в оставшиеся минуты жизни вращалось вокруг его имени и образа? Дети, мужчины и женщины – сколько из них выкрикивали его имя в момент последнего самоутверждения? А перед сколькими концлагерными доходягами имя его, всплывая в угасающих отупевших мозгах, мерцало свечным пламенем? И тогда они забывали о неотвратимом.

Этот человек сказал: «Ни шагу назад!» Этот человек сказал: «Нет военнопленных – есть предатели Родины!» Этот человек не захотел обменивать родного сына на пленного немецкого офицера и предпочел, чтобы сына казнили.

Задумайтесь над образом, что стоит за этим именем. Это имя – лозунг, символ веры, а образ вбирает в себя весь двадцатый век. Как же он превратился в крошечную фигурку, фарфоровую статуэтку, безделушку? Здесь он такой невзрачный – крохотная букашка на фоне нью-йоркского административного здания.

Но он наш Миротворец – единственный, кто способен уравновесить чаши весов и предотвратить окончательную гибель.

По радио его имя звучит с рок-н-рольным усилением. Полицейские и блюстители порядка вешают его фотографии себе на грудь. Даже почетные израэлиты сняли с себя опознавательные бирки и заменили их его портретами. Прекратились и единичные облавы на оставшихся бруклинских евреев.

У нас в Заведении Ганс и Фриц открыто щеголяют пуговицами с серпом и молотом на мотоциклетных куртках. Свои койки они украсили красными флагами. Но Альдо ведет себя как обычно – с приезд-

да вождя он даже погрузился. Похоже, клевые обитатели Виллидж настроены к Сталину враждебно и не доверяют дарам, которые он приносит.

244

Тана Луиза больше не потрясает плеткой. Теперь она носит исключительно облегающие красные бархатные брюки. Угощает нас, рабов, сигаретами – да-да, не привычными конфетками, а настоящим мужским куревом. И обращается к нам «товарищи». Разумеется, под всей этой господской мишурой Тана Луиза всегда оставалась «красной». Но едва вспыхнуло освободительное движение, ее замучила латиноамериканская совесть, и открылся ее истинный цвет.

Бет Симпсон утихомирилась, стала взрослее. Она хочет сохранить мир. Я подозреваю, она готовится втихаря покинуть Учреждение. Опасное кровавое безумие, недавно охватившее нас, не говоря уж о гостях из Румбулы, не по вкусу провинциальной американской розе. Для нее эти события мирового масштаба идут вразрез благими намерениями фундаменталистской Америки, к которой она вообще-то и принадлежит, если содрать уже пошедшую трещинами авангардную скорлупу.

Людей из Румбулы мы видим только на переключке. А как же Объект Джуди? Она больше не прячется под грязным бельем в прачечной. Наверное, вырвалась на свободу (хотя бы временно).

Мисс Ханна Поланитцер ведет себя смиренно и успешно выполняет обязанности рапортфюрера – лагерного писаря и секретаря. В основном она торчит у себя в шкафу.

Анита как будто ничего не замечает. Может, просто не разговаривает. Она ни на йоту не отступает от своей новой авральской дисциплины. Ве-

роятно, считает, что «освободительная эйфория» скоро пройдет. Наступит откат. Миротворческая миссия потерпит фиаско...

Великий Гость проедет по Централ-Парк-Уэст к атомной электростанции, уже занятой советскими танками. Хотя их совсем немного и смотрятся они весьма сиротливо, танкисты наверняка будут признательны за личный визит и ободрение Отца народов.

Все только и думают о том, где же Сталин остановится. Об этом горячо спорят по телевизору. В Гарлеме или в Нижнем Ист-Сайде? Или в Бруклине, дабы почтить память всех отбывших странников, отождествиться с ними? Или же в Верхнем Ист-Сайде – некогда уничижительно прозванном «Верхним Нижним Ист-Сайдом», поскольку в эту, прежде изолированную, фешенебельную часть города перебралось множество евреев? Правда, теперь она снова *Judenrein*, если не считать горстки робких почетных израэлитов¹³⁸.

Все эти домыслы безосновательны. Стальной Человек остановится вблизи Уолл-стрит, в финансовом районе, на самом верхнем этаже башен-близнецов¹³⁹.

Ради торжественного проезда Сталина по Централ-Парк-Уэст нас, слуг, освободили на утро от работы. Погода просто великолепна. Само солнце согревает своими лучами Надежду Человечества! Но странники из Румбулы и мисс Поланитцер отгула не заслужили. Мне их жаль – особенно покойников: они так и не смогут стать очевидцами этого исторического события.

Анита спускается на лифте вместе с нами – весьма непривычное братание. Ее наряд отличается не блеском или ценой, а невероятной вы-

держанностью и изящным вкусом: темно-серый двубортный пиджак, простая белая блузка и удобные туфли без каблуков на каучуковой подошве. Старомодная широкополая шляпа придает ей сходство с чопорной советской училкой.

246

В петлицу она вставила маленькую звезду Давида мисс Поланитцер. Какая мощная, бесстрашная провокация! Какая рискованная авантюра! Ведь после отъезда Сталина вполне могут возобновиться Перемещения.

На углу 65-й улицы и Централ-Парк к нам подходит Бет Симпсон. Как и Анита, она одета скромно; а вот Тана Луиза вся в красном. На завязанных узлом иссиня-черных волосах – нахлобученная набекрень походная кепка а-ля Фидель Кастро.

Ну а наш «ускользающий» капо Альдо надел длинную белую ночную рубашку. Его светлые волосы очень красиво уложены и завиты. У себя на груди он вывел: «МИР ПОЖАЛУЙСТА ТОЛЬКО МИР СТАЛИН».

Мы покупаем у цветочниц красные розы. Централ-Парк-Уэст расчистили от автомобилей, автобусов и велосипедов: нет даже конных парковых экипажей.

Наконец мы слышим рев мотоциклетных двигателей. Всего два мотоцикла вырываются из-за угла Коламбус-Сёркл. За ними следует черный лимузин.

Приближается мотоциклетный эскорт, и я замечаю, что охрана одета в робы узников немецких концлагерей. Эти полосатые пижамы отличаются от наших красными треугольниками, нашитыми на штаны: метка «политических»¹⁴⁰. Советские шлемы похожи на горшки, и мотоциклисты в них

выглядят нелепо, но эти люди – особые караульные из элитного кремлевского подразделения, и через плечо у них переброшены автоматы.

Лимузин проезжает мимо нас. Еще двое караульных следуют за ним на тарахтящих мотоциклах, а русские танки заводят моторы.

Вот и все. Сталин приехал и уехал.

Немецкая овчарка

Как раз там, где мы стояли, наблюдая за процессией, удобно растянулась на тротуаре большая черная немецкая овчарка. В цепной ошейник вплетены красные розы; сука привязана к столбику паркометра.

Собака снова и снова притягивает мой взгляд. Блестящий черный мех на спине и твердое розовое брюхо с торчащими из-под редкого белого меха сосцами, которым нет числа. Она мирно улеглась головой на бетон. Но всегда начеку – отличительная черта ее породы – и следит за всем, готовая наброситься при малейшей угрозе. При этом в больших, добрых карих глазах – не свирепость, а любовь и доброта.

Я смотрю на эту псину, и по спине пробегает холодок. Так и хочется подойти и погладить. Но с этими животными, кроткими и в то же время свирепыми, надо поосторожнее: их поведение непредсказуемо.

Сначала я медленно наклоняюсь. Овчарка лениво мне подмигивает, и я понимаю, что можно спокойно ее погладить.

Псина поднимает голову и нюхает мою ладонь, подползает к моим ногам и знакомится ближе, обнюхивая мою обувь. Встает и возбужденно виляет хвостом, затем подпрыгивает, головой шмякаясь мне в лицо, твякает от восторга и облизывает мне всю физиономию.

Как ни странно, я слышу размышления овчарки:

Я очень рада, что снова встретилась с Бобби, мы так давно не виделись. Этот богочеловек умеет гладить мне брюшко – другого такого на свете нет. Уж точно никакого сравнения с моими прежними хозяевами¹⁴¹. Как-то раз я напала на него, подпрыгнула и слегка укусила за губу. Он тогда был совсем жалок. Но посмотрите, какой он теперь статный и откормленный!

После того единственного случая – я, между прочим, обучена нападать, это моя работа, зря меня, что ли, баландой кормили – я старалась никогда больше не нападать на Бобби. И он знал. Он нашу породу понимает.

Видите, он по-прежнему любит меня, невзирая на ту старую историю. Вот бы мне такого Хозяина! Но теперь это невозможно – инстинкт подталкивает меня к чему-то другому.

Овчарка подпрыгивает и лижет мне ладонь, а я опять слышу ее голос:

Но он мне поможет, отблагодарит меня за все мои услуги. А они велики. В самом деле, я же вернула его к жизни, вскормив теми самыми сосцами, которые он сейчас чешет.

Они ему прекрасно знакомы. Он бы погиб без молока, которое я вливала ему в рот (от слабости он, бедняжка, не мог ни сосать, ни глотать!). Драгоценное молоко ручейками стекало по его из-

можденному лицу и впитывалось в снег... Я чувствовала себя доброй и жадной: запасы молока иссякали, мороз стоял невыносимый, даже для собаки. Снег и ничего, кроме снега. Да я и сама по многу дней не видала миски с баландой.

Он должен это помнить и на сей раз обязан помочь МНЕ!

250

Овчарка заходится свирепым лаем и натягивает цепь. Тогда я, естественно, развязываю узел на паркометре, и собака срывается с места.

Никаких, значит, прощаний, никаких слез. Она пускается бегом, гремя и скрежеща цепью по бетонному тротуару. Через пустой проспект мчится напрямиком к русским танкам.

Танкисты стоят в открытых башнях своих машин и осматривают окрестности в бинокль. Собака останавливается перед ближайшим танком и лает на солдата. Она расплывается передом по земле и вытягивает лапы. Такой лай и такая поза означают, что она чего-то хочет, надо обратить на нее внимание. Затем овчарка пытается запрыгнуть на стального коня, но безуспешно.

Танкист смеется: до него дошло. Он тянется за собакой, чуть не вываливаясь из башни. Хватает овчарку за плечи и поднимает, гордо держит тяжелую ношу в сильных руках. Наблюдатели аплодируют этому акробатическому трюку. Собака пыхтит, смеется и лижет солдату лицо. Затем оба исчезают в люке.

Затем происходит нечто – до того внезапно, что почти и незаметно. Наш Иван-Молотобоец, этот огромный детина в синем комбинезоне, перебегает проспект примерно по следам собаки.

Он гонится за ней? Пытается поймать? Или тоже хочет укрыться в недрах стального коня?

Иван подбегает к первому танку и что-то кричит – некий пароль, которого я не понимаю. Видимо, солдат в башне тоже. Затем Иван пытается влезть на огромный бок танка, но башня с лязгом захлопывается.

Прямо в русского целится дуло пулемета, поворачиваясь то вправо, то влево, но оставаясь на уровне сердца. Со стороны кажется, будто Иван препирается со стальной башней, размахивая руками и что-то восклицая, а дуло покачивается из стороны в сторону, словно говоря: «НЕТ!»

Молотобоец смиряется с этим вердиктом. Он слезает с танка, ковыляет обратно к нам и плюхается наземь на углу. Я подбегаю к нему и опускаюсь на колени:

– Джон, Иван! – успокаиваю я. – Тот, кто хлопнул крышку, всего-навсего солдатик. Он сам не ведает, что творит. Правила, понимаешь? Ты еще сможешь обрести свою стальную свободу!

Иван вздыхает и дрожит, словно оправляясь от приступа смертельной болезни¹⁴². По его щекам текут слезы, и он говорит как бы про себя:

– Не-не, я знаю, они не хотят меня! Они возьми собаку скучая по дому, но они не возьми меня! – Он сгибается пополам и обхватывает руками голову. – А ну их *au diable*¹⁴³, месье Боб! – Иван поднимает заплаканное лицо и смотрит на меня в упор: – Я езжай только туда, где меня хочут!

Помолчав, он лукаво добавляет:

– Может, в Израиль? Мой дед был еврей. Но мы же все евреи, дети Иисуса, или нет? Это странно... – Он сдерживает поток слез, но вздыхает: – Нет места! Ну так оставаюсь, где меня хочут – в Америке!

По проспекту к нам долетает далекий приглушенный стук: цок-цок-цок. Все взоры обращаются к Коламбус-Сёркл, но ничего не видно. Потом из переулка выезжает повозка. Не элегантная карета для туристов, а та, что перевозит грузы, и в нее запряжена старая и тощая серая кляча.

252

На этой антикварной рухляди восседает чернобородый извозчик, закутанный в кучу пальто, будто на дворе лютая зима. Вероятно, он весь взопреп. Рядом сидит осанистый господин в обычной одежде, если не считать роскошной широкополой норковой шапки.

Сначала слышится шепот, а затем толпу одолевает веселый смех. Господи, да это же Бухенвальд – раввин с развевающимися на ветру рыжими бакенбардами! Его не переместили, не депортировали – слава богу, он все еще с нами! Я радостно выбегаю на середину улицы его приветствовать.

Извозчик натягивает удила, и повозка едет вдоль тротуара, где сидит и плачет Иван-Молотобоец. Оба седока спускаются и помогают несчастному, убитому горем парню взобраться на повозку. Все они явно друг с другом знакомы. Затем колесеная старая кляча продолжает путь.

Вонь

Анита выходит из Большого Белого зала, где глаза бесчисленных окон отражают едва взошедшее солнце. Небоскребы купаются в кровавой утренней заре... а моя Госпожа идет босиком.

Ее мужской костюм классического покроя помят, пиджак перекособочило, и она придерживает юбку, стараясь прикрыть наготу. Следом за ней идет мисс Поланитцер в соблазнительной голубенькой ночнушке и «лодочках» с серебряной строчкой. У нее на груди скрещиваются несколько золотых цепочек с желтыми звездами Давида на концах.

Они шагают в Антре: я стою на посту, а рядом по-прежнему живописной группой размещается семья из Румбулы. Если бы в Заведении не слышался непрерывный протестующий вой сирен, а с улицы не доносилась прерывистая стрельба, возможно, облик мисс Поланитцер возбудил бы меня, хоть она и еврейка.

Обеим в нос ударяет вонь. Мисс Поланитцер бросает один-единственный взгляд на источник запаха, и на ее лице отражается ужас. Она пятит-

ся, разворачивается и убегает, путаясь в золотых цепочках, ретируется в кабинет Аниты и спасается в своем шкафу.

Но Госпожа Анита – крепкий орешек. Она ступает в Антре, зажав нос, но широко открыв глаза. Так широко, что кажется, будто она напугана. Тем не менее, ведет она себя по-прежнему властно.

254

– Ну и вонища! Как можно настолько опуститься и так вонять? Бобби, отведи их в ванную для прислуги и продезинфицируй¹⁴⁴. Вымой и отдрай карболкой! Разбуди остальных слуг, этих дармоедов, пусть тебе помогут!

Похоже, к Аните вернулось суровое офицерское самообладание, хотя ее полные обнаженные груди дрожат в тревоге.

– Но, Госпожа, с вашего любезного позволения... – Я взял себя в руки. Стою в позе: прямой, как струна, ладони на заднице. – Этот запах никуда не денется, сколько ни поливай и ни скреби этих людей. Его не смыть, моя Госпожа. Он останется с ними на веки вечные... Но если вы снисходительно измените свое отношение к этим людям (при всем уважении, моя Госпожа), их запах покажется вам райским эликсиром!

– Что за идиотская, старозаветная, романтическая чушь?! – восклицает в ответ Госпожа Анита. – Долой эту дилетантскую бесхребетность! – Ее красивые груди раскачиваются, как церковные колокола¹⁴⁵. – Эти пережитки прошлого нужно отправить туда, где им место, – в современном Искусстве, но не в Жизни. Я не допущу скатывания в Средневековье!

Речь ее обрывается: Анита вынуждена прикрыть рот и нос обеими руками. Поэтому юбка падает, и Анита остается в чем мать родила.

Как она прекрасна в своей невинной наготe! Я никогда не видел свою Госпожу такой беззащитной и женственной. Она похожа на греческую статую, высеченную из жемчужно-белого мрамора¹⁴⁶.

– Помнишь, Бобби, как благотворно пахла мужская скульптура у меня в шкафу? Она до сих пор не завонялась.

С улицы доносится артиллерийская стрельба – среди пулеметных очередей слышатся даже пушечные залпы.

– Эти люди – желанные гости, Бобби. Они сокровища Искусства. Вскоре у них не будет ни малейшего запаха, кроме музейного.

Она тараторит приказания:

– Всех расселить по шкафам. Девушка может остаться с ребенком. Солдат – с бабушкой: она старая и неопрятная. Обязательно проследить за тем, чтобы женщина средних лет жила одна. Ее все время запирайте на засов¹⁴⁷. Разойдись!

После этого Анита поднимает с пола юбку и стремглав выбегает, плотно прикрывая рот и зажимая нос.

Разбудив Фрица и Ганса и передав им распоряжения Аниты, я направляюсь в душ. Надо тщательно смыть с себя все следы запаха странников.

Поразительно, насколько я пропитался этим смрадом. Несколько раз помылся – и все равно замечаю на себе вонь.

Если она не выветрится, что скажет Анита?

Возможно, отправит меня в шкаф к девушке с ребенком.

Смотрю на себя в зеркало. Удивительно: я выгляжу намного веселее обычного. Сегодня можно даже не бриться.

Вот только между бровями появилось коричневатое-красное пятно. Размером с полдоллара. Я

тычу вмятину пальцем. Кость под кожей рассыпалась в порошок, я давлю сильнее и нащупываю свои мозги – вязкие, но целехонькие.

Не больно ни капельки. Я уверен, рана скоро зарастет.

Из каморок, где разместили семью из Румбулы, негромко доносятся еврейские и русские песни.

Еврей выходит из шкафа

Стучусь в кабинет Аниты:

– Ничего не желаете, барышни?

Ко мне бросается мисс Поланитцер:

– Да-да-да, тебя! Я просто млею от твоей бычьей фигуры! Меня прет от твоего коровьего взгляда. С тобой я так расслабляюсь... Знаешь, Анита, у меня в кухне на стенах всегда висели шелкографии с коровами¹⁴⁸. Когда надоедали, я их меняла. Можно мне портрет этого раба? Пусть он стоит на четвереньках и жует траву.

Когда обо мне так говорят, по спине бегут мурашки. Подобные беседы меня возбуждают. Сначала сердце трепещет от страха. Затем я твердою, как камень, всем телом, хотя, признаться, кое-где оно уже обвисает.

– Послушай, – глумится надо мной мисс Поланитцер, – ты у нас коровка или бычок? Или ты вообще никто? Небось, у тебя и не встает уже? Можно взглянуть?

Но тут ход ее мыслей внезапно меняется:

– Извини, Анита, мне нужно позвонить.

Она хватает сумочку и в ней роется. Похоже, та набита кучей всяких вещей: денежные купюры, губная помада, тени для глаз, леденцы от кашля, письма, связки ключей, запасные золотые кольца и ожерелья, всевозможные зеркала, корешки старых театральных билетов, шариковые ручки и даже колготки. Мисс Поланитцер достает большую декоративную булавку – такую длинную, что не пришилишь бабочку, и такую кривую, что не проткнешь извивающуюся змею.

Наконец мисс Поланитцер находит записную книжку, отыскивает номер и телефонирует:

– Сегодня не могу. Позвоню позже.

И вешает трубку.

Она поворачивается к Аните:

– Обними меня, мамуля!

Анита нежно ее обнимает. Они такие разные, но прекрасно друг дружку дополняют. Еврейка подносит полную руку моей Госпожи к своим твердым накрашенным губам и удовлетворенно посасывает.

И вновь капризная перемена настроения:

– Отдашь мне теперь Объект Джуди? Я всегда буду с тобой, обещаю. Давай я ее упакую и отправлю на хранение. Тогда я полностью расслаблюсь... Честно. Ну пожалуйста! Порадуй меня.

– Нет, дорогуша, не сейчас. Джуди нужно как следует подготовить и промыть ей мозги перед отъездом из Учреждения.

Я понимаю, что об исчезновении Объекта Джуди моей Госпоже известно.

Лицо мисс Поланитцер искажается от ярости. Она трепыхается, вырываясь из объятий Аниты:

– Нет-нет! Я хочу прямо сейчас!

Госпожа Анита настаивает:

– Ханна, я пообещала, что Объект Джуди твой, и ты его получишь.

Моя Госпожа держит ее силой, зажав тело в тиски. Мисс Поланитцер тихонько всхлипывает:

– Но мы ведь уже совсем оприходовали еврейского раба из шкафа!

Ее детская истерика так естественна, так непринужденна, что мне ее жаль. Я и сам готов расплакаться, хоть она меня и оскорбила.

Они снова обнимаются, а я окидываю взглядом кабинет. На полу валяются части тела концлагерного еврея.

На его руках и ногах следы глубоких укусов. На ногах не хватает пальцев. Кое-где вырвана плоть (или это пластмасса?), будто ее откусил какой-то свирепый голодный зверь.

Живот лежит на полу отдельно – самодостаточное хранилище. Оттуда торчат изжеванные внутренние органы. Полые перекрученные кишки схлопнулись, точно из них высосали весь сок.

На ягодицах – они самодостаточным хранилищем¹⁴⁹ лежат прямо на письменном столе Аниты – я различаю глубокие следы от иглы. Каждое отверстие расширено. Будто кто-то аккуратно разрезал ягодицу, а потом снова зашивал.

В этих отверстиях очутилось несколько цветов из вазы с Анитиною стола. В анус вставлена зажженная свеча. Она еще горит.

Анита перехватывает мой взгляд.

– Красиво, да? – говорит она, в основном самой себе. – Эта женщина – подлинный художник. Архитектор. У нее талант.

Она открытым ртом целует мисс Поланитцер в губы. То сосет, то глотает ее слюну, резко и равномерно сокращая мышцы горла. Излишки вытекают из уголков ее рта.

Потом Анита меняется ролями с Поланитцер – теперь ее черед сосать и глотать.

Они манят меня пальцем, и я подхожу. Когда Анита отрывается от губ своей любовницы, я замечаю у той большую кровавую рану на переносице¹⁵⁰.

260

Анита жестом велит мне встать на колени и сделать приятно. Когда моя Госпожа к кому-то пышет страстью, я автоматически испытываю то же самое. Но это не я предаюсь любви с еврейкой: я – всего лишь принадлежность Аниты, мисс Поланитцер меня не пугает.

И как прекрасны ее мягкие, алебастровые, откормленные чресла! Даже перекормленные. Ее бедра изнутри приятно колышутся. Чресла пухленькие, как у ребенка. Сильные икры покрыты толстыми слоями плоти, жира и кожи. Как у славянской крестьянки. Да, она еврейка – и все равно нечего ее бояться.

Поланитцер такая вкусная – пальчики оближешь. Но, именем Господа, это еще что такое?

В складках ее вагины торчит что-то твердое, как кинжал. Это стальной член концлагерного еврея. Как она умудрилась откусить этот стальной хвост у самого корня? Ее половые губы крепко его сжимают.

Я нежно целую холодную сталь, предаваясь грезам, и время летит незаметно. Грезы мои резко обрывает гулкий пушечный залп, и тут же Анита ни с того ни с сего изо всех сил пинает меня в голову острым носком ботфорта. Очевидно, она сама желает потрудиться над вагиной Поланитцер, которую я уже размягчил.

Я приземляюсь на пол, хватаясь за раскаляющуюся голову, а Анита рывкает:

– Вон отсюда, жидовская морда, шуруй обратно в свой свинарник!

Я приподнимаюсь, чтобы поскорее свалить, но меня снова опрокидывают на пол, и я падаю на колени перед своей Госпожой и страстно лижу ее сапоги. Я готов сознаться, что предал ее – предупредил Джуди Стоун, что ее собираются продать:

– Я должен сделать признание! Сжальтесь надо мной, облегчите мое бремя! Я согрешил...

Но Анита снова пинает меня прямо в лицо:

– Вон! Больше никаких проволочек, половая тряпка, жидяра каморочный! Вон, или я брошу тебя вниз к русским!

Ни живой ни мертвый, я вываливаюсь из ее кабинета. Больнее всего не пинки, а необратимость оскорблений. Казенные тапочки спадают с ног, и я даже не поднимаю упавшую казенную фуражку.

Я рассказал бы ей о своем прегрешении и с радостью принял наказание. Но она была нетерпелива и тем самым дозволила мне остаться правонарушителем. Мою вину она оставила при мне – вину за то, что сделал хорошее дело: спас еврейку от верной гибели.

Через пару дней все уладилось.

Джуди остается на воле. Поланитцер больше ничего не получила от Аниты и даже потеряла деньги, которые заплатила авансом. Оказалось, Госпожа Анита играет в неоаристократизм гораздо коварнее, чем Поланитцер. Хозяйка не только завладела деньгами еврейской галеристки, но и заманила ее поселиться у себя в кабинете.

Каждую ночь мисс Поланитцер вынуждена жить в опустевшем шкафу концлагерного еврея. Узница Поланитцер одета в самую простую и гру-

бую тюремную робу с синими и белыми полосками. Нижнего белья не носит, обута в простые деревянные башмаки.

262

Волосы коротко острижены и приклеены к черепу. Анита пожалела ее и не стала стричь совсем уж по-тюремному: выбритой борозды по центру черепа у Поланитцер нет. Прилизанная голова уместнее и даже сексапильнее. Непохоже, что такой жребий причиняет Поланитцер страдания. В своей новой роли она сильно притихла. Больше не улыбается, но лицо ее сияет довольством.

Я боялся, что от вибраций оружейной и пушечной стрельбы у нас лопнут стекла в больших окнах с алюминиевыми рамами. Но, осмотрев Большой Белый зал, убеждаюсь, что все окна целы.

Выглянув из окна девятого этажа, вижу угол 65-й улицы. Преграждая дорогу транспорту, который обычно срезает здесь путь через Центральный парк, там кольцом стоят танки – замерли, как громадные тараканы, которые шевелят усиками.

На одном из этих железных коней я четко различаю голый торс изможденного мужчины. Руки и голова отрублены, но разложены вокруг груди в анатомическом порядке, словно дожидаются изобретательного художника, который вернет их к жизни. Вновь соберет из них нашего концлагерного узника¹⁵¹.

Из уважения к нему тюремная куртка аккуратно разложена рядом. Голова лежит на казенной кепке, как на подушке. Мне кажется, человеку очень неудобно.

Анита размышляет о положении, в котором оказался Нью-Йорк и ее собственное Учреждение. Она чувствует, как снаружи и внутри медленно, но уве-

ренно происходит распад. В ее Дом просочился враг – румбульские странники. Снаружи, в Центральном парке, ширится советское присутствие.

Госпожа Анита может установить драконовский режим, но тот будет основан не на силе, а на отчаянии. Она может облачиться в мантию диктатора, но все мы понимаем, что в этом сценарии нет будущего. Гуманистические наклонности не позволят Госпоже Аните сыграть эту роль.

Дни царствования Аниты сочтены. Лодка Учреждения раскачалась.

Часть 3

ОТДАЛЕННЫЕ МЕСТА¹⁵²

На Файер-Айленде

В квартире слуг раздается один звонок зуммера: это означает, что я должен выйти. Я поправляю шелковую пижаму, аккуратно причесываюсь, обнажая выбритую борозду посередине черепа и, предвкушая вызов на службу, опрыскиваю дезодорантом половые органы.

Я вхожу в студию Аниты. Она в элегантном загородном наряде – толстый кашемировый свитер и бархатные штаны, заправленные в сапоги для верховой езды на плоской подошве. Через плечо перекинута большая спортивная сумка.

– Мы идем на пляж, Бобби.

Такси доставляет нас на место всего за несколько часов. Остров расположен недалеко от манхэттенского мегаполиса, и на его краю – пустынные дюны. Всего две песчаных колеи, которые мы называли «Бирманской дорогой», ведут прямо к мосту на дальнем берегу¹⁵³.

Погода холодная и ветреная. Анита приказывает расшнуровать ее сапоги. На коленях в песке я также снимаю с нее чулки и закатываю бархатные

брюки до колен. Так и знал, что у этой вылазки есть какой-то особый смысл... потому что Анита вдруг резко пинает меня в самое больное место. Награждает милостивой улыбкой и пинает еще раз.

Она встает и уходит прочь босиком по песку. Несмотря на пронзительную боль, я замечаю прекрасную форму стоп и покрашенные ногти, утопающие в песке. Мышцы икр слегка напрягаются, но я не вижу никаких признаков плебейской узловатости.

Боль немного отступает. Я подбираю сапоги Аниты и неброский дождевик на норковой подкладке и ковыляю следом, согнувшись в три погибели. Анита не останавливается, не оглядывается и естественным грациозным шагом движется дальше. Мне приходится бежать, чтобы поспеть за ней.

На берегу океана она стоит, глядя на набегающие волны и, очевидно, на Европу.

Я расстилаю дождевик, и Анита изящно садится. Приказывает мне войти в воду.

– Холодно, но от холода боль пройдет, – заявляет она.

Так оно и есть. Окунувшись в воду всем телом, я неожиданно ору от чистейшего наслаждения.

Немного спустя подхожу к своей Госпоже: с меня стекает ледяная вода, пижама промокла насквозь. Я выпрямляюсь по стойке смирно, как хороший солдат или слуга, не говоря ни слова. Хотя я дрожу от холода, где-то в глубине души мне тепло.

Анита встает и аккуратно расстилает дождевик на песке. Нежно меня раздевает и приказывает лечь на норковую подкладку. Мягко укутывает мое дрожащее тело.

Зубы по-прежнему стучат, но вскоре меня бросает в пот. Член поднимается. Так я и лежу, закутанный в теплый дождевик Аниты, несказанно счастливый. Помнится, таким счастливым я был только в детстве.

Анита садится на голый песок и достает из сумочки ручку и блокнот. Она усердно делает записи, изредка поглядывая на часы.

Что она пишет? Ведение записей вошло у моей Госпожи в привычку. Я даже думаю, она слишком много пишет, анализирует, волнуется. Это приходило мне в голову и раньше – собственно, недавно, в период моих философских метаний.

Но как можно сравнивать себя с Хозяйкой? Я никудышный слуга, а она, моя Госпожа, все, что у меня есть, рождена повелевать. Наверняка она способна обуздать мысли и вопросы, возникающие из Пустоты, в силах укротить их и командовать ими, словно полчищем лихих наемников, требуя дисциплины с самоуверенностью боевого офицера.

– Ты переживал, Бобби, – говорит моя Госпожа Анита, – и до сих пор еще переживаешь. Поэтому сейчас, наперекор всему, я укреплю твою веру. Тогда ты, возможно, поймешь, что всегда шел верной дорогой... Адумбар рикела пипси матову¹⁵⁴.

Мне кажется, я брежу... но я отчетливо слышу, как она произносит эти слова на неведомом языке. Затем она успокаивает меня по-английски:

– Спи, Бобби.

Просыпаюсь в полной темноте. Никого нет. Воет ветер. Я стою, по горло зарытый в белый песок. Сгибаю шею: песок достает почти до макушки. В ноздри и в рот вставлена трубка.

Сквозь туннель, прорытый в песке, я кое-что вижу, но ни единой звезды не явлено моему взору.

Едва хватает места, чтобы слегка пошевелить руками. По крайней мере я могу потрогать член. Ощущения его особенно приятны. Я ощупываю его пальцами – на головку надет резиновый шланг. Из отверстия сочится тепловатая жидкость.

270

Я истекаю кровью. Медленно, очень медленно, из мастерски сделанного надреза. Мне тепло, будто я внутри матки или некоего приятного тела. Конечно, я истекаю кровью, но мне хорошо. Вокруг живота – теплая, нежная пульсация. Я по-прежнему закутан в теплый дождевик с норковой подкладкой. Небо над головой такое же мрачное...

Я один: моя Госпожа ушла. Неизвестно, вернется ли она вообще. Все зависит от ее непостижимого плана. Если она правильно рассчитала, делая надрез, возможно, к тому времени, когда она возвратится на пляж, я еще буду жив. Но, вполне вероятно, моя Госпожа хочет, чтобы я прямо здесь, в песке, истек кровью из члена, который сослужил ей столь добрую службу.

Я уверен, что умру от потери крови. С этим ничего не поделаешь. Да я и не хочу ничего делать¹⁵⁵.

Снова засыпаю. Мне хорошо, словно я выполнил ужасно трудную работу, я радостно впадаю в забытье.

Следующее, что помню: сапог легонько почесывает выбритую борозду у меня на макушке, а голос Аниты шепчет:

– Привет, Бобби!

С нею Фриц и Альдо, оба издают странные звуки. По мановению Хозяйки эти двое выкапывают

меня из песка, освобождают из его объятий. Я распластан на песке, в горло льется бренди.

Госпожа возвышается надо мной, сапогом давит на член, чтобы остановить кровотечение. Сколько прошло времени с тех пор, как меня зарыли? Пара дней? Неделя? Больше? Альдо кормит меня с ложки сладким гоголь-моголем.

– Хаммурапи хинтену!¹⁵⁶ – восклицает Анита. – Ты выжил! Это знак. Ты будешь жить и снова служить. Но покамест ты не служишь никому – ибо я больше не твоя Госпожа.

271

Услышав это, Альдо и Фриц падают на песок, хныча и не понимая, относятся ли ее слова и к ним. Будто по безмолвному приказу, оба хватаются за члены и начинает бешено дрочить.

– Тише, слуги! – строго приказывает она. – Это касается только Бобби! Это переходный этап. Вы еще останетесь моими слугами. Но Бобби слеплен из другого теста. Так что он пока свободен.

Она снова смотрит на меня сверху вниз:

– Бобби, приготовься пройти кошмарный период свободы в одиночку, руководствуясь собственным умом и выбором. Поправляйся и займись более важными вещами! Освобождение через смерть тебе пока не светит.

Она наставляет Фрица и Альдо:

– Кормите его и перевязывайте раны.

Затем она объявляет, что возвращается к обычной гражданской жизни, а завтра «командование примет» ее «прекрасное творение» – Джуди Стоун.

Наконец она наклоняется, нежно целует и сосет мой член. В небесах оглушительно гремит гром и сверкает молния. Я слепну, а когда зрение возвращается, Аниты больше нет.

Крохотная девочка затрясла меня за плечи и разбудила. Села передо мной, задрала юбку и показала незрелую маленькую вагину.

– Видишь, это пустота. Но из нее все исходит.

Затем девочка села на меня и вдавила попку в мое лицо.

– Лижь мою писю, Бобби. Лижь мне пизду!

Я недоверчиво вздрогнул. Девочке лет шесть, не больше. И откуда она знает мое имя?

272 Я дружелюбно хлопнул ее по голой попе. Велел не дурить и сесть рядом.

– Ну почему ты не хочешь меня лизать? Она такая вкусная. Такая нежная!.. Я тебе не Госпожа, я знаю, я просто подруга. Мы можем сделать друг другу приятно! Поиграть. Если дашь конфетку, я тебя расцелую и буду звать папочкой. Теперь все дети так делают.

Я ответил:

– Меня ранили, доченька, причем в том самом месте, которое тебя интересует. Так что меня туда не поцелуешь. А я не могу ласкать тебя там, где хочешь ты, да и вообще нигде, если уж на то пошло... Губы до сих пор болят – только начали заживать. Но, если хочешь, я подержу тебя за руку.

– Отвали! – грубо ответила девочка. – Корова ты, а не мужик. Смирный пес, у тебя никогда больше не будет такой целительницы, как я. Иди ты к черту, Бобби!

И убежала.

Какое хамство – обозвать меня коровой! Но я так и думал (и оказался прав), что подобное поведение имеет место за стенами нашего Учреждения. Непочтительность, бунт, моральное разложение.

Но какая милая девочка! Будущая Госпожа, пусть и низшего уровня. Будущая Бет Симпсон?

Девочка взбежала на вершину ближайшей дюны и встала посреди пляжной растительности. На моих глазах она стянула трусики и присела на корточки помочиться.

– Бобби! – крикнула она. – Ты мужской шовинист! Иди сюда и поиграй со мной!

Она быстро натянула трусики, встала и заорала:

– Нас Игра и Радость ждет, Шовинизм не пройдет!

273

Опять сняла трусики и присела помочиться.

Морской бриз донес до меня сладкий, едкий запах мочи. Тело все еще болело во многих местах (не в последнюю очередь – член), но я смиренно пополз по песку, по-пластунски подбираясь к девочке.

– Бобби! На, лизни мочу! Пей, глотай – я так хочу. И давай, нюхни мой зад – вот дорога прямо в ад! Но ты же не будешь трогать маленькую девочку за писю?

Она села на вершине холма и раздвинула ноги. Я вдохнул сладостный младенческий аромат, а она обернулась, схватила с земли ветку и безжалостно огрела меня по заднице.

От неожиданной боли я непроизвольно перевернулся. Тогда она прицельно ударила по больному члену.

Я взвился от новой боли и покатился с дюны, а девочка закричала:

– Анита, Анита! Этот грязный пес хотел меня избить! Этот грязный самец пытался меня полизать! Этот раб хотел дотронуться до моего чувствительного органа. Этот старый развратник, злой старый пердун... На помощь! Маленьким девочкам нынче грозит опасность! Он обходится со мной, как с обычной шлюхой.

Я лег у подножия холма, надеясь, что боль отступит, и тут увидел на вершине странного мальчика, который на животе полз к девочке. Она раздвинула ноги, откинулась на локти и приподняла бедра. Мальчик начал лизать ее со знанием дела.

– Хорошо, Бобби! – застонала она. – Хорошо. Теперь быстрее. Быстрее, Бобби...

Вскоре мальчик залез на девочку, как при обычном половом акте. Он качал и качал, а она рывкала:

– Быстрее, Бобби, быстрее! А теперь кончи мне в пизду! Кончай! Приказываю тебе кончить!

Тем временем я почувствовал, как сладкие ягоды творят чудеса с моим животом. Целебная сила дотянулась до самых дальних уголков моего тела.

Я почувствовал, как меняюсь, – я будто мирно избавлялся от прежней личности, выходил из нее – так снимают с себя и отбрасывают заношенное пальто. Я перевернулся на теплом мягком песке и собрался вздремнуть.

Но девочка не оставляла меня в покое. Затрясла меня за плечи. Дернула за нос.

– Ах ты несчастный раб, – сказала она. – Корова! Отброс общества. Я хочу с тобой играть, и ты должен лизать мне писю. Дай мне свой член, Бобби, я высосу его досуха. Тогда ты придешь в чувство. Иди сюда, Бобби. Сюда!

Пока девочка отдавала эти приказания, мой член машинально ожил. Я уже хотел было встать, выпрямиться перед ней в позе раба.

Но, вместо того чтобы обхватить член и ритмично задвигаться в ритуале самоудовлетворения, мои руки ударили девочку по лицу, а когда она упала на песок, я начал безжалостно пинать ее ногами.

Девочка заплакала и заверещала, как поросенок, которого ведут на убой:

– Я буду твоей рабыней, Бобби! Я буду твоей рабыней!

Это остудило мой пыл.

– Ты сломал мне ребра! – заорала она. – Шовинистская сволочь! Ублюдок! Я не буду твоей рабыней, не буду. Анита, я буду твоей рабыней, Анита-аааа!

Только благодаря высшему Провидению, что меня направляло, я в эту минуту не сошел с ума.

Я мучительно разрывался между тем, к чему меня подталкивало изнутри, и кошмарной виной, что обрушивалась на меня морем камней¹⁵⁷.

Я даже пригнулся, словно камни сыпались на меня взаправду, руками прикрыл голову. И пустился наутек.

– Возьми меня с собой, Бобби, пожалуйста! Я буду твоей рабыней! – закричала девочка, и я оглянулся. Клянусь, у нее было Анитино лицо.

Я побежал к «Бирманской дороге». Но тут появилась она – позади меня ковыляла крохотная старенькая Анита. Сморщенная, согбенная старушка едва попевала за мной, держась за ребра.

– Твой отец наказывает тебя? – закудаhtала она. – Проклятый женоненавистник! Женоненавистник! Матерененавистник! Мамолюб! Возьми меня с собой, Бобби, я буду твоей рабыней!

На «Бирманской дороге» меня остановила пухлявая гологрудая баба в серебристых штанах, с развевающимися на ветру белокурыми волосами:

– Я Дженис Джоплин!

С ней были музыканты в диковатых нарядах.

– Я пришла сюда, чтобы спеть тебе песню свободы – «Ядро на цепи»!..¹⁵⁸ Если после этого ты все

равно захочешь остаться Слугой Бобби, я больше никогда не буду петь... Итак, слушай!

Я стал слушать, но музыканты, хотя они извивались и тряслись, не извлекли из инструментов ни единой ноты. Ни звука не слетело с губ женщины, хотя она согнулась пополам от напряжения и рвала на себе волосы.

276

В конце концов Дженис и ее группа в изнеможении повалились на землю. Я тоже улегся на песчаной «Бирманской дороге». Вырыл ямку для головы и закопался в песок.

Прошло много времени. Я был уверен, что Дженис ушла вместе с группой. Но затем отчетливо расслышал сквозь песок ее надрывные, безумные завывания, что терзали мои барабанные перепонки. Высунув голову из песка, я зашагал обратно на пляж, где оставил своих товарищей.

Старая девочка с лицом Аниты бежала впереди.

– Хороший Бобби, хороший Бобби, молодец, Бобби! – ободрительно напевала она. Волосы ее вновь стали белокурыми, черты лица – прежними. – Ты хороший мальчик! Но пока ты не вернулся на службу, трахни меня! Или полижи! Никто не хочет меня, потому что я юная. Потому что я не-красивая.

Я помчался во весь опор, чтобы побыстрее добраться до пляжа. Но силы оставили меня, и бежать я больше не мог; я перешел на сбивчивый, усталый шаг. Член опять заболел, хотя больше не кровоточил. Меня тошнило, кружилась голова.

«Неужели это оно и есть?» – мысленно спросил я себя самого. Вот, значит, каково это, когда ты неизлечимо болен? Выжат подчистую, голова легкая, и такая слабость, что тебя можно повалить одним пальцем.

Вот, значит, каково это – умирать? Смертью слуги? Смертью собаки, сбитой на шоссе?

Небо посерело, и я уже был не на Файер-Айленде. В другом месте – на мрачном, плоском, зеленом европейском просторе, в преддверии конца.

Очнувшись, я увидел, что Альдо и Фриц по-прежнему стоят лагерем на пляже. А вдалеке за мостом, который вел в Нью-Йорк, пролежала дорога к возможной свободе.

– Пошли со мной, Бобби, – сказала девочка. – Ты справишься. Твоя Госпожа Джуди Стоун скоро придет на пляж, она тебя вылечит.

277

Я поковылял – сначала прихрамывая, а затем увереннее. Наконец я добрался до лагеря, где Альдо и Фриц радушно встретили меня и осторожно уложили на песок.

Без Аниты

Всю ночь лило как из ведра: ужасная ночь на пляже. Меня укутали в брошенный дождевик Аниты, а Фриц и Альдо промокли насквозь в своих тоненьких пижамах. Но они все равно ухаживали за мной, кормили с ложки и угощали бренди. Всех нас засыпало песком, и мы страшно дрожали.

К утру я немного окреп, даже сумел встать и сделать пару шагов. Но эти шаги казались какими-то другими. Точно я сам себе приказывал идти. Очень неуютно. Я шел медленно и спотыкался, словно включился совершенно новый механизм. Казалось, мне велел двигаться голос в голове – мой собственный голос:

– Теперь направо, Бобби. Вперед, Бобби. Не топчи по песку. Поднимай ноги выше, Бобби. Бегом!¹⁵⁹

Когда совсем рассвело, я забегал по пляжу. Озябшие Фриц и Альдо сидели на корточках и удивленно смотрели на меня. Солнце встало над горизонтом, а я все бегал и бегал, сжимая вялый

член, чтобы не открылась рана. Я носился, как молодой жеребец, поначалу не уверенный в своих силах. Затем увереннее.

Необычный страх вкупе с ожиданием чего-то грандиозного действовали на меня противоречиво. Но пока я бегал, эти ощущения как-то уравновешивали друг друга.

Наматывая круги, я всегда возвращался туда, где стали лагерем мои бывшие товарищи-слуги. Потом отпустил себя на волю. Помчался по пляжу, даже не думая возвращаться.

А затем вдруг остановился от ужасной боли в члене. Приковывал обратно к дождевику Аниты и лег отдохнуть. Я совершенно вымотался – физически и морально. Заснул. Одному богу известно, сколько я проспал.

Когда проснулся, в голову настойчиво постучались сразу три мысли. Во-первых, надо позаботиться об Альдо и Фрице, как они позаботились обо мне. Они сидели неподалеку, жались друг к дружке, пытаюсь согреться.

Я подошел и велел им помыться в океане. В полном смятении рабы любви промямлили:

– Арамбуру! Арамбуру!¹⁶⁰ – а затем бросились в воду и стали плескаться и мыться, точно малые дети.

Во-вторых, надо поскорее убраться с этого пляжа. Но пока что я велел Фрицу и Альдо сходить в город, купить еды и одеял. Пошарив в карманах Анитино дождевика, я нашел деньги.

В-третьих, я вспомнил свой сон:

Анита подошла ко мне на каблуках высотой в целую милю. Я едва различал ее в вышине. Ей пришлось наклониться, чтобы докричаться до меня из такой дали. И все равно я слышал лишь негромкий шепот – ее голова витала в облаках.

– Бобби! – донесся приглушенный крик. – Мои туфли все растут и растут. Я не могу их остановить. Если так пойдет, я покину этот мир физически. Поднимусь в космос и задохнусь... Но я не могу прыгнуть – слишком высоко! Я не могу избавиться от этих туфель.

Дальше она сказала, что туфли растут потому, что она неправильно мыслит:

280

– ...Есть лишь один выход... следить за тем, чтобы мысли... были абсолютно правильными... и абсолютно объективными... При малейшей ошибке туфли начинают расти. Сделай кое-что для своей бывшей Госпожи, – попросила Анита. – Стань на колени и грызи каблуки!.. Не останавливайся! Чем усерднее ты грызешь, тем правильнее я мыслю. Сначала один, потом другой!.. Пожалуйста, Бобби! Арамбуру! Арамбуру!

Последнее слово, усиленное в тысячу раз громкоговорителями, прогремело так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Я растянулся на песке и стал грызть каблуки высотой в милю. Я все грыз и грыз. Стер губы до крови, кровь впитывалась в песок, а тем временем Анита подбадривала сверху:

– Получается, Бобби, получается. Продолжай грызть!

Я почти стер себе зубы. Из рта хлестала кровь и душила меня, стекая в горло.

Я услышал страшный гром. Не успел я опомниться, в мягком песке разверзлась глубокая яма, и раздался грохот. Туфли Аниты снова приняли своей обычный размер, но сама она быстро погрузилась в яму.

– Прощай, Бобби, прощай, – слабо доносился ее голос, пока она хоронилась все глубже и глубже. – Получилось, Бобби, получилось. **ДАЖЕ СЛИШКОМ ХОРОШО!**

Проснувшись, я вытер кровь с губ. Там, где исчезла Анита, песок еще разглаживался.

Я надел дождевик Аниты и медленно побрел прочь... Сначала шел по пляжу. Я очень ослаб. Ноги вязли в мягком песке, поглотившем мою Госпожу, и очень болели. Я решил по «Бирманской дороге» пойти в глубь острова и свернул прочь от дюн.

Да уж, я совсем не привык к физическим нагрузкам на свежем воздухе. В глубине души я надеялся, что меня подберет грузовик или багги. Потом вспомнил, что по «Бирманской дороге» разрешается ездить только специальному транспорту, так что обычных машин тут не дождешься.

Я знал, что странно выгляжу в женском дождевике на меховой подкладке. Измотанный, ни живой ни мертвый, я сжимал в руке свой израненный член. Хотелось есть и пить.

По дороге я заметил в зарослях незнакомые ягоды. Сорвал их: они оказались сочными и сладкими. То была первая еда за многие годы, которую я добыл сам. Я был точно первобытный охотник. Мне понравилось. Я полакомился ягодами: они утолили голод и жажду. Как приятно, когда сладкий сок пробуждает желудок, омывая все тело пульсирующими волнами здоровья!¹⁶¹

Я вернулся на пляж – подождать Фрица и Альдо и решить, куда нам идти. Правда, вечером, на закате, любые планы потеряли смысл.

На джипе приехала Джуди Стоун – она без особого труда отыскала наш лагерь. Она совершенно преобразилась. Вырядилась в нейлоновую штор-

мовку и грубые армейские сапоги. Волосы очень коротко острижены и не причесаны. Никакого макияжа.

Она сковала наши приборы цепями с замками и приказала сесть в джип. Какая энергичная! Да уж, совершенно новая Джуди Стоун.

Пару часов спустя мы уже снова были в Нью-Йорке, надежно привязанные к койкам в квартире слуг¹⁶².

Правление Джуди

С приходом к власти Джуди прежняя нездоровая эротическая атмосфера в Заведении развеялась. Можно подумать, наших интеллектуальных и эстетических занятий и не было никогда.

Джуди превратилась в генератор непрерывных организационных мер. Ежеминутно отдавались точные приказания.

Все объекты художественного или возбуждающего характера, напоминавшие об эпохе Аниты, были бесцеремонно устранены. Наши прежние обязанности, связанные с саркофагом, приостанавливались, а любые попытки возобновить производство спермы пресекались.

Сама же Джуди не заботилась о своей женственности и все время ходила в гимнастерке или штормовке, военных брюках и походных сапогах.

Изо дня в день мы занимались физическими упражнениями – либо в помещении, либо на крыше. Присматривала за нами Бет Симпсон. За нарушения наказывала Тана Луиза, но только по письменному приказу Джуди Стоун.

Разумеется, из-за своей безжалостной природы Тана Луиза перебарщивала с наказаниями. Но не заходила слишком далеко – Джуди не выказывала недовольства, а мы не жаловались. Бет Симпсон тоже бывала груба, как сержант-инструктор по строевой. Но Джуди, хоть и знала, мирилась с этим – главное, чтобы не нарушались основные правила военной службы.

284

Ганс, в прошлом бухгалтер, взял на себя канцелярскую работу. Альдо следил за стряпней. Мне, как ни странно, не поручили никакой особой работы – лишь общедисциплинарные занятия и уборку, которые возлагались на всех слуг.

Мы, слуги, физически страдали от этих перемен в образе жизни, а больше всего – от того, что отменили регулярную дойку. Однако нас спасал моцион, да и просто физическое истощение после целого дня непрерывного труда. К тому же, нам разрешили выполнять свои обязанности традиционным мужским способом – привычно и естественно, прямо в постелях Хозяек.

Сексуальное удовлетворение Хозяек подчинялось строгой очередности и совершалось только ночью, перед отбоем. К одиннадцати вечера мы должны были находиться в квартире слуг, привязанные к койкам.

Госпожа Джуди Стоун взялась за косметический ремонт нашего Дома. Больше никакой роскоши: ни дивана с откидывающейся спинкой, ни мягких кресел. Березовые полы отшлифовали, но не навозили. Никаких украшений и картин на стенах – ничего такого, что некогда придавало нашему Заведению экзотический, извращенный вид.

Мы ели в столовой за простым разделочным столом. Сидели на деревянных стульях без обивки. Еда была простая и здоровая – салаты и жареное мясо маленькими порциями. Мы пили свежий сок, на десерт подавали только фрукты.

Но одно характерное изменение все-таки ввели. Посреди гостиной под прозрачным пластмассовым колпаком была выставлена, словно скульптура на пьедестале, пара лаковых красных туфель на платформе и высоких каблуках. То был единственный эстетический объект, используемый новым режимом.

Туфли круглосуточно освещал яркий прожектор. Мы, слуги, должны были приветствовать их, проходя мимо: выпрямиться, обнажить голову и скрестить руки на члене.

На этих ли туфлях Анита вознеслась на небеса? Их ли она оставила после себя, провалившись сквозь земную кору? Или эта блестящая пара – тайное орудие? Талисман? Символ грядущих подвигов?

У нас не было обычая (да и права) задавать подобные вопросы публично или вслух. Но в нас еще теплились пережитки доисторического независимого мышления.

Поэтому единственным украшением нашего весьма спартанского жилища был букет простых цветов подле этой витрины с красными туфлями.

Еще одно нововведение – субботние встречи – связало нас чуть ли не братскими демократическими узами. Согласно порядку, введенному Госпожой Стоун, первыми в столовую входили Хозяйки. Некоторое время они обсуждали наедине собственные дела, а затем вызывали нас, слуг.

Сияя как новые монетки в своей выходной одежде, с кепками в руках, привычно вытянутых по швам, мы грациозно кланялись Хозяйкам и сугубо официально преклоняли колена у их ног. Легко поцеловав правую стопу каждой Госпожи в знак уважения, мы садились в кружок на полу.

286

Затем мы запевали простые строевые песни, например, «Песню Дома Аниты», и другие, выражавшие радость маршировки и физических упражнений.

Так устанавливалась дружеская, товарищеская атмосфера. Затем вставала Джуди Стоун и проносила пару слов, в основном о преимуществе прагматизма перед интеллектуализмом. О том, как важно добиваться результатов, а не предаваться идеализированным умозрениям. Ее речи были пикантны и точны:

– Дни колебаний и неуверенности позади! Дни исследований и экспериментов миновали! Как сказал японский писатель Мисима: «В жизни нас ведет слишком много истин; мы должны выбрать лишь одну». Но даже эта единственная истина подвергается сомнению, ибо подлинная истина, стоящая за всеми другими, – Действие!

Госпожу Джуди интересовало Действие в чистом виде и все, что ему содействовало. Когда она говорила, ее щеки краснели в волнении крепкой веры.

– Мы принимаем все, что нам помогает: в этом смысле мы эклектики. Мы верны только ДЕЙСТВИЮ!..¹⁶³ Мы не одобряем разделение общества на Хозяев и рабов. Все мы друзья! Я тоже была рабыней, как вам хорошо известно. Но если существование рабов и Хозяев служит Действию, мы должны принять его безоговорочно!.. Поэтому, где бы вы ни находились – в этом прогрессивном

Заведении или в других, разбросанных по всему городу, – не забывайте, что нерешительность – это яд! Бесплезная мысль – это болезнь! Действие способно свернуть горы!.. Какие же горы нам сворачивать, друзья мои?

Мы, разумеется, не знали.

– Наступит день, когда вы узнаете! Посему мы должны готовиться – однажды мы выступим в поход!

Как же нам повезло с этой новой, уверенной в себе Хозяйкой, которая без малейших сомнений указывала нам путь. Обходила с нами почти как с равными – как с товарищами по команде.

Сколь просты и проникновенно глубоки были ее речи! Они пробивали насквозь праздные разросшиеся ткани, пронизывали нас до костей. Они молодили: у нас появились смысл и цель в жизни. Они проясняли грустные взгляды, и наши глаза вновь сверкали.

С блеском божественного гения Джуди разрешила все людские противоречия. Слуги и Хозяйки хором восклицали:

– Друг Джуди! Укажи нам путь! Путь к Действию, путь к успеху! Путь к осуществлению, путь к славе! Друг Джуди, вместе мы выстоим, а порознь падем! Да здравствует Жизнь! Да здравствует Друг Джуди!

Бет Симпсон подскочила в экстазе и, разорвав рубашку, выставила груди. В волнении она объявила:

– Я отдам молоко на Благое Дело! Отдам молоко рабам!

Тана Луиза радостно возвестила:

– Отныне я не откажу в наказании ни одному рабу, который того пожелает! Мы должны выступить вместе с Народом!

Она достала плеть и в шутку нас отхлестала. Ногам все равно было больно, и мы весело запрыгали.

Тут вмешалась Джуди:

– И, завершая этот субботний сбор, я хочу сделать последнее заявление. Друзья, помните о врагах! У нас лишь один враг – АНАРХИЯ! Анархия – коварная гадина, что рядится в одежды человеческого сострадания и равенства. Она ведет к худшему виду угнетения – самовосхвалению власть имущих! Анархия – это гниль, ГНИЛЬ! Из нее сотканы как безжалостные диктаторы, так и кровожадные толпы плебеев!.. Аристократы в бессилии пестуют анархию. Не поддавайтесь на их льстивые и тлетворные речи. Будьте сильными и прагматичными, объединитесь во имя всеобщего блага... Прощайте, друзья, и до следующего субботнего созыва!

– Джуди, Друг Джуди! Госпожа Джуди! – восклицали мы, а Джуди смахивала короткую челку со лба и поспешно уходила.

В конце этих собраний каждая Госпожа выбирала слугу для интимного танца. Свет приглушали, и наши тела терлись друг о друга, медленно дразня и сексуально возбуждая, что порой, по распоряжению дам, завершалось настоящим семяизвержением.

Так что в тот вечер мы танцевали, мы танцевали и терлись друг о друга, мы танцевали танго, и музыкальные аккорды подстегивали нас. Нас увлекали за собой мелодия и партнерши, а затем танец окончился, и мы, слуги, повалились на пол. Мы обнимали Хозяек за ноги и держались крепко, словно моряки в океане – за обломки кораблекрушения.

Сожжение Нью-Йорка

Покуда я жив, да и на смертном одре не забуду я того прекрасного вечера – нашего «бегства из Египта».

Небо и сам воздух над Манхэттеном пропитались алой кровью¹⁶⁴. По центру небес красовался огромный охристо-желтый диск – предположительно, солнце. В полшестого вечера он застыл там, где должен быть в полдень – в зените, чего ему совсем не полагалось. На Лонг-Айлендском шоссе в это время, по идее, час пик, бетон плавится с адским восторгом, автомобили текут сплошным потоком до самого аэропорта Айдлуайд¹⁶⁵.

Мы тащились на конной повозке рабби Бухенвальда, но вокруг не было никакого движения. На шоссе – больше никакого транспорта, кроме нашей медлительной подводы, которую вел Большой Иван. Повозка рабби Бухенвальда? Уже не помню. Все это в мертвом прошлом, которое, впрочем, живее настоящего.

Госпожа Джуди куталась в одеяло, прячась от красного воздуха, жара и прочего. Толку было мало. Мы, слуги, жались друг к другу по той же

причине и впридачу от страха. Иван (или, возможно, поводья держал сам Бухенвальд), похоже, не тревожился и не был взвинчен. Как будто повозка с насмерть перепуганными беженцами – обычное явление на Лонг-Айлендском шоссе.

Густой, как кровь, воздух не смущал нашего спасителя – то ли Ивана, то ли Бухенвальда. А вот тощая серая кляча из гетто кашляла, надрывая легкие, но упорно плелась дальше, как и положено кляче из гетто.

Множество машин нашли пристанище на обочинах шоссе – стояли мертвые либо спящие. Помню еще одну картину: мертвый слон валялся на дороге, задрав хобот. Наверное, пытался в последний раз протрубить перед отсутствующей публикой.

Местами шоссе покрывали колонии змей всех размеров – они сплошь покраснели. Также много было красных черепаш. Поразительно, сколько всяких тварей скрывалось внутри мегаполиса – они выползали из-под земли и тут же падали за мертво.

Кляча из гетто в отвращении наступала на змей и черепаш, пачкая копыта. Возница ее подгонял. Небесный диск не двигался с места, стал пурпурным, и тогда еще больше стемнело.

Аэропорт Айдлуайлд был почти пуст. Носильщики удобно разлеглись под стенкой международных вылетов. Спали – а может, умерли.

Длинные коридоры кишели красными летучими мышами. Они тоже пришли к выводу, что лучше улететь в Израиль.

Работало только окошко компании «Эль Аль», персонал которой был представлен лишь одной нервной израильской девушкой.

Правоверные иудеи в гробовой тишине стояли в очереди к стойке регистрации. Эти недобитки ставили чемоданы и узелки на весы и не спорили, если приходилось платить за перевес багажа. После регистрации они стремглав бежали к выходу на посадку.

На улице воздух краснел все гуще. В аэропорту он тоже краснел и густел, словно борщ.

Капитан воздушного судна сам проверил наши радужные билеты. Провести пассажиров через электронную рентгеновскую рамку он забыл (хотя ООП и их приспешники регулярно захватывали самолеты¹⁶⁶). Мы помчались в «Боинг», словно сам дьявол наступал нам на пятки, а двигатели уже негромко гудели в миноре. Мы и не оглянулись, не помахали на прощанье ангелу, что умчал нас прочь от арены разрушения, – не то Ивану, не то Бухенвальду.

Они даже забыли включить надпись «Пристегните ремни». Вместо привычных объявлений о мерах безопасности сообщили, что «ввиду беспрецедентных красных воздушных течений» наш маршрут будет благоразумно проложен на запад, к Чикаго, а затем на север, в Канаду, до самого Монреаля. Придется сделать этот значительный крюк, прежде чем мы сможем пролететь над Атлантикой. Далее в объявлении говорилось, что «мы должны прибыть в...», после чего диктор запнулся и вставил пару слов на иврите.

Матушки-стюардессы средних лет были растрепаны, перепуганы и казались еще старше своего возраста. Куда же подевались молодые и привлекательные бортпроводники «Эль Аль»? Стюардессы орали на истерической смеси иврита, английского и идиша, но обо всем позаботились.

Едва последний бородатый хасид ступил на борт, самолет тронулся с места. Немного проехав, он притормозил, и я увидел, как кто-то снаружи проверил закрылки. Затем, больше не теряя ни секунды, мы разогнались и взлетели.

292 Реактивные двигатели с трудом качали красную кровь. Они фыркали, но продолжали работать. Уже взлетев, самолет пару раз опускался, зависая всего в паре футов над взлетной полосой. Наступила гробовая тишина, снова послышалось фыркание, и мы начали набирать высоту.

При условии, что найдется место, где воздух не такой красный и густой, мы сможем приземлиться и дозаправиться. В объявлении не говорилось об этом прямо, но прозвучало что-то типа: «При условии, что найдется место, где мы сможем совершить посадку на пути в Тель-Авив».

Позднее объявили, что в Тель-Авив мы прилетим поздно, «если прилетим вообще».

Тот, кто читал объявления, старался подходить к делу с юмором. Но было не до шуток. Никто не знал, остались ли на планете места, где воздух еще не стал тяжелым и малиновым, точно кровь, брызжащая из аорты.

Когда мы летели над Монреалем, пчелиные матки-стюардессы раздали верующим пассажирам пакеты с кошерной едой. Некоторые из этих праведников помолились, но рев реактивных двигателей практически заглушил слова их благословения за прожитый день.

Настроение в салоне улучшилось. Я выглянул в иллюминатор; уже стемнело, но вдалеке я различил зловещее пурпурное свечение. Даже над полуостровом Гаспе¹⁶⁷ виднелся лишь зловещий отблеск того, что когда-то было Нью-Йорком.

В Иудее

Нас, слуг, снарядили перед поездкой в Израиль кипами, прикрывавшими выбритую борозду посредине черепа. Нам велели не снимать их в течение всего полета. Это не привлекало лишнего внимания: в нашем самолете из Нью-Йорка в Тель-Авив летело множество правоверных иудеев в похожих головных уборах.

Почему наша Госпожа Джуди решила привезти нас в святая святых – Иерусалим? Не в нашем характере задавать вопросы Хозяйкам (к тому же, нам сразу приказали замолчать, сосредоточиться и задуматься над важностью путешествия), но какова конечная цель этого перемещения? Ее так и не разгласили.

Однако ради Госпожи Джуди мы бы отправились на край света, будь на то ее желание.

На ней самая обычная одежда – наряд состоятельной американки. Такая одежда практически исключена из ее гардероба. Появился новый легкий акцент на еврейские цвета: голубой и белый. Как она мила в этом скромном образе!

Но ее высокий статус выдают красные туфли на тяжелой платформе с неумолимыми, увесистыми, чрезвычайно высокими каблуками. Мы не понимаем, зачем она решила их надеть. Они не только эстетически, но и политически конфликтуют с ее новым скромным выражением еврейского национализма.

Впрочем, кто я такой, чтобы толковать символическое значение того, что было, скорее всего, лишь импульсивным жестом? Мой долг – пассивность и только пассивность. Мне надлежит слушать отражением ее воли, а не проявлять инициативу – даже если это пошло бы Госпоже на пользу.

Воздушное судно устремилось к исторической родине евреев, и мне почудилось, что черты Госпожи Джуди слегка смягчились. Суровое и одержимое, хоть и всегда утонченное лицо озарила почти ангельская улыбка.

Я уставился на нее со слезами на глазах, и Госпожа Джуди почувствовала мой взгляд. Черты ее опять резко, властно и жестоко окаменели.

Она сунула руку в сумочку и достала тонкую, почти невидимую нейлоновую веревочку с резиновыми присосками по всей длине. Последнюю присоску она протянула мне, а затем дала газету, чтобы я, прикрывшись ею, прикрепил присоску на кончик члена.

Я передал следующую присоску вместе с газетой Фрицу, и он проделал ту же операцию. Затем он протянул следующую присоску Альдо. Прикрепив ее, тот вернул нейлоновую веревочку Госпоже Джуди.

Джуди встала в проходе и туго накрутила веревку на руку, а потом сильно дернула, желая убе-

даться, что все три члена прикреплены. Мы подскочили от боли. Как следует натянув веревочку, наша Хозяйка уселась впереди.

Я больше не мог смотреть на ее ангельское личико, но голова была совершенно пустой – никаких мыслей. Их прогнали физическое натяжение и связь.

Моя любовь к ней несет меня по бескрайним волнам. Я мечтаю служить ей вечно. До смерти хочется выказать ей высшую форму преклонения, а не простую покорность. Мне нужно окончательно выразить свою любовь.

С нею мы послушны и в безопасности – взрослые дети, которыми твердо правит сильная прекрасная мать. Стоит пошевелиться, пенис болит, и это чудесно. Я привязан к своей Госпоже, мы с ней единое целое.

Такси доставило нас из аэропорта прямоком в ближайший пригородный отель «Бен-Гурион» на голом каменистом холме¹⁶⁸. Должен сказать, даже в Америке едва ли встретишь столь внушительный отель. Со всех сторон нас окружала земля Иудеи – Иерусалим, Иерусалим! Но мы мало что увидим...

Отель – красивое сооружение в стиле ранчо, облицованное цементом в сочетании с нержавеющей сталью и пластмассовым покрытием. Светлый бетон на стоянке уместным манером испещряли пятна картерного масла. Бетонный обелиск с рекламными кредитных компаний и туристических агентств свидетельствовал о солидном притоке постояльцев и хорошем бизнесе.

У входа бил струйкой воды бетонный фонтан. Подобный фонтан – неслыханная роскошь и жертва эстетике в стране, где практически нет грунтовых вод.

Здесь не хуже, чем на Лонг-Айлендском шоссе, только вдоль дороги торчат скудные оливы да кипарисы, а не орехи и сосны (господствующее инженерно-эстетическое решение в Новом Свете).

296

Палящий зной успел обжечь нам лица, пока мы одолели пару шагов от такси до дверей отеля. Наша Госпожа проворно шагала впереди. Работник отеля, коридорный, поднял наши чемоданы и тут же поставил обратно. Парень был загорелый, очень темнокожий, почти «цветной» – восточный семит. С нашей Хозяйкой он говорил по-английски, но тоном, какой не подобает обслуживающему персоналу, – непринужденно и как бы на равных. Он явно не признавал никаких классовых различий и даже помыкал нами. А все для того, чтобы нам, американцам, как это в мире и заведено, пришлось самим тащить свою тяжелую ношу.

В вестибюле топталось множество туристов и явно обеспеченных людей. Они попивали ледяные напитки, лениво коротая время. Меня приучили к мысли, что лень и медлительность означают презрение к бренности жизни.

Но еще в вестибюле наблюдалось необычайно много военных – израильские офицеры и молодые солдаты, невысокие, но подтянутые. Однако и они были медлительны, напускали на себя беззаботный вид, хотя на плечах у них висели пистолеты-пулеметы «Узи».

Мы прошли под длинным транспарантом с надписью по-английски: «Добро пожаловать в израильский спецназ и десант!»

Так вот как нас встречал Святой Город Мира?

Мы пыхтели и отдувались в удушающем пекле, набиваясь в лифты и блуждая по гостиничным лабиринтам. Коридорный по-прежнему околачивался поблизости – я бы добавил, нахально. Еще не примерившись к мантии и короне Госпожи, Джуди Стоун в смущении полезла в сумочку и, сдавшись, вручила коридорному пачку долларовых купюр. (Анита, подлинная аристократка и Королева, никогда бы не дала столько чаевых.)

Мы, слуги, занимаем специальную комнату с обычными пластиковыми кроватями. Окна закрыты тяжелыми шторами от палящего солнца. В комнате есть кондиционер и холодно, как в Швеции.

Мы помогаем Хозяйке разобрать вещи и хлопочем по мелочи в ее отдельном люксе. Затем мы, четверо слуг-первопроходцев, остаемся наедине, принимаем душ и отдыхаем. Мы спорим о том, когда лучше отправиться на экскурсию по библейским местам, которые наверняка расположены прямо за стенами отеля.

Нам хочется вдохнуть пропитанный соляжкой священный воздух этой древней земли. Но при этом неохота пропустить ужин – мы хотим отведать новой здоровой израильской кухни.

К сожалению, мы обнаруживаем, что дверь заперта снаружи. Даже на окнах решетки. Похоже, нам дозволено лишь вдыхать освященный воздух – кондиционированный и ледяной.

Поздно вечером, уже практически помирая с голоду, мы слышим, как дверь отпирают. В номер будто сама собой вкатывается сервировочная тележка с подносами. Дверь закрывается и снова плотно запирается. Банкетным столом нам служит пол – точь-в-точь как в нашем старом нью-йоркском жилище.

Сон на Святой Земле был сладок даже под замком¹⁶⁹. Однако нас разбудил настойчивый грохот и треск на шоссе. Резкие вспышки фар пробивались сквозь щели между шторами: мимо проезжали военные эшелоны на грузовиках и БТР. Затем танки – много танков на скрипучих гусеницах, а за ними тяжелая артиллерия. Пушки, изрыгающие семя: этого еврейского артиллерийского огня хватило бы с лихвой, чтобы вновь оплодотворить всех давно погибших евреев.

Отчего это мистера Слугу Бобби так тревожит «еврейский вопрос»? Я не еврей, я по-прежнему в этом уверен. Но, может, это не так. Может, многовато людей, мертвых и живых, указывают мне путь к израилизации. И поэтому я принимаю *Judenfrage* так близко к сердцу? Постой, Бобби... а откуда ты вообще знаешь это гнусное немецкое слово? Которое означает «еврейский вопрос» и предшествует «Решению, Каковое Станет Поистине Окончательным»?

Что ж, Бобби, уверяю тебя, ты не еврей, что бы там ни говорили, – ни в коем случае! Ты не сионист и не большевик! Ты самый заурядный тип, обычный средний американец.

«Американский, как блинчик!» НО ВЕДЬ КОЕ-КТО НАДО МНОЙ СМЕЯЛСЯ... по низменным причинам, из-за нечистой совести.

Да пошли они к черту. Я один знаю, кто таков Бобби на самом деле. На что бы там ни намекала мне, опрометчиво и ошибочно, недавно почившая блистательная Госпожа Анита... что бы там ни говорил рабби Бухенвальд... но уж он-то, разумеется, был жииниинид.

И вот я стою на песке Святой Земли, держа за руку патриарха Авраама, и торжественно клянусь

похоронить все свои сомнения в песках Святого
Израиля:

– Я АМЕРИКАНЕЦ! БОЖЕ, БЛАГОСЛОВИ АМЕ-
РИКУ! А БОЛЬШЕ НИЧЕГО И НИКОГО!

Сны об Албании¹⁷⁰

Мы, четверо слуг, просыпаемся до рассвета; для всех нас разложена чистая гражданская одежда. Мы снимаем полосатые пижамы и надеваем брюки цвета хаки, рубашки кибуцников и кепи – не то шапочки лейбористов, не то ермолки¹⁷¹.

В Иудее это самое прекрасное время года: воздух влажный и медовый. Мы возбужденно сравниваем свои сны. Хотите верьте, хотите нет – всем четверым приснилось одно и то же! Мы видели сияющие цвета, но оттенки у каждого были свои. Альдо снились краски неаполитанского пирожного: зеленый, розовый и белый в сахарной глазури. Гансу и Фрицу – коричневый, серый и ржаво-иссиня-черный с пятнышками пронзительного свинцово-красного. Ну а я – я видел все в розовых и пастельных тонах, точно импрессионист французского разлива, в оттенках пруда с лилиями в утренней росе. И почти ни одной резкой или зябкой ноты.

Мы поражены. Сон оказался единым и неделимым, точно древний Бог и вера Израиля.

Вот наш сон о любви и далекой стране.

Я плыву в парусной лодке со своей возлюбленной – девушкой из Румбулы. Она красива и женственна в своем розовом девичестве. Мы приплыли из ледовитых Северных морей, сквозь стены безжалостной, непроглядной воды, серой, словно топкие нефтяные пятна. Впрочем, волны не угрожали и не нападали, а махали нам и пропускали.

Нам всегда тепло, хотя вокруг пронизывающий холод. И мы никогда не испытываем ни голода, ни жажды, ибо наш челн ведет Бог Всемогущий в Своей премудрой Благодати. Он сам выбрал для нас безопасный пункт назначения.

Итак, мы выходим из Северных морей, которыми правят викинги, и проплываем меж могучих Геркулесовых столпов в Гибралтарском проливе. Вступаем в бывшие владения Римской империи: *Mare Nostrum*¹⁷². Проплывая вдоль Варварского берега¹⁷³, минуем Сардинию, Сицилию и римские береговые пляжи.

Темные цвета океанских волн сменяются изумрудными и лазурными. Воздух благоуханный, дружелюбный, манящий. Нежные ветра гонят нас на юг, и, обогнув итальянский сапог, мы попадаем в Адриатическое море. Там ветра на время утихают, словно раздумывая, куда отправить нас дальше.

Лодка медленно скользит по мягким волнам. Словно магнитом, ее притягивает берег Албании с его белоснежными песками. Далекие шапки скалистых гор сияют алмазной голубизной, на их фоне проступают цветущий миндаль, апельсиновые и гранатовые деревья.

В небе не одно, а целых три солнца¹⁷⁴. Своими нежаркими лучами они слегка согревают и ласкают меня. Чайки снуют вокруг мачты, садятся на нее,

устав танцевать. Их крики похожи на соловьиные трели: они поют о ласковой привязанности, нежности, безмятежной любви и страсти.

Кожа у меня загорелая – бронзовая и упругая. Живот подтянут, кости гибки и эластичны. Ни следа ревматизма. А главное – я в здравом уме, и ничто меня не тревожит. Я открыт, добр, умен, чуток и поэтичен.

302

Кричат чайки, пируют черепахи, и рыбы, открыв рты, прикидываются, будто могут поймать птиц, мелькающих перед их распахнутыми челюстями. Летучие рыбы проделывают акробатические трюки, ныряя под животами своих сестриц в плещущих волнах. Они высоко подпрыгивают, чтобы поцеловать птиц, а те игриво гоняются за ними, взмахивая крыльями. Мы стоим на носу и в упоении наблюдаем за цирковыми номерами, которыми Природа услаждает наши органы чувств. Я обнимаю мою красавицу, мою шестнадцатилетнюю Любу, за талию и пышные бедра.

Пара черепах, мать и отец, выпрыгивают из волн и обращаются к нам. Просят кинуть буксирные тросы, чтобы они, черепахи, подтянули нашу лодку к идиллическому побережью. Наконец-то мы добрались до независимой, революционной Албании!¹⁷⁵

Моя славянско-еврейская красавица с соломенными волосами вздыхает и воркует, потрясенно и благодарно. Она снова видит! Смахивая пряди развевающихся золотистых волос со светло-карих глаз, она наслаждается видами прекрасной, дружелюбной, гостеприимной страны, где теперь, так долго пробыв под землей, вновь воскресла и возродилась.

Люба очень устала и измучилась за время путешествия обратно к жизни и свободе. В основном она спала на младенческом пуховом одеяле, которое набили перьями чайки для умершего ребенка.

Моллюски и морские ежи неуклюже, но целеустремленно взбирались по отвесным бортам и смиренно укладывались пред устами моей кудесницы, дожидаясь ее поцелуя. Они молили пропустить их между этими пухлыми приоткрытыми губами: пусть моя Любовь высосет их полностью, пусть к ней вернуться жизненные силы – силы, что отняли у нее другие, настоящие, кровожадные двуногие твари.

За все путешествие Люба не проронила ни слова. Да и о чем говорить? Изредка она поглядывала на меня – даже вглядывалась. Да, она и впрямь из тех странников, которых отправили в нью-йоркский Дом Аниты, – та самая шестнадцатилетняя девушка из Румбулы, что так злобно меня ругала.

Но сейчас она любит меня, как и много-много лет назад. Протягивает руку, гладит мою неопрятную лысеющую голову. Даже берет в руку мой рабочий инструмент и нежно его ласкает.

Над океаном ее орехово-изумрудных непроницаемых глаз, некогда взиравших в вечность, поднимаются облака грусти и сострадания. Эти глаза снова являются из румбульской ямы. Дабы милосердно обозреть, что случилось с этим человеком – со мной, кого высадили По Ту Сторону. С тем, кто спасся. Ну, или с тем, кого просто... пощадил.

Помимо цветовой гаммы наши четыре сна различаются и развязкой: Альдо в конце изгоняют из Албании в его родную Италию, а Ганса и Фрица

отправляют обратно в Германию (Западную, а не Восточную, где сейчас Польша).

Различаются и бывшие пассивы слуг.

У Альдо – крошечная темнокожая сицилийка, разорванная в клочья во время устрашающего налета союзников на миланских мирных жителей.

304 Возлюбленной Фрица была застенчивая несовершеннолетняя еврейка – дочка чопорного владельца канцелярского магазина через дорогу от Фрицева дома. Фриц, в ту пору очень скромный, если не сказать недоразвитый, годами лишь страстно взирал на нее и ни разу не рискнул даже поздороваться, не говоря уж о том, чтобы прикоснуться к ней. Девушка покоится на дне залитой водой ямы с пеплом, на семи ветрах в поле Освенцима.

Ну, а сокровищем Ганса была взрослая, стройная, сексапильная польская тростинка. Ганс был опытнее Фрица в искусстве ухаживания, но не решался заигрывать с ней, боясь неприятностей из-за нацистских правил: «расовым позором» считалась связь с «низшими» расами – не только с евреями, но и с поляками¹⁷⁶.

Эта возлюбленная тоже лежит в некоем безвестном фашистском поле, кое спустя тридцать лет так и не отыскали ни ученые-исследователи Свободного Мира, ни частные и государственные организации, разыскивающие военных преступников, ни средства массовой информации.

Товарищ Лысый Орел

На нашей планете множество пляжей. В северных широтах они приветливы только летом. В Арктике есть пляжи, которых я никогда не видел. Зато я видел северные бухты, где замерзшие волны высятся рядами монументальных скульптур.

На том роковом пляже Файер-Айленда в Нью-Йорке безжалостные сверхмощные волны с такой силой таранят беззащитный песок, что съедают и проглатывают его, расчищая себе путь для броска на Лонг-Айленд и Манхэттен.

Вдоль побережья Израиля протянулись обширные пески – не то чтобы красивые или сколько-нибудь живописные. Однако там маршировали филистимляне, рыбачило колено Завулоново, а древние финикийцы приставали к берегу на своих челноках. Ветхозаветный Илия прятался в пещере на горе Кармель от соплеменников-евреев, сидел среди запотевших скал, пока в небе носились летучие мыши, и лелеял возвышенные думы о нынешних и грядущих поколениях (правда, с весьма скромным успехом).

Я вспоминаю о жестоких пляжах Файер-Айленда не только из-за этих волн, но еще из-за Аниты, наказанной там за свои прегрешения. Сначала она вознеслась в высоту, а затем ее мгновенно поглотили недра земные – на веки вечные. Я пытался спасти ее от этой участи – почти как пророк Илия, обличавший грехи Израиля.

Разумеется, у меня ничего не получилось. Но именно это стало для меня уроком, и я извлек пользу из своего поражения. Лучшие качества человека проявляются на морском берегу, или в дикой пустыне, или на недоступных горных плато.

Албанский берег – вовсе не пляж захваченного Израиля с чередой цитаделей «Хилтон». Этот мирный приморский плацдарм – нечто совершенно иное, он перестал быть колонией Древнего Рима или кого бы то ни было еще. И хотя он может показаться крошечным, мирным и беззащитным, это единственное место на Земле, где сплоченному народу хватило сил, мужества и бесстрашия сказать всем решительное «НЕТ».

Черепahi высадили нас в крохотной защищенной бухточке, окаймленной кустами цветущей сирени, манговыми деревьями и тропическими банановыми зарослями с длинными и тяжелыми изогнутыми плодами.

Наступает ночь. Из-за океана появляется семейство огромных лысых орлов, перелетающих через горы. Один отделяется от группы и устремляется к моей Любе. Он садится рядом и оберегает ее такой важный целебный сон.

Возможно, орел защищает ее и от меня – ведь я живой представитель опасных двуногих тварей. Так что если вдруг этому животному/недобитку

втемяшится в извращенную голову украсть чутьчку невинности у спящей красавицы... Орел-водитель всегда начеку.

Пограничницы и таможенницы проверяют мой паспорт. Моя Любовь документов не имеет, но ее печально, понимающе и как бы виновато пропускают, повесив головы, когда она проходит мимо.

Я поневоле восхищаюсь молодыми, красивыми, здоровыми, оформившимися телами охранниц. Какие прекрасные, грушевидные, тугие, мускулистые, женственные груди! Какие крепкие, широкие, расправленные плечи поддерживают их длинные лебединые шеи! Девические торсы вырастают словно из ваз. Широкие бедра в военных походных штанах, на поясе туго затянутые патронташи. Ручные гранаты и автоматы, переброшенные через роскошные грудные клетки: ремни то сдавливают, то скользят поверх расцветающих грудей.

Красноармейские буденовки поднимаются на головах крутыми горными вершинами, что сходятся в одной точке могучим фаллосом горы Синай. Между пристегнутыми «ушами» – яркие красные эмалированные пятиконечные звезды с золотым лучистым серпом и молотом. Сверху полукругом ослепительно белыми буквами написано: «РЕСПУБЛИКА АЛБАНИЯ».

Для нас приготовили телегу: поводья держит красная амазонка с голой грудью. В повозку запряжены три украшенные гирляндами лани, которые проворно уносят нас вперед. По дороге мы любуемся прелестной страной – гравийными дорожками, садами и теплицами. Кажется, будто за

каждой пядью земли здесь умело и заботливо ухаживают. Я вижу, что моя Любовь успокаивается и кладет мне голову на грудь.

Мы встречаем процессию могучих слонов, что несут в хоботах большие бревна. Похоже, они учат трудолюбию своих неуклюжих младенцев – миниатюрных слоников, весело шагающих подле серьезных родителей.

308 Видимо, животные здесь радостно трудятся вместе, без присмотра людей.

Целый табун ослов, выстроившись гуськом, тащит тяжелые материалы на далекую стройплощадку на вершине горы, куда можно добраться только на вертолете. Приступая к работе, все ревет хором, словно жизнерадостный оркестр.

Караван рыжих албанских верблюдов недавно вернулся из утомительного похода через горы. Их горбы нагружены товарами, и со своей величавой высоты верблюды плюхаются прямо на ярко-зеленую траву, испещренную желтыми долинными цветами... дожидаясь, пока их развяжут стая сильных рабочих птиц.

Собаки тоже не сторожат дома, а приучены к труду (в этом раю все люди честны, так что сторожить больше нечего). Кошек перевоспитали, и они прозрели. Отказавшись от своей вековой игры, они больше не ловят и не мучают до смерти мышей. Теперь они взбираются на фруктовые деревья и усердно освобождают ветви от гнетущего их урожая.

А как же мыши? Даже албанские мыши приносят пользу, а не просто грызут краденое зерно или рис.

Мы движемся дальше, и проводник показывает нам памятные стеклянные сосуды, куда помеще-

ны Великие Усопшие этой нации: борцы за свободу, народные вожди и ученые, которые развили и обновили язык, – поэты, писатели, художники, скульпторы, музыканты. Там же хранятся останки инженеров и агрономов, героев труда и ремесел.

Однако никто из этих уважаемых людей не покоится с миром, лежа на спине. Все они стоят прямо, крепко сжимая соответствующие орудия и инструменты, оружие и снаряжение. Хоть они и мертвы, лица полны оптимизма. Большинство уверенно улыбаются стальными глазами, проникая взглядом завесу надежного будущего.

309

Затем мы подъезжаем к огороженной территории... к «территории любви», как поясняет наш возница.

За стенами обители пролетарской любви люди гуляют парами и целыми группами. Люди всех возрастов, включая самых юных. Встречаются даже отяжелевшие матроны, бабушки с дедушками и дряхлые старики.

Стар и млад затевает игры, бегают и спотыкается, ловит друг друга. Все ведут себя почтительно, перемешиваются и занимаются любовью в соответствии с собственным опытом.

Обнаженная четырнадцатилетняя девочка обнимает белобородого старца лет семидесяти. Мы идем вслед за ними по гравийной тропинке и наблюдаем, как девочка тянет и щекочет его за бороду. Старик краснеет как рак и волосатыми губами хватает подпрыгивающую грудь девочки, посасывая девичий сосочек. Она гладит его мотню, ржет, словно кобылица, и вдруг бросается к ближайшим кустам. Старик мчится за ней, пыхтя и отдуваясь, и вскоре мы слышим вздохи, рев и страстный рык.

Мимо проходят семейные группки с маленькими детьми. Старая матрона раздевается. В Нью-Йорке или в любом так называемом цивилизованном обществе она бы никогда не стала сексуальным объектом, но здесь мгновенно привлекает двух молодых обнаженных ребят, которые обнимают ее и щекочат до слез. Затем протестующую бабулю утаскивают за поросший кустарником холм.

310

Собаки, кошки и белки, живущие в парке, тоже бегают кругами, понарошку нападая, а потом замирают и со смертельной серьезностью спариваются. Птицы порхают в пряном воздухе над огороженной территорией, купаются в кристально-чистых ручьях и собирают спелые плоды, разложенные для людей. Пернатые тоже садятся друг на друга и спариваются, взъерошивая перья. Даже пчелы и мухи оживленно жужжат и оплодотворяют деревья и цветы.

С пухлых белых облаков, почему-то спускающихся с горных вершин, падают дождевые капли, которые тоже обнимаются, устремляясь к земле.

Неожиданно мимо нас проходит очень недвольный лев с тяжелой гривой, за которым следует мускулистая, жилистая львица. Из-за холма, покрытого сосняком, появляются бараны и овцы, бегут вслед за этой парой и в шутку бодают их острыми рогами. Лев и львица убегают... но за следующим поворотом посыпанной гравием дороги мы видим, как все эти животные падают на землю, задрав к небу животы. Рыча, мяукая и перекатываясь, блаженно вытягивая передние и задние лапы и копыта, они предаются межвидовому сексу.

Несколько мальчишек и девчонок подбегают, чтобы насладиться этим плодотворным зрелищем. Возбуждвшись, они плюхаются в траву и начинают весело трахаться. Из-за кустов слышатся стоны и крики девчонок, достигших оргазма.

Мы покидаем эту территорию... Я вижу, что моя Любовь отчасти потрясена увиденным. Она краснеет, берет меня за руку и крепко ее сжимает.

Мы едем дальше, и на караульном посту замечаем огромного Лысого Орла, высотой футов восемь, не меньше; Орел нервно поглядывает на часы. Повозка останавливается: очевидно, Орел нас заждался.

На его голове, покрытой белыми перьями, фуражка албанского офицера авиации. Через плечо-крыло переброшен кожаный ремешок с раздувшимся «дипломатом». Птица вымотана, но я замечаю в ней благородство довольно важного государственного чиновника. Выясняется, что товарищу Лысому Орлу предстоит заняться нашим просвещением.

(Позже, находясь между землей и небом, я узнал, почему товарищ Орел был так встревожен. Его любимая жена-орлиха как раз выполняла особое задание над Беринговым проливом, в полярных областях над Соединенными Штатами.)

Когда мы спускаемся с повозки, он вежливо кланяется и спрашивает нас:

– Вам понравилась поездка по нашему албанскому Эдему?

Мы киваем.

– С вашего любезного разрешения, мои почетные гости, позвольте сопровождать вас во время экскурсии. О нашей крошечной, но важной стране у вас наверняка возникнет множество вопро-

сов, которые вы пожелаете прояснить. Смело обращайтесь с ними к вашему покорному слуге.

При этом он взмахивает огромным крылом со стальными костями, достигающим пятнадцати футов.

Хорошо, что товарищ Орел не взмахнул обоими крылами, иначе бы он размазал меня вместе с моей возлюбленной по земле. Или подбросил в воздух, словно акробатов, запущенных из цирковой пушки! Однако он просто показывал на холмик, где можно присесть.

Парковые скамейки удобно расставлены, но для Орла они маловаты. Он опускается на землю и приглашает нас к себе на пернатые колени. Мы усаживаемся, точно послушные ученики.

– Что ж, ребята, какие у вас вопросы? Выкладывайте.

Моя девушка вовсе не горит желанием расспрашивать: она всегда была застенчивой, да и там, откуда она родом, вопросов не задают и никто на них не отвечает. Поэтому я начинаю с трех вопросов о послереволюционной Албании – о характере организованных и приятных занятий любовью, которые мы только что наблюдали, о революционном отношении к религии; и наконец, об особенностях культуры развлечений¹⁷⁷.

Товарищ Орел отвечает подробно и очень пространно. Я замечаю, что моя Любовь устает от разговоров, они ее не впечатляют... и она почти не слушает старую мудрую птицу. Когда Лысый Орел выразительно поводит крылом, моя девушка покачивается, словно юная цветущая березка под лаской весеннего ветерка. Глаза ее соловеют, будто она где-то далеко – возможно, в Румбуле. Это меня нервирует.

Поэтому, хотя я и рад бы задать большой птице множество вопросов, я ограничиваюсь последним:

– Почему в вашей стране запрещены искусства? Или нет?

Над этим рабби Лысому Орлу¹⁷⁸ не приходится размышлять. Он шевелит бедрами, на которых сидим я и моя Любовь, и некоторое время молчит, стараясь идеально сформулировать лаконичные мысли в своем прямом, простом и остром орлином мозгу.

– Искусства для нашего народа? Очень важны. Они формируют его ум. Но художник обладает оружием. Он держит в руках атомную бомбу, которую можно использовать во благо. Насколько мы способны его понять. Или же во зло. Однако мы не позволим никому, даже величайшему гению, уничтожить наш Труд... В западных странах Искусство не так важно. По большей части его заменяет потребление. Искусство все еще используется для формирования народного сознания, но, как правило, путем умышленного запутывания. Поскольку при демократии Искусство приравнено к товару, его главной функцией становится инвестиционная стоимость... Когда подобные инвестиции значительно возрастают, на рынок может порой просочиться даже серьезное, раздражающее произведение искусства, которое обычно отвергалось... Например, на нехудожественном уровне широкое распространение классических революционных сочинений становится прибыльным и потому не встречает препятствий. Это доказывает скептикам, что художественная и политическая свобода действительно существует... Но ситуация меняется на противоположную, если

подобные сочинения представляют опасность для системы. Стоит хоть немного нарушить общественное спокойствие, как демократия сбрасывает свою личину и превращается в фашистское государство.

Птица Яша

Внезапно на нас пикирует другая птица. Тоже Орел? Она летит зигзагами, по беспорядочной и опасной траектории... Мы видим, как она выполняет акробатическую петлю, как будто теряет управление и падает. Однако затем маленькое, но крепкое создание снова взмывает и в полете совершает пируэты русского «казачка».

Это не орел, а помесь множества пород, не птица, а «джокер» – беззаботный цирковой клоун, желающий нарушить торжественность албанского неба. Трудно сказать, что означают его выкрутасы – простую игру или самоубийственные воздушные трюки.

Птица опускается ниже и орет: «Бобка!» (Конечно, мне – а кому же еще?) Но я не понимаю, речь ли это. Поток заикания, какой-то исковерканный человеческий язык неясного происхождения, превращенный в птичий гогот. Впрочем, хотя из клюва вылетает грохот автоматной очереди, беспорядочно рассыпающийся вокруг нас, слово «Бобби» или «Бобка» я все же улавливаю¹⁷⁹.

Похоже, товарищ Лысый Орел не в восторге от этого грубого вторжения. Его наставительную речь прервали, и он объясняет нам, школьникам, сидящим у него на коленях:

316 – Дорогие товарищи Туристы, вы знакомы с Птицей Яшей? Он такой весельчак! С ним кто угодно подружится... Он иностранец, родом с Севера, но немного ку-ку! После того, что он пережил во время Великой Отечественной войны, у него немного помутился рассудок... В Ленинграде он водил сани с реактивным двигателем по льду Ладожского озера, доставляя продовольствие в осажденный, умирающий город-герой. Фашистская артиллерия бомбила нас с воздуха, но винты двигателей поднимали снег, который скрывал мишени... Сами понимаете, ездить вот так ночами напролет – не фунт изюму. Вокруг падали снаряды, лед трескался. Даже когда бомбы не достигали цели, многие сани тонули в ледяной воде, проваливаясь в пробитые полыньи... В общем, не удивительно, что он чокнулся! Ему далеко за шестьдесят, а он по-прежнему считает себя героем-любовником. Вместо того чтоб усердно трудиться на Партию и правительство, пьянствует и путается с бабами.

Товарищ Орел доверительно шепчет:

– Но что еще хуже, ему до смерти хочется эмигрировать в США! Можете себе представить? В Лас-Вегас – этот Содом и Гоморру! За недостатком информации, он считает этот город бесспорной сексуальной столицей капиталистического мира. Но мы-то, образованные птицы, понимаем, что подлинные чемпионы анархо-буржуазных излишеств – это Вена и Париж... Однако Птица Яша твердо решил посвятить оставшиеся дни, до са-

мой последней секунды, славной задаче доведения всего женского пола до экстаза. Он публично об этом заявил в своей официальной просьбе об эмиграции, обращенной к Партии... Полагаю, Центральный комитет разрешит этому уважаемому ветерану эмигрировать в Соединенные Штаты Греха, раз уж он так упорно об этом мечтает. Партия будет рада, когда Птица Яша наконец расквасится о соляные столпы этого Содома.

Малахольная птица пикирует, подражая немецкому «юнкерсу»¹⁸⁰, трясется и извивается, а затем чуть не таранит нас огромным торчащим членом-пушкой! Мы вцепляемся в колени Лысого Орла, когда Яша пролетает мимо с криком:

– Эй, Бобка, не узнаешь меня? Я же твой друг детства – Птица Яша! Теперь я космонавт, величайший воздушный ас! Ну если только водки не налижусь... Хотя после водки я взмываю еще выше!

Он выходит из отчаянного пике и сальто-мортале и неподвижно повисает в воздухе прямо над нами. Его пушка почти тычет мне в нос.

Товарищ Орел сердито щелкает клювом, пытаясь прогнать космонавта. Но тот не двигается с места. Лишь опять кувыркается, машет крыльями, работает лапами и без умолку говорит, говорит, говорит:

– Как я рад тебя видеть, живым и здоровым, вместе с твоей дамочкой. Может, ты и не захочешь меня уважить или даже вообще не узнаешь, я ведь пьяная Птица Яша. Ты-то теперь из еврейского высшего общества, образованный американский аристократ! А я хулиган и всегда им был. Раз уж ты хулиган, хулиганом и останешься, и я этого не стесняюсь. Пусть никто об этом не забывает, будь

он хоть из верхов, хоть из низов, и не относится ко мне с уважением! Ох, как я лют! Я ведь сын знаменитой знатной мадамы из Петербурга. Поэтому меня так тошнит от этой гладкой светской салонной трепотни... Знаешь, Бобби, когда я убежал воевать в Красную армию, они ведь сцапали моего родного отца. Он лежит в безымянной братской могиле недалеко от злосчастной Румбулы. В никем не воспетом Бикерниекском лесу, где покоится каких-то полторы тысячи человек...¹⁸¹ Представляешь, Бобка, мои гребаные кореша стали эсэсовцами! До сих пор их разыскиваю. Они прячутся в Нью-Йорке, куда я недавно летал – что греха таить, бухой. Чуть не задел их когтями. Но эти анархо-эсэсовские сволочи шмыгнули в метро!

В этот миг у меня в голове разражается катастрофа. Внутри черепа сшибаются могучие глыбы. Прямо в мозгу – грохот стремительной лавины!

К счастью, она не раздавила мне мозги. Голова у меня, слава богу, крепкая. Или, возможно, Господь Иегова, вызвавший камнепад, не хотел повредить мою рабскую макушку.

Похоже на рев Божьего ветра, порывы раскаленного пламени. На бомбардировку зажигательными бомбами проклятых городов – Гамбурга, Дрездена, Магдебурга.

Бог простил немцев – у Него были на то свои причины. Может, Он простит и выживших рабов? По каким-то своим причинам?

У меня в голове произошло... побивание камнями? Где я это видел? Что же я наблюдал?

Все палачи напились водки. Они хватают камни и швыряют их в... Откуда у меня в голове эти образы, эти имена? Почему там так яростно летают и сталкиваются каменные глыбы?

Мой друг Хайнц Маркус сидит на корточках – испуган, но держится. Он колет камни; камни палачей уже летят в него.

На него обрушивается целый град камней. Я вижу, что у него течет кровь, но он не убегает. Почему? Наверное, потому, что если убежит, попадет в расставленную ловушку: его застрелит какой-нибудь офицер за попытку к бегству.

Хайнц поднимает руки, защищая голову, но все равно не убегает.

319

Камни сыплются на него дождем, а прогуливающиеся рабочие пятаются. Зрелище не для слабонервных. Они возвращаются на свои жилые квартиры, к своим чердачным койкам.

Теперь уже у Хайнца нет выбора – он бежит. Отряд – за ним. Офицеры кричат и улюлюкают, будто на празднике. Он пытается спастись, и они отстают – ненамного, только чтобы долетел камень.

Хайнц бежит вокруг фабрики к бюро правления. Неужели ждет помощи оттуда? Он пытается влезть на деревянный забор. С другой стороны стоит охрана. Солдаты предупреждены и будут стрелять... он так и не перелезает.

Я бросил его на произвол судьбы, как и всех остальных. А что я мог сделать? Я ушел. Мы даже прогулялись мимо этого места вечером, на *Spaziergang*¹⁸² заключенных.

Назавтра я, Божий раб-плотник, получаю приказ сколотить из грубых досок гроб для своего друга.

Куда мне бежать от этих глыб, молотящих по мозгам? Как спастись вслед за Хайнцем Маркусом, который под градом камней пытался убежать и добрался до тюремного забора? Где его и прикончили.

Бежать больше некуда, дорогой мой Бобби.
Пусть сыплются камни.

Я держусь одной рукой за крыло Лысого Орла,
а другой обвиваю за талию свою Вечную Любовь.
Я ощущаю их силу. Холокост в голове разрывает
мозг в клочья.

320 Я поднимаю глаза к небу и... молюсь? Замечаю, что Лысый Орел – этот коммунист старой закалки – тоже задрал клюв. Его орлиные глаза зажмурились и увлажнились. На своем родном орлином языке он тараторит молитву о милосердии, мире и прощении.

Не молится лишь моя Любовь. Думаю, ей это незачем. Некому больше молиться. Ибо Всевышний обманул, предал ее.

Неожиданно камни в голове перестают сыпаться. Открывается занавес, и я вижу свою родную, хорошо знакомую улицу в Риге. Вижу ясно как никогда.

Я поднимаю глаза к небу и кричу Птице Яше:
– Да-да, Яша, я знаю тебя! Знаю и люблю!

Яша несказанно рад и явно польщен. Он доволен, что помог другу. А помог он многим¹⁸³.

Он взмывает в небо, уверенно взмахивая могучими крылами. Странно, как удивительно прямо он теперь летит! Постепенно уменьшаясь, Яша превращается в маленькую точку¹⁸⁴.

Проспект Цветущих Лимонов¹⁸⁵

Пока мы сидим с товарищем Орлом и провожаем взглядом птицу Яшу, перед нами вспархивает белая голубка мира и воркует, чтобы мы обратили внимание. В клюве она держит огромное письмо в ярко-красном конверте, которое роняет на колени Орлу.

Мы рассматриваем послание: на нем официальная печать с ленточкой и большим глубоко отпечатанным символом – буквой «Р», означающей «Революция».

Внутри лежит краткая записка: я и моя Любовь должны явиться в партбюро по адресу Проспект Цветущих Лимонов, дом 8. Надо принести с собой второй синий конверт (прилагается). Его можно открыть только по приказу руководства.

Как выясняется, номер 8 по Проспекту Цветущих Лимонов – крестьянская изба. Ее почти не видно за пышными розовыми кустами, но она и так ничем не примечательна и похожа на все прочие сельские домики, что встречались нам по пути.

Мы – я и моя Любовь – заходим в залу государственного учреждения. Она беленая и чистая, с грубо обтесанным крестьянским письменном столом и табуретами. На стенах официальные портреты во множестве: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и албанский вождь Энвер Ходжа. Также много изображений людей, которых я не знаю. В углу, кажется, Лев Троцкий. Китаец – Мао Цзэдун? Узнаю знаменитый посмертный портрет Че Гевары, где он похож на Христа¹⁸⁶.

За столом сидит пожилой чиновник профессорского вида с партизанской звездой в петлице. Он очень тепло с нами здоровается и с товарищеским воодушевлением пожимает нам руки. Потом, жестом приглашая сесть, заметно краснеет.

На столе симметрично лежат две папки. Одна очень толстая и пухлая – очевидно, собиралась годами, – и на ней стоит мое имя. Другая – тонкая, с именем моей возлюбленной.

В эту минуту я понимаю, что говорить нечего. Все уже давно записано. Мы чопорно встаем и через стол еще раз пожимаем руку чиновнику. Замечая, что его лысина еще краснее зардевшихся щек, я понимаю, что он похож на нашего директора школы Лёвенштамма. Тот был строгим, но добрым – таким прогрессивным консерватором.

Я низко кланяюсь ему, как предписано в гимназии, а он еще ниже кланяется мне на прощание. Моя Любовь, прервав незаконченный реверанс, тоже кланяется директору.

Мы выходим на проспект и садимся под цветущим горьким лимоном. Теперь можно вскрыть синий конверт.

Мы оба потрясены и растеряны. Она плачет. Меня душат слезы, но я их сдерживаю. Потом мы

овладеваем собой. Что мы можем сделать? Приказ есть приказ – так тому и быть. Нам предстоит разлука.

Расстаться с любимым человеком немислимо, но так тому и быть.

Я знаю, что в разлуке наша любовь станет еще сильнее. Она не оставит нас ни на минуту – ни в жизни, ни после смерти. Это уже доказано.

Ведь настоящая любовь духовна. Чем меньше физической близости, тем глубже любовь¹⁸⁷.

323

Я нежно обнимаю свою возлюбленную, и она тоже обвивает меня руками, ласково гладит по спине. Склоняет голову мне на грудь, и я кожей чувствую ее горячие слезы. Наверное, мы просидели так целый час, не проронив ни слова.

Я все гляжу в небо, всматриваюсь в горизонт, обрамленный скалистыми горами. Вглядываюсь в будущее, которое нас ожидает, – в небосвод, где мы в конечном счете воссоединимся. Мысленно я уже покинул мою Любовь.

Далеко в небе я замечаю точку, и она постепенно увеличивается. Плавно приближается к месту душераздирающего прощания, к моему эшафоту.

Товарищ Лысый Орел приземляется рядом и машет мне клювом. Я оставляю мою Любовь, в последний раз поцеловав ее волосы. Птица указывает, что я должен лечь ничком на землю и свернуться калачиком, словно младенец. Затем Орел обхватывает меня бедрами, расправляет крылья и взлетает. Я в последний раз оглядываюсь на мою Любовь, а затем из глаз брызжут слезы, которые застилают взор.

Моя Любовь стоит прямо. Ее волосы растрепал ветер, поднятый орлиными крыльями. Она машет рукой:

– Любимый! – и дыхание у нее перехватывает. – Кровинушка моя! Мозг мой, семя мое, слезы мои! – А затем кричит громче, чтобы я услышал: – Будь счастлив! Так тому и быть. Да будет так!

324

Орлы – горные птицы, и, устремляясь к нашему убежищу – Израилю и Иудее, – товарищ Орел пролетает над империей греков с цепочками гористых островов, над благоволящим царством Болгарским и Турцией.

Лысый Орел сказал, что по возможности старается не переносить людей над открытым морем.

Я хорошо узнал товарища Орла за время этого долгого путешествия. По ночам, когда мы отдыхали у костра на высоком плато или на вершине горы, его крылья защищали меня от суровых ветров. На своем безупречном английском он рассказывал об Орлином царстве, о своей любви и преданности единственному вольному и независимому племени людей – албанцам.

Товарищ Орел охотился, питался другими птицами, кроликами и даже змеями. Он предлагал поделиться и со мной – я бы приготовил на костре товарищеский ужин. Но так уж получилось, что я был не в настроении есть змеиные стейки и даже перепелок. Я перешел на вегетарианскую диету, и товарищ Орел собирал в сумку птичьи яйца, орехи и землянику. Он приносил мне горные плоды изысканного вкуса – я таких никогда в жизни не пробовал. Порой он даже доставлял мне живых коз – я их доил, а он затем совестливо возвращал их на то самое место, где они были пойманы.

Признаться, это чудесное приключение – полет на орлиных крыльях, мудрые речи моего друга, горы и небеса – вселили в меня энергию: мне ви-

делось, что я на особом задании. Я был при деле, ощущал себя мужчиной и, как ни прискорбно, вынужден признаться, что чуть не забыл свою пассию – свою Любовь, оставшуюся в Албании.

Но разве это преступно – дать себе короткую передышку? На время забыть о горестях? Даже мстительные и жестокие Боги Иудеи и Революции должны прощать своих сынов и рабов, если те изредка дают себе отдых.

Лысый Орел сказал, что, высадив меня на тель-авивском пляже, тотчас полетит на скалу Масада, где стоит древняя крепость. Он всегда останавливается там на недельку, чтобы восстановить силы после тяжелой работы. В крепости Масада иудейские революционеры покончили с собой, но не склонили головы перед Западом¹⁸⁸. Товарищ Орел сказал, что черпает силы из общения с душами этих погибших героев, спрашивает у них совета по нерешенным вопросам и питается изысканной горькой пищей долины Мертвого моря.

Одним словом, в ту ночь Лысый Орел высаживает меня близ отравленных пляжей Тель-Авива. Из множества прибрежных дискотек доносятся тревожные, беспокойные звуки. Дабы засечь вторжение смертельного врага, джипы с вооруженными людьми непрерывно освещают фарами и прожекторами береговую линию. Ночные лайнеры из Рима и Нью-Йорка заходят на посадку и низко проносятся над песками, устремляясь в сторону Лода¹⁸⁹.

Орел терпеть не может их скрежета, да и конкуренция его раздражает. Я вижу, что ему не терпится поскорее улететь, но при этом он не хочет бросать меня – своего нового друга.

Он нежно и по-мужски меня обнимает, обхватывая могучими крылами. Страстно целует в губы – хорошо, хоть не откусывает их клювом.

Так мы стоим довольно долго. Машины визжат в крошечной тьме на дороге в Яффу. Слезы Орла каплют мне на голову, собираются лужицей на выбритой борозде и стекают на грудь. Орел вздрагивает в затаенном спазме, и перья топорщатся от грусти.

326

– Какие новости принести мне в Албанию? Что рассказать вольным жителям страны?

– Больше ничего, товарищ. Просто скажи моей возлюбленной о моей любви и страсти. Защити и обними ее, расправь над моей девушкой сильные крыла. Страстно поцелуй мою Любовь и обласкай ее!

Он кивает и тяжело взлетает с приморского плацдарма. При этом его едва не засасывает реактивный двигатель «боинга».

Прыжок Джуди

Как мы очутились в Иудее? Наверняка знает наша Госпожа Джуди. Но даже когда мы убегали из Нью-Йорка, она ни словом не намекнула, не озвучила своих мыслей по этому поводу.

С первого же дня события разворачивались молниеносно, словно идеально спланированы и осуществлены мастером военной тактики.

Если Джуди и знает, ответ прочно запечатан в ее утробе, а с тех пор, как мы простились с Нью-Йорком, никто из нас и близко не подступал к этим вратам.

Она никогда не выходит из номера мотеля и круглыми сутками валяется в постели под одеялами.

Ночью дверь нашего гостиничного номера заперта, но днем постоянно открыта, хотя вовсе не по приказу нашей Госпожи Джуди (меня так и подмывает назвать ее «Госпожой Иудеи»).

Нет, Госпожа Иудеи не появлялась уже несколько дней. И нет, инспекций больше не проводят.

Время в обыденном смысле для нас остановилось, превратившись в последовательность неизвестных единиц измерения, выходящих за пределы нашего обычного понимания. Мне кажется, мы пребываем во времени Божьем, кое подчиняется собственным законам и руководствуется собственными соображениями, не поддающимися объяснению.

328

У нас такое чувство, что наши роли будут серьезно пересмотрены и больше не останется никаких рабов – только свободные граждане.

Тогда почему Джуди приехала сюда сама и привезла нас? В конце концов, устроить побег можно только неевреям – Гансу, Фрицу и Альдо.

На вершине ближайшего холма из вековой скалы торчит корявый ствол старой оливы. Я вижу его из окна номера. Да, я вижу его – и как прекрасно я его вижу!

Непосвященным лицо моей Госпожи может показаться заурядным. Но я-то знаю, что под сухой, прозаичной маской скрывается нечто иное. Она смотрит не на нас, а сквозь нас. Не на предметы в комнате, а сквозь них. Походка у нее тоже необычная. Я чувствую чрезвычайную упругость ее движений, экономию сил в малейшем жесте.

Однажды после полудня наконец раздаются приказы, резкие и отрывистые:

– К стенке, мудозвоны!

И:

– Достать муде из штанов!

Не успела она закончить, как мы уже почуяли, чем дело пахнет, и подчинились.

– Не колени, мудозвоны!

Она задирает юбку, обнажая пухлые алебастровые бедра в нейлоновых чулках. Наша Госпожа возвышается на платформах огненно-красных туфель.

Она раздвигает пальцами половые губы. Она громоздится над нами, точно памятник, и мы ошарашенно вглядываемся в ее необычайно красную плоть.

Это зрелище мы наблюдали уже множество раз, но никогда – с таким колоссальным накалом. Наша Хозяйка поворачивается, чтобы каждый из нас хорошо рассмотрел.

Слишком остро ощущение, будто я пронзаю ее глазами, проникаю взглядом в глубь вагины. Мои глаза вылезают из орбит и продвигаются дальше по туннелю, за пределы привычного поля зрения. Я вижу, как из отверстия хлещет фонтан красной крови, которая заливает, душит и топит меня под своим каскадом.

Госпожа Джуди бледнеет.

– Смотрите внимательно, мудозвоны, больше вы этого не увидите. – Она, похоже, смертельно серьезна.

Мы извиваемся на полу в безумном экстазе, тараторя что-то нечленораздельное, а она вопит:

– Теперь кончайте!

Мы сразу же извергаем семя, кончая струями на твердый каменный пол. Наши руки дрожат, и мы бьемся головой о пол, мало-помалу отходя от оргазма.

Мы постепенно приходим в чувство, туман рассеивается. Госпожи нет. Мы валяемся на полу в полусне, голова идет кругом, мысли далеки от реальности.

Через пару минут она возвращается – на ней бело-синий костюм, как в самолете. Ногой она размазывает сперму, разбрызганную по каменному полу: та скрипит, как песок, трущийся о камень.

На большом подносе Госпожа несет четыре полных до краев бокала, раздает их нам и говорит:

330

– Слушайте внимательно! Может показаться, что это молочный коктейль или шоколадное молоко с содовой, но это не так. В нем моя моча и мое дерьмо (об этом свидетельствует коричневая окраска). Еще пара капелек из моей вагины – я как раз мастурбировала. Пенка сверху – это моя слюна. В каждом бокале – немного слез, пролитых, когда я вспоминала ваш экстаз... Будь в моей груди молоко, я бы добавила и его, но у вашей матери больше нет молока... Ну а теперь выпейте его, мудозвоны! Отведайте напоследок моих соков.

Мы повинемся. Это восхитительный, пикантный напиток – эликсир богов, солоноватый и уравновешенный едкой кислотой.

– Прислонитесь к стене и передохните, – приказывает Джуди Стоун, когда мы все допиваем. Она осторожно сбрасывает с себя синее платье, раскладывает его на кровати, а затем снимает и складывает нижнее белье и остается в одних красных туфлях на платформе.

Наконец она скидывает и этот последний признак своего статуса и предстает перед нами обнаженной, безо всяких фетишистских украшений. Она красивая, здоровая, матерая, простая, гордая, заурядная баба. Крестьянка.

Мы никогда раньше не видели свою Госпожу такой и смотрим на нее с благоговением.

Затем она надевает простой черный сплошной купальник, подбирает красные туфли и босиком шагает к двери.

– Наденьте трусы, – тихо приказывает она.

Смиренные и босые, мы проходим через вестибюль гостиницы, переполненный людьми. На стенах висят растяжки с девизами спецназовцев и десантников: «В Крови Иудея пала – в Крови Иудея восстанет!»

Мы подходим к открытому бассейну, где плавает горстка людей. Поблизости разместился военный оркестр. Он играет, а мужской хор поет первый куплет песни партизан из гетто:

– «Не говори, что ты идешь в последний путь»¹⁹⁰.

У них за спиной – вечеряющее небо Иудеи, с гаммой оттенков от свинцово-серого до голубовато-металлического. Дальше голые скалистые холмы и крутые, гибельные овраги окрашиваются темно-розовыми пятнами – иудейские «сумерки богов»¹⁹¹.

– Зайдите в бассейн, мальчики, – как-то даже ласково шепчет нам Госпожа. Она слегка запыхалась, точно смущенная молоденькая девушка, оставшаяся одна в мужской компании. – Выстройтесь в воде напротив стенки. Не сводите с меня взгляда.

Мы делаем, как она просит. Госпожа взбирается на трамплин и продолжает нас инструктировать:

– Как только я подпрыгну, поскорее переплывите бассейн... и бегите! Бегите к холмам. Туда, где заходит солнце! Не останавливайтесь и не оглядывайтесь. Просто бегите, и все – даже не останавливайтесь, чтобы перевести дыхание... И если Бог даст, вы вырветесь на свободу.

Песня десантников заканчивается. Когда Госпожа поднимает руки над головой, я слышу, как капельмейстер спрашивает:

– Не могли бы все встать?

Он говорит на иврите, а затем опять по-английски:

– В завершение мы хотим еще раз исполнить трагическую еврейскую партизанскую песню «Не говори, что ты идешь в последний путь», а затем сионистский гимн «Атиква» – «Надежда»¹⁹².

332

Все встают, дабы петь хором.

Госпожа Джуди застыла на трамплине. Я вижу, как она легко раскачивается в такт движениям доски. Люди затягивают первый куплет песни, моя Госпожа прыгает...

...и глухо шлепается на бетон – словно грейпфрут шмякнулся об асфальт после долгого падения из окна небоскреба. Затем хлюпанье. Она умышленно прыгнула вбок.

Согласно приказу, мы лихорадочно выбираемся из бассейна. Затем, как безумные, несемся сквозь толчею. Перепрыгиваем через забор, перебегаем асфальтированное шоссе и бросаемся врассыпную в скалистых холмах бесплодной Иудейской пустыни.

Мои босые ноги исцарапаны и окровавлены, но я бегу, памятуя приказ моей Госпожи: «Бегите! Бегите и не оглядывайтесь!»¹⁹³ Я вижу Альдо и Фрица, а слева невдалеке – Ганса.

Мы все бежим порознь, но в одну сторону – на восток, прочь от заходящего солнца. Словно стараясь свести к минимуму вероятность того, что мы все погибнем в одном месте. Давая судьбе шанс проявить милосердие и позволить спастись хотя бы одному.

Наконец-то на свободе

На бегу я замечаю человека, который идет впереди в ту же сторону. На нем тяжелая черная одежда – наверное, бедуин.

Он оборачивается и возбужденно машет мне рукой, видимо, подзывая. Его голубые глаза блестят в лучах вечернего солнца.

Поскольку меня приучили подчиняться приказам, я бегу к нему.

Но вдруг понимаю, что мои Хозяйки умерли, и это уже навсегда.

Я чувствую, что готов отдаться новому Хозяину¹⁹⁴, однако невероятно мощная сила, что поднимается словно из глубин земли и опрокидывает мою собственную волю, исторгает из меня крик:

– НЕТ!

Я, пожалуй, пробегу мимо, и все. Мне даже не приходит в голову, что он может преградить мне путь.

Бедуин гаркает по-немецки с сильно гортанной арабской интонацией:

– Сюда, еврей! Ко мне сию секунду!

Мне кажется, это сон. Но я и впрямь бегу, а бедуин и впрямь стоит среди скал.

Я останавливаюсь, когда он из-под тяжелых черных одежд достает меч. Я потратил последние силы на крик и даже доволен – я больше не пытаюсь бежать, не осталось желания сопротивляться.

Бедуин быстро подходит, сердито говорит:

– Ты сказал «НЕТ», Бобби! – и пронзает мне горло мечом.

334

Моя шея обнажена – я стоял прямо, высоко подняв голову. Меч протыкает горло, разрывает его, и это приятно, такая блаженная боль, подобного наслаждения я не испытывал еще никогда: даже лучше, чем наказания Хозяек.

Я понимаю, что это мое последнее и величайшее наказание, заслуженная кара за бунт. Теперь моя служба окончена – решительно и бесповоротно.

Я падаю и медленно умираю, истекая кровью скромного слуги на гордую скалистую иудейскую землю. Бедуин гонится за Альдо, а тот убегает, бабьим голоском выкрикивая: «Нет, нет, нет, нет!». Затем бедуин устремляется к Фрицу, стоящему на вершине холма.

Мчась дальше на восток, Фриц тоже вопит посреди голой пустыни:

– *Nein, nein, nein!*¹⁹⁵

Араб-бедуин семенит за ним, словно пьяный или побитый; он сбит с толку этим последним бунтом рабов любви¹⁹⁶, но все равно тщится догнать моих коллег. А те вскоре отрываются от него и спасены.

На вершине скалистого холма лежит тело моей последней Хозяйки, Госпожи Джуди Стоун, уже убранный из бассейна. Танк без танкиста ездит

туда-сюда по телу, расплющивая его, пока не останется лишь мокрое место.

На соседнем холме стоят ее блестящие красные туфли – огромный монумент на фоне неба. Они отражают красные лучи заходящего солнца.

Я знаю, что моя Госпожа хотела именно таких похорон. Чтобы ее превратили в тонкий блин из мокрой и склизкой каменной крошки, раздавив стальными гусеницами мощного и беспощадного танка, принадлежащего ее народу.

335

Выполнив свою работу, танк без танкиста, со звездой Давида на боку, катится вниз по каменистому холму с редкими былинками, продолжая со скрежетом дробить камни.

Дажедохлый, я бегу за танком что есть мочи. Догоняю его и, без труда подтянувшись, запрыгиваю в открытый люк. И вот я, мертвец, веду боевую машину, стоя в башне и устремляя взор на восток – за реку Иордан, к пустынным Моавским горам.

Нет ничего необычного в том, что покойник ведет израильскую бронированную машину: всем известно, что победоносной военной техникой со звездами Давида на суше, на море и в воздухе прекрасно управляют те, чьи останки давно истлели в безымянных ямах, в неприветливой земле далекого Севера.

Как, выходит, мне повезло, если я могу ука- тить в вечность на этом танке, точно знаящем, куда держать путь! Я медленно, но верно еду на неутихающий смертный бой; я надежно защищен в брюхе еврейского танка, словно в материнской утробе.

Как же мне повезло, если я, хоть и вовсе не принадлежу к этой нации, кою некогда считали проклятой... тем не менее...

Я человек, и не более того – сын «не такого уж доброго человека». Ни избранный, ни проклятый. Я «интернационалист», человек идеального будущего, а не частичка какого-нибудь тараканьего племени или группки! Я тот безматерный ублюдок, что принадлежит всему миру – и никому не принадлежит. Я вечно дожидаюсь снаружи в коридорах учреждений – интернационально *ничейный*.

336

Но так ли это? Взгляните вон на ту вершину холма, где посреди вековых скал торчит корявый ствол оливы. Да, как прекрасно я теперь вижу, к чему принадлежу! Я веточка, только что отломанная от большой, перегруженной, тяжелой ветви векового иудейского ствола.

Пусть отдаленно, но я все же связан с этим деревом – принадлежу ему. Как мне повезло, что я не разделил участь погибших в фашистских ямах, но вежливо покорился, точнее, покорно служил. А теперь, взбунтовавшись, одержал своего рода победу.

На этом непобедимом танке я проезжаю по труппу своей Госпожи Неволы. Хоть я и покойник, зато наконец на свободе.

**Кода. Письмо Ханны Поланитцер
к Джуди Стоун**

Уважаемая Госпожа Джуди Стоун!

Надеюсь, Вы не сочтете неуместным, если я черкну Вам пару строк. Вообще-то, я не так уж хорошо знакома с Вами: мы связаны главным образом потому, что я мечтала о Вас как о предмете искусства, Объекте Джуди. Кто знает, если бы история приняла иной оборот, возможно, Вы даже насладились бы мною, как наша Госпожа Анита.

Но в каждом из нас таятся неисполненные желания, которые могут возродиться в благоприятных условиях. Мы с Вами были слишком похожи – обе еврейские девушки, какой уж тут огонь страсти! К тому же при Аните это было бы неприлично. Я всегда буду помнить ее. Она была для меня настоящей матерью – она одна внесла в мою жизнь порядок. По натуре я такая неорганизованная – вы не поверите!

Но она ушла и больше не вернется на эту грустную планету. Наверное, в глубине души она жела-

ла окончить свои дни в недрах земных – ведь совершенство не выносит разреженного воздуха в небесах.

Я присматриваю за территорией Учреждения. Оно стало кооперативным. Если Вы не знаете, это означает, что каждый жилец – владелец своей квартиры. Но есть еще и коллектив, или кооператив. Поэтому, хоть я и законная владелица, хочу Вам сообщить, что всегда готова возвратить Учреждение к его корням.

338

Бесконечные коридоры и бесчисленные комнаты безлюдны. Радостный шум большой семьи утих. Я не слышу ни смеха слуг, ни стука хозяйских сапог по паркету. Люди из Румбулы испарились. Ходят слухи, они сыграли важную роль в уличных боях, на самых опасных участках. Возможно, теперь они взаправду погибли. Пусть же они обретут вечный покой и наконец отвяжутся от нас!

Я убрала из кабинета Аниты весь мемориальный хлам. Обстановка у нас стала еще минималистичнее. Какое великолепное пространство для образовательных заседаний с последующими эротико-хирургическими развлечениями на белом пластиковом столе, который я держу в чистоте.

Я загораю, сидя в мягком кресле у окон Большого зала, откуда видно царящее снаружи запустение. Вереницы жилых домов, конторских зданий и небоскребов – всей этой гордости Нью-Йорка больше нет. Тут и там сквозь окна проглядывают стальные остовы. Зрелище тягостное, но по-своему эстетичны нечаянные необычные композиции – особенно по контрасту с роскошной пустотой внутри нашего Дома.

Знакомому Вам Нью-Йорку пришел конец¹⁹⁷. Хотя, как ни странно, многие фешенебельные районы уцелели, например, наш Верхний Уэст-Сайд в районе Сентрал-Парк-Уэст. В остальном же Уэст-Сайд сгорел дотла.

Вряд ли дело в том, что одни кирпичные дома были огнеупорнее других, поскольку все греко-римские суды и правительственные здания на Фоли-сквер стерты с лица земли. Ратуша сгорела и превратилась в груды пепла. Исчезли и многоуровневые конторские здания на Авеню Америк, а также «Пан-Ам», Эмпайр-Стейт, башни Хелмсли и Трампа и башни-близнецы. Даже их золу развеял ветер.

В общем, не осталось ничего – что, конечно, удобно для реконструкции, которая воспоследует... или не воспоследует.

Как же это произошло? Был ли вообще пожар? Возможно, история с пожаром – выдумка? Пожар – или целый пожарище? Все мы видели огненно-красное небо над городом, но не заметили никакого дыма.

Ясно одно: никто не знает. Или никто не говорит? Но почему сотни тысяч людей, все еще проживающих в разных районах Нью-Йорка, держат рот на замке?

Думаю, знают кое-какие старые бородатые раввины из иерусалимских и цфатских ешивот¹⁹⁸, хоть они никогда и не бывали в Нью-Йорке. Когда я молча задумываюсь о трагической гибели города, на их понимающих лицах мне чудится румянец. А в их глазах – что-то страшное. Вы же знаете, люди общаются не только при помощи слов.

Однако эти мудрые раввины все равно не проговорятся. У духовенства тоже есть свои политические соображения. Папа римский у себя в

Ватикане, вечно озабоченный общественным резонансом, ни словом об этом не обмолвился, хотя ему всегда есть что сказать по любому поводу. Он поцеловал икону Божьей Матери из Ченстоховы, эту закопченную Мадонну¹⁹⁹, но промолчал о Нью-Йорке.

340

Как такой огромный город мог сгореть практически дотла? Ведь не было ни ядерного удара, ни воздушной бомбардировки. Никто, похоже, не знает, как погиб старый Нью-Йорк. Не понимают даже свидетели и уцелевшие. Столько вопросов, на которые нет ответа.

Возможно, на то была воля доброго Боженьки – как при разрушении Содома и Гоморры или извержении Везувия. Тем не менее множество нью-йоркцев выжило. Не все же они были грешниками. Даже в Содоме и Гоморре одна семья спаслась – семья Лота, хоть его жена и обратилась в соляной столп посреди окаменевших деревьев в долине Мертвого моря в Израиле.

Так что поневоле начинаешь ломать голову над вопросом: что же такое грех? Я по-прежнему не знаю. Однако скажу, что Нью-Йорк, который я знала, прежний Нью-Йорк был откровенно греховным. Тот, кто, подобно мне, сумел бы проникнуть под его оболочку, получил бы полное представление о его прогнившем нутре.

Неопрровержимый факт заключается в том, что Нью-Йорк самовоспламенился. Видимо, так оно и случилось, хотя это и напоминает байку идишского писателя И. Б. Зингера.

Новые власти нью-йоркской пустыни хранят гробовое молчание о физических причинах пожара. Если и были поджигатели. Пресса строит догадки о том, что поджог совершили новые ра-

дикальные фашистские группы, возмущенные эмансипацией властных нью-йоркских женщин. Но это вовсе не объяснения, лишь умозрительные толкования гибели Нью-Йорка: если оправдать ее классовой борьбой или этническими конфликтами, она становится исторически неизбежной.

Когда-то наши газеты пухли от рекламы и сплетен, но теперь не осталось товаров – нечего рекламировать. Древесина, из которой изготавливают бумагу, требуется для реконструкции. По той же причине не достать и туалетной бумаги. Поэтому у наших возрожденных правительственных, партийных и профсоюзных газет такой куцей формат. Однако нынче всю прессу контролируют как полагается.

В общем, скоро начнется то, что наша новая самопровозглашенная власть именует «пролетарской реконструкцией». Даже не придется расчищать завалы. А пепел девственно чист... Впрочем, новому режиму понадобится немало времени, чтобы восстановить свой уничтоженный электорат – рабочих и бедноту.

Мы как бы живем взаимы у времени, но это не означает, что такая жизнь не может быть творческой. Мы продолжаем жить на всю картушку²⁰⁰, но тихо, без апокалиптических всплесков.

Любая возможность получить удовольствие используется по максимуму. Мы действуем медленно и спокойно, убеждая себя, что впереди еще очень много светлых и счастливых дней. Привлекать к себе внимание неразумно – лучше не будить сторожевых псов революции.

Крупнейшая проблема в том, чтобы заставить город снова функционировать – как превратить низшие классы в наиболее эффективный инстру-

мент восстановления... Но довольно, я больше ни слова об этом не скажу. Первым делом я должна переквалифицироваться в «рабочего художника». Если получится, вновь стану членом своей любимой группировки. Мой послужной список безукоризнен – я ведь никогда не работала с живыми художниками, только с мертвыми.

К тому же арт-бизнес сейчас на подъеме! Богачи стремительно разоряются, но их сокровища не переходят к пролетариату. За пару картофелин можно купить коллекционного Пикассо. Целую грудку поп-арта приобрести за десяток сигарет! У меня по-прежнему отличные связи, так что я добываю кучу продуктов с черного Лонг-Айленда. Представляете? Чернокожие фермеры с Лонг-Айленда – ныне самый привилегированный класс. Но за искусство они не дадут и куриного перышка.

Несмотря на эгалитарную революцию, эти фермеры по-прежнему мечтают о свежей белой трещине. Поэтому я расплачиваюсь не наличными, а юными почетными израэлиточками. Впрочем, это даже не суть, любое белое мясо – ходкий товар. Обездоленные родители рады избавиться от лишнего рта за полмешка картошки. Свежий воздух и деревенская жизнь городским девушкам на пользу, Вы согласны?

Больше всего меня беспокоит, куда спрятать коллекцию произведений искусства, которую я собираю на будущее. Если правительство пересмотрит свое отношение к авангарду, я пожертвую ее какому-нибудь новому музею. Даже если ничего не заработаю, им придется внести ценную поправку в мои документы: «пролетарского происхождения».

Словом, культурная жизнь в загоне. Музеев не осталось, а шедеврами искусства затыкают дыры

в развалинах. Последние служат пристанищами для множества бездомных и гаражами для повозок и лошадей.

Частных галеристов отправили в центры по переподготовке. Некоторым не повезло еще больше, и они угодили в лапы мятежных радикальных художников.

Между прочим, ваш доктор Гельдпейер по-прежнему пылится в подвале нашего Учреждения. Этот интеллектуальный Геббельс дожидается своего часа, когда его наконец разморозят – и он наденет мятежную революционную личину. Возможно, когда ветер культурной чистки промчится стороной, он снова добьется признания как проверенный, экстравагантный левый интеллектуал.

В Нью-Йорке больше нет туристов. Каждые выходные жителей принуждают к «добровольному труду», и они расчищают завалы, оставшиеся после пожаров.

Раз в неделю Иван на своей телеге отвозит меня на Лонг-Айленд. Бензина в городе нет, так что это весьма удобно. Иван прекрасно умеет договариваться с ополченцами на блокпостах и таскать мешки с картошкой.

Он также отлично успокаивает очаровательную белую требуху. Странно, до чего эти бывшие богатенькие девушки боятся грубых чернокожих мужчин – те ведь все равно их трахали с семи лет, причем с родительского одобрения.

Самые счастливые дни в моей жизни – когда я была привилегированным заключенным в Доме Аниты. Даже Вы, Джуди, хоть и безвылазно сидели в прачечной, все равно обожали такую жизнь, разве нет? Как хорошо я справлялась со своими секретарскими обязанностями! Когда я делала

успехи, Анита всегда щипала меня под юбкой. Это было так давно – словно в другой жизни. Но в этом Доме все напоминает мне о былой роскоши.

Пусть же Анита вечно излучает мудрость и красоту. Где бы ни была. Она не умерла – во всяком случае, для меня. Поэтому смиренно прошу Вас во имя Аниты забыть прошлые обиды. Ее решение Вас продать – целиком моя вина.

344

Позволю себе отметить, что Вы никогда не стали бы Госпожой Джуди Стоун, если бы Вас не выпестовала Анита. В этой выродившейся пустыне дело Аниты – наше дело – остается единственной путеводной звездой.

Я мечтаю о невозможном и от всей души, как добрая еврейская домохозяйка, говорю Вам: Джуди, поскорее возвращайтесь! Наше опрятное Учреждение блестит чистотой. Ваше жилище дожидается Вас, благоухая кнедликами и куриным супом.

Еще раз прошу меня простить за дурацкую привязанность к Вам как предмету Искусства. Корыстолюбие, конечно, сыграло роль, но отнюдь не главную. Проявите же великодушие и не судите строго женщину, фанатично преданную Искусству!

Я собиралась установить Вашу статую на земле наших праотцев. Только представьте, как красиво смотрелся бы Объект Джуди в иерусалимском Скульптурном саду Билли Роуза!²⁰¹ Наши предки кланялись в эту сторону с незапамятных времен – вообразите, как Вас экспонируют у врат нашего вечного города!

Я думаю о Вас, и мне хочется плакать. Я чувствую себя не только Вашей сестрой, но и матерью. Вы – одна из моей дочерей, Джуди. От

всей души желаю Вам огромных успехов в вашей иудейской аванюре и уверена, что Вы самоотверженно и беззаветно продолжаете культурно совершенствовать наш народ.

Искренне Ваша,
Ханна Поланитцер

Послесловие

**НЕ ЗАБЫТЬ ПОЗВОНИТЬ
МОЕЙ ЛЮБЕ**

Два сна

349

27 февраля 1982 года

Как обычно, я занимаю несколько разных квартир, в том числе одну или несколько в самом Париже. Надолго я нигде не останавливаюсь, а в некоторых квартирах не бываю вовсе.

Что самое непостижимое, моя родная мать живет по соседству с одной из квартир, где я изредка бываю, – в Кайзервальде, Межапарксе под Ригой²⁰². Квартира расположена в конце мощеной автострады длиной в несколько миль, которую здесь называют «шоссе». По этой дороге мне приходится брести ночью, взвалив на себя узлы, тяжелые сувениры и рассыпающиеся рукописи.

Квартира, которую я занимаю, – всего в нескольких кварталах от Кишозера, где я впервые увидел утопленника. Купальщики пытались его откачать, но безуспешно: он погиб. Это озеро в двух шагах от элегантной каменной виллы в пастельных тонах, где живет Люба, моя любимая.

У меня была назначена встреча с моей редакторшей, которая пытается улучшить мою неполную книгу воспоминаний «Дом Аниты». Я принес с собой все свои рукописи в тяжелом узле. Идти пришлось долго – все бумаги перепутались.

Отчего-то я не попадаю на встречу со своим редактором-Анитой. Со своей раздрызганной носшей вновь добираюсь до дома; моя неоплаченная съемная квартира расположена в подвале.

350 Я спускаюсь туда по изогнутой лестнице. Дочь хозяйина-латыша спускается и поднимается по домашним надобностям, абсолютно не считаясь с моим присутствием. Как будто в подвале никто не живет. Впрочем, хозяин не спрашивал меня об оплате уже несколько месяцев. Сам я тоже не предлагал ему заплатить.

Возможно, они больше не признают во мне жильца. Наверное, считают каким-то неуловимым призраком, я то появляюсь, то исчезаю – вроде тех, что бывали в годы войны. Так что я – совершенно традиционная, общепризнанная ходячая ошибка природы.

Пытаюсь собрать все свои рукописи и сувениры, но они распакованы по разным картонным коробкам и папкам с неточными или противоречивыми пометками. Навести порядок я не в силах.

У меня в комнате – наша бывшая служанка, деbeatая Броня, и христианская девушка – дочка хозяйина, которая одевает, дрессирует и наряжает Броню скаковой лошадей. Деревенская баба всерьез собирается выставить себя на продажу на скотном рынке и всячески рекламировать свой товар.

На Броне искусно завитой и уложенный парик платиновой блондинки, волосы – в милую длинную... или, может, это ее обычные волосы вдруг стали роскошными? Она сильно покрашена темными тенями и шелковистой пудрой и похожа на бурлескную хабалку в роли роковой женщины. Наша босоногая кухарка преобразилась. Смахи-

вает на сексуальную кошечку из американского журнала – точнее (раз уж она дородная полька), на сексуальную телку.

Я даже как будто ревную. Конечно, я понимаю, что наши с ней отношения – примитивный подростковый роман, но расцветающему шестнадцатилетнему парню было неприятно оказаться на моем месте в плане секса. Так что я опять ее упускаю – сам виноват, я ею пренебрег и упускаю этот сочный гойский запретный плод дразнящей женственности, который трещит по швам, стараюсь выгоднее себя продать.

Впрочем, я пришел в Кайзервальд вовсе не за сексапильной Броней.

Пока дочка хозяина связывает, растягивает и четвертует Броню, чтобы сервировать ее для кого-то другого, я сижу за кухонным столом со своим полуфабрикатом из супермаркета.

В упаковке птичка – какая-то дичь. У нее туловище человечка и цыплячьи крылья. Надо ее выпотрошить, но я не могу себя заставить. Я не прочь съесть курицу за этим столом, но брезгую: слишком уж она напоминает младенца. Меня самого.

К тому же нет подходящего ножа – лишь инструмент, похожий на стамеску. Он тупой, без ручки, и за металл не ухватишься.

Я прошу Броню и девушку помочь. Они привыкли к грубой кухонной работе – у них-то большой опыт потрошения живых существ. Девушки совещаются.

Наконец, они решают так: раз уж каждый сам себе купил ужин, пусть каждый сам себе и готовит. Таковы правила демократии. Движение за освобождение женщин наложило идеологический отпечаток и на отталкивающий кухонный труд.

Очевидно, у меня больше нет привилегий, хоть я и сын хозяина. К тому же, я начинаю подозревать, что сейчас я всего-навсего еврей и, возможно, здесь прячусь.

Я оставляю свою птичку-младенчика на кухонном столе. Естественно, я не могу потрошить человека-птицу – возможно, даже самого себя.

352

Тут мне приходит в голову, что, раз уж я в Кайзервальде, нужно наконец позвонить моей Любе – она живет в двух шагах. Я знаю, что она получила тяжелую травму, когда ее убивали в Румбуле. Неудивительно, что теперь она ведет себя странно. Скорее всего, до сих пор страдает от физических и душевных увечий. Поэтому я и смущался звонить – а вот сейчас пора.

Ее местонахождение никогда не было для меня тайной. Она живет одна, точнее, с матерью, на той же самой вилле. Даже номер телефона не изменился.

Так почему бы не позвонить ей прямо сейчас? Мои рукописи и сувениры в полном беспорядке. Броню я не интересую: она не помогает мне потрошить и готовить младенчика-цыпленка. С каждым днем я занимаю и не занимаю все больше квартир, разбросанных по карте мира. Нигде я не чувствую себя дома. Так почему же не взять трубку и не наладить отношения с Любой?

Конечно, разговор будет трудным, учитывая ее нынешнее состояние – предположительно тяжелую инвалидность и психическое расстройство. Но почему не покончить с этим раз и навсегда и не позвонить ей сию же минуту?

Тут я просыпаюсь и повторяю про себя, твержу себе, чтобы не забыть, уже наяву: я непременно должен сегодня же позвонить моей Любе.

15 марта 1983 года

Моя мертвая Люба позвонила мне по межгороду из 1941 года с места казни в Румбуле, но связь тут же прервалась, а телефонистка сказала по-русски:

– Вы ошиблись абонентом. Ошибка связи.

А затем добавила:

– Вы ошиблись временем. У нас 1941 год, а у вас в США 1491-й.

КОММЕНТАРИИ

1 Впервые в научный оборот термин «садомазохизм» был введен австрийским психоаналитиком Исидором Задгером в работе «Относительно садомазохистического комплекса» в 1913 году. По иронии судьбы, Задгер погиб в 1942 году в концентрационном лагере Терезиенштадт.

2 «Капо» – «голова» или «глава» по-итальянски; по-немецки это бы звучало как «Копф». «Капо» – сокращение от *Kamaradischfts Politzei*, что примерно переводится как “товарищеская полиция”. Капо мог быть немецким заключенным, отбывающим наказание за неполитическое преступление. Некоторые из них пытались облегчить судьбу товарищей по несчастью, но большинство верно служили СС». (Nyszli, Miklos. *Auschwitz*. New York: Arcade Publishing, 2011. с. 43.)

3 Писатель Рон Розенбаум, хотя и не соглашается со многими гипотезами касательно паранатии Гитлера – по-видимому, не веря, что сексуальное извращение способно привести к кровопролитию и хаосу, – ссылается на книгу «Психопатология Гитлера» (*Hitler's Psychopathology*, 1983) Норберта Бромберга и Веры Фольц-Смолл, где психоаналитики прямо связывают «кристаллизацию все-

уничтожающего антисемитизма» Гитлера с его сексуальными отклонениями, засвидетельствованными рядом мстительных перебежчиков из его ближайшего окружения: «...Решающим фактором оказались даже не конкретные подробности извращения... лишь в близости с (племянницей) Гели Раубал Гитлер смог полностью осуществить свои паранормальные желания. Они утверждают, что это и привело к глубинному сдвигу в патологии... переносу страха перед женщинами на евреев». (Rosenbaum, Ron. *Explaining Hitler*. London: Faber & Faber, 2011. Гл. 5.) По словам разочарованных соратников, в частности, Германа Раушнинга, фюрер был урофиллом. Розенбаум, похоже, плохо разбирается в психологических механизмах садомазохизма и не понимает, что у этой монеты две стороны и меняются они непредсказуемо». (Ravenscroft, Trevor. *The Spear of Destiny*, London: Neville Spearman, 1972.)

4 Дитрих Эккарт, поэт, писатель и, что важнее, ключевая фигура в группе оккультистов «Общество Туле»; Карл Хаусхофер, профессор геополитики (дисциплины, которая пропагандировала расистскую идеологию и преподавалась во всех немецких университетах того времени); Альфред Розенберг, популяризатор «Протоколов сионских мудрецов». В «Обществе Туле» Гитлер якобы прошел инициацию. Группа провозгласила его германским мессией, которого давно ждала арийская раса. Это шаманское посвящение намеренно окрашивалось в мрачные цвета. Чтобы поверить в эту гипотезу (которой имеются некоторые подтверждения), требуется верить в объективную реальность зла. «...В конце Второй мировой войны,

стоившей 25 миллионов жизней, на Нюрнбергском процессе, разоблачившем ужасы концентрационных лагерей, во время дачи показаний подсудимыми членами оккультного бюро Гиммлера “Аненербе” (“Наследие предков”) при упоминании ими Агарты и Шамбалы раздавались лишь смущенные смешки. Представители Западного мира не желали разглядеть, что на самом деле представляют собой их побежденные недруги. Странные убеждения, бесчеловечные практики и чудовищные зверства можно было истолковать только в психоаналитическом контексте психиатрических aberrаций; западная наука... отрицала само существование зла и говорила в терминах бихевиоризма и относительности морали». (Ravenscroft, с. 257–258.)

5 В письме из архива Мемориала «Бухенвальд» говорится, что 3 ноября 1944 г. Бориса Лурье перевели в подведомственный Бухенвальду трудовой лагерь Магдебург, где Лурье пробыл до своего освобождения 7 мая 1945 г.: «Борис Лурье или Лурге (как он зарегистрирован в документах концентрационного лагеря Бухенвальд), родился в Ленинграде 18 июля 1924 г. 3 ноября 1944 г. был переведен из концлагеря Штуттгоф в трудовой лагерь Бухенвальда Магдебург. 19 ноября 1944 г. ему был присвоен арестантский номер 95966; был включен в следующие категории заключенных: “Политический”, “Латыш” и “Еврей” (*Politischer, Lette, Jude*). Находился в трудовом лагере Рига-Лента, подразделении концентрационного лагеря Кайзервальд, с 25 октября 1943 г. до неизвестной даты и 1 октября 1944 г. был переведен в Штуттгоф, где ему был присвоен номер 96146. Он указывает профессию

плотника и год рождения 1922-й; последнее, вероятно, объясняется его желанием повысить свои шансы выжить, заявив, что он на два года старше и потому лучше приспособлен к работе. К сожалению, у нас нет документов, которые могли бы дать представление о том, что случилось с Борисом Лурье после его прибытия в Магдебург».

6 «Дом Аниты», гл. 40 «Наше образование».

360

7 Вместе с другим заключенным Лурье бежал из Бухенвальда 27 апреля 1945 года, когда внезапно ушли все немецкие охранники. Это произошло во многих лагерях, когда стало очевидно, что война проиграна. Лурье повезло, так как нацисты вернулись в Бухенвальд и заставили заключенных уходить из лагеря под конвоем. По дороге многие погибли.

8 Каковы прототипы этих знатоков искусства? Подтвердилось, что доктор Гельдпейер – это Генри Гельдцалер (1935–1994). Вопрос о даме остается открытым.

9 «Насущные атрибуты» – первая из бесконечного ряда расчеловеченных, механистичных характеристик собственного тела.

10 Концлагерными нарами служили в лучшем случае грубо сработанные промышленные стеллажи. Отсылая нас к лагерному опыту, Бобби описывает намеренно неудобные, наклоненные кровати, всю ночь напролет залитые светом. Садизм подчеркнут удобными креслами для наблюдателей. Подробные описания механических, постоянно движущихся кроватей с «мягкой

штуковиной, похожей на кулак», которая «может неожиданно поразить отдыхающего в любой момент», напоминает о том, как обращались с заключенными: людей систематически будили среди ночи. «Узники преклонного возраста жили в кирпичных постройках, а группу, в которой был я, человек 400, поместили в деревянные бараки. Ни одеял, ни подушек нам не выдали. Все спали на боку, сдавленные, точно книги на полке, прямо на досках, подложив под голову скошенный деревянный брусок. Каждое утро из этих постелей вынимали трупы». (Brandy, Murray. *My Name was No. 133909 ...and I Sang*. [Self-published autobiography], 2002.)

11 В Третьем рейхе было принято обозначать зверства эвфемизмами. Иногда псевдонаучными, иногда обыденными. Убийство называлось также *Aktion* (действие, акт). Но почему изгнание в «свободный мир» хуже смерти?

12 «Индустриальные рабочие мира» (*Industrial Workers of the World*, также *Wobblies*) – международная рабочая организация, чей расцвет пришелся на 1920-е. Уоббли были сторонниками классовой борьбы рабочих и отмены наемного труда. Кроме того, питали склонность к песенному творчеству, в том числе гимнам.

13 Испанский лозунг *No pasaran* («Они не пройдут») – антифашистский призыв к сплочению Испании времен Второй мировой войны. Фраза отсылает к обороне Мадрида во время фашистской агрессии; песню записали в Нью-Йорке в 1937 г.

14 *Wir sind die moorsoldaten* («Мы – болотные солдаты», нем.) – песня протеста, написанная в 1933 г. заключенными концлагеря в Нижней Саксонии, где содержались главным образом политические противники Третьего рейха. Впервые была исполнена в лагере Бёргермор на концерте заключенных. Песня протяжна, проста, как солдатский марш, и монотонна, что отсылает к рутинной каторжной работе в тяжелых условиях.

15 Во временных рамках романа это отсылает к пестрому стилю хиппи.

16 Бобби проводит различие между гражданскими лицами – то есть теми, кто не участвует в боевых действиях, – и заключенными Дома Ани-ты, которые тем самым участвуют в войне.

17 Человеку нельзя ясно помнить сны по пробуждению. Но, с другой стороны, без полноты памяти человек не может достичь свободы. Раб памятью не располагает.

18 Заключенным обычно брили виски, а когда волосы отрастали – выбривали полосу через темя. Через весь роман проходит описание выбритой борозды.

19 Раззадоривающие пытки – стандартная практика на сеансе с профессиональной доминой, однако некоторые детали – «сейчас выпадут кишки» – намекают на более серьезные истязания. «Нацистские врачи прославились жестокими медицинскими экспериментами. Обширные эксперименты по стерилизации и кастрации, на которых более или менее специализировался Освенцим... развитие нацистской биомедицинской

идеологии. Они официально поощрялись как воплощение расовой теории и политики». (Lifton, Robert Jay. *The Nazi Doctors*. New York: Basic Books, 1986. С. 269–302.)

20 Намек на то, что хасиды совокупаются через отверстие в простыне. Это очевидная басня. Предположительно в Средние века раввины пытались навязать подобную практику, но не преуспели. На иврите это называется *Hor Basadin* («дыра в простыне»); практика остается метафорой механической, бесчувственной сексуальности. Лурье иронизирует над этой идеей, изображая причудливую фантазию о члене, который торчит из скатерти, дабы женщины отведали его – жестоко или нежно.

363

21 Здесь сохранено слово «стенки»: пенис как помещение, замкнутое пространство «я» – на протяжении книги пенис рассказчика многократно преобразуется.

22 Обычно профессиональные домины не занимаются оральным сексом; нельзя, впрочем, сказать, что этот ритуал – обычная фелляция. Здесь гениталии производят питание, и домины используют рабскую сперму для своих целей. Инверсия сексуальности: обычно сексуализированным кормящим органом выступает грудь, здесь же, как ни странно, пенис.

23 Этот «долг» описывает безопасные игры садомазохистов. Фантазии о каннибализме перечеркиваются необходимостью сохранить жертву (раба) в живых, дабы та продолжала развлекать Хозяек.

24 Упоминаются музыканты, разрешенные к исполнению в Третьем рейхе, поскольку они вдохновлялись классикой, писали тональную музыку и не были евреями. Нацисты утверждали, что поляк Фредерик Шопен был немцем. Нацистский генерал-губернатор даже построил в Кракове Музей Шопена. Считается, что Чайковский был антисемитом – впрочем, его позиции подрывало русское происхождение.

25 Слово «саркофаг» происходит от греческого σάρξ (плоть) и φαγεῖν (есть). Гроб ест, растворяет и, возможно, даже переваривает мертвую плоть. Еврейские рабы, запертые внутри танцующих гробов для некоего тайного удовольствия Хозяек, – одно из самых ироничных и ужасных изобретений Лурье.

26 *Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft* («Всеобщая энергетическая компания»). Интерес Лурье к этой компании объясняется тем, что во время Второй мировой немецкая компания AEG использовала труд заключенных, в том числе впоследствии погибших во время маршей смерти в Бухенвальде, где Лурье провел конец войны. AEG прекратила свое существование в 1996 г., а в годы расцвета производила всё – от железнодорожных вагонов, самолетов и автомобилей до стиральных машин, кинопроекторов и мобильных телефонов. Вполне логично, что здесь могли изготавливать эротические саркофаги.

27 Временами рассказчик, вопреки гл. 4, признает, что Хозяйки все-таки позволяют «необычайным манером» себя «пронзать».

28 Это «состояние за рамками любого земного опыта» аналогично «выходу в субпространство», который прекрасно известен любому, кто находится в подчинении домины. Подчиненный испытывает это состояние при боли – «выход в субпространство» вызывается внезапным притоком гормона и нейромедиатора дофамина. Наслаждение приносит не столько боль, сколько последующее «эхо»: тело наполняется эндорфинами, которые связаны с дофамином, это вызывает удовольствие, специфическую эйфорию, которая позволяет выносить невыносимое, – и Бобби воображает себя еще более эффективным слугой.

29 Отсылает к обслуживанию крематориев. Эту работу выполняла специальная группа заключенных, известная как зондеркоманда. Лурье в зондеркоманде не работал.

30 В этой главе впервые возникает второй лейтмотив «Дома Аниты»: Лурье считал, что коррумпированная арт-среда Нью-Йорка господствует над жизнью художников, и оплакивал униженное соглашательство, подчинение императивам этой среды.

31 Лурье соединяет этот «конкурс» на лучшего художника с нацистским процессом «отбора». Отбирают не за таланты, но за некие физические параметры, над которыми люди не властны. Конкурс и отбор – военный ритуал: известные «отборы» нацистами пленников для работы (полезность), медицинских экспериментов (тестирование зачастую касалось половых органов и было связано со стерилизацией) или печей (недостоин жить). «...Лагерные отборы диктовались сочета-

нием эффективности, предельной случайности, жестокости и унижения. Чехословацкий тюремный врач Якоб Р. описывает, как “иногда эсэсовцы раздевали целую *Kommando* (рабочую группу), смотрели, выражены ли у них ягодичные мышцы (если нет – это признак крайней степени голодания и истощения), и отправляли заключенных в газовые камеры”». (Lifton, с. 182.)

366

32 В начале 1960-х в живописи, музыке, театре и литературе кристаллизовались сотни форматов жанра «перформанса». Вероятнее всего, на Лурье они впечатления не производили. И неслучайно так совпало, что по-немецки *performance* обозначается словом *Aktion*, популярным среди нацистов эвфемизмом зверства (в их словаре *Aktion* переводится как «убийство»).

33 По всей вероятности, речь идет о сессии между Госпожой и рабом, о БДСМ-«психодраме», в которой заранее составлен сценарий, роли расписаны, костюмы выбраны, а оргазмы ожидаемы. Здесь становится очевидно, что раб Бобби – по сути дела, клиент Хозяйки. Поэтому их «наука» дает ему некое право голоса относительно того, как Хозяйке пытаться его, как ему выражать свое подчинение, дабы усладить Хозяйку, – и то и другое должно принести максимальное удовольствие обоим.

34 Переход от ануса мучительницы, которая собирается предельно унижить раба, к заснеженным холмам Риги, города юности, пронзителен, печален, поэтичен. Снег тает, детство кончилось, и человек ест фекалии.

35 Госпожа впервые использует это слово как уничижительное – и в контексте копрофагии. Для непосвященного то, что происходит с Бобби, – худшее из возможных унижений. Но с точки зрения фетишиста Госпожа «кормит» его, а он становится частью Госпожи.

36 Ни один современный секс-шоп Манхэттена не продает (и не продавал?) подобное устройство, хотя кое-кто использует легкие электрические удары для эротических пыток. Возможно, «игрушка» Аниты отсылает к некой генитальной пытке, пережитой молодым Лурье, – отсюда и это прихотливое изобретение.

37 Намек на реальные отношения между прототипом «Аниты» и Бобби, чей прообраз – сам Лурье. Здесь Анита безусловно выступает профессиональной доминой/проституткой, которая зарабатывает сексуальными услугами. Бобби допускается к телу, но ему нельзя перейти черту. Клиенты-подчиненные иногда порываются в некой форме предоставлять свои услуги проституткам, выступающим их Госпожами, дабы находиться в их присутствии бесплатно. Нехватка денег ограничивает им доступ, что, однако, их возбуждает.

38 Вообще-то, «фистинг» означает введение кулака в задний проход, однако здесь рассказчик имеет в виду мастурбацию пениса кулаком.

39 Это помещает роман в контекст 1960-х гг. Интересное сочетание: с одной стороны, «Женское Освобождение» (свободная и независимая женщина), с другой – «знакомые богачи» (типичное хищничество одинокой женщины / сознание проститутки).

40 Это читается как «меню», которое покорный клиент предлагает Госпоже для садомазохистской сессии, – специфика одежды, тщательное распределение ролей. И снова сценарий, за вычетом некоторых эпизодов, не особо эротичен.

41 Пенис превращается в пассивный сосок с материнским молоком, эквивалентом отцовской спермы. Хозяйки питались спермой в главе «Застолье», теперь же пенис сам становится питательным сосудом, насыщающим рот маленькой девочки. Обычно рабы не любят фелляцию – таким образом, здесь введение члена вновь служит не для удовольствия раба.

42 В контексте 1960-х такие материалы считались подрывными для якобы свободной индивидуалистической культуры Америки. Ирония в том, что рабы Аниты втайне читают о «репрессивном» обществе, по которому, очевидно, тоскуют.

43 В рукописи Лурье вычеркнул «слуг» и написал «тюремная». В контексте романа «слуг» уместнее, но редактор сохранил эту правку. Пресловутая униформа стала символом. См. также фильм Романа Полански «Жилец» (*The Tenant*, 1976), прозрачно завуалированную историю о Холокосте, где в сценах унижения героя возникает полосатая пижама; кроме того, его постоянно будят среди ночи дикими выходками, шумом и упреками.

44 Слуга сам превращается в лагерь; он – существование «Бухенвальд». К прибытию в Бухенвальд девятнадцатилетний автор уже имел четырехлетний опыт выживания в других лагерях.

Скорее всего, он знал, что Бухенвальд – не просто трудовой лагерь, но лагерь уничтожения, а значит, его мучениям придет конец.

45 Бухенвальд открылся рано, уже в 1937 г., и в нем содержалось много политзаключенных и военнопленных. В этом отношении лагерь мог выступать «школой» для вновь прибывших. Почему «жестокость Аниты полезна школяру, изучающему бухенвальдику»? Такова центральная дилемма «Дома Аниты», которая то и дело всплывает в тексте. Это одна из немногих глав, где мертвая Люба, возлюбленная Бориса Лурье, подрывает власть Аниты, явившись призраком юности, когда любовь не была отравлена пытками.

369

46 «Изначально волосы заключенных не утилизировали. Ситуация изменилась в августе 1942 г., когда Главное административно-хозяйственное управление СС проинструктировало администрацию Освенцима и других концлагерей систематически собирать состриженные волосы длиной более двух сантиметров для использования в качестве промышленного сырья. Начальников лагерей проинформировали о том, что “из человеческих волос будут производиться войлок и нитки... для промышленных нужд”. В частности, “расчесанные и состриженные женские волосы превратятся в войлочные носки для экипажей подводных лодок и в шланги для железных дорог”. В Белжеце, Собиборе и Треблинке женщинам состригали волосы прямо перед отправкой в газовые камеры. В Освенциме, напротив, волосы срезали с трупов. Гиммлер выпустил приказ о сборе волос тех, кто подвергся уничтожению...» (Strzelecki, Andrzej. *Auschwitz*,

1940–1945: *Central Issues in the History of the Camp*, eds. Dlugoborski and Piper, т. 2, “The Prisoners – Their Life and Work”. С. 407–412.)

47 Авторская капитализация «Хиппи» сохранена.

48 Вероятно, в лагерях Лурье предписывалось обрезать волосы и бороды другим заключенным.

370

49 Это имя может показаться не просто кощунством, но обвинением, брошенным в лицо власти – во всяком случае, духовной власти – раввинов, которые могли бы помешать Катастрофе. Бухенвальд по-немецки «буковый лес»; сцена происходит в лесной зоне. Во дворе концентрационного лагеря Бухенвальд росло громадное дерево, известное как Дуб Гете; по преданию, его судьба была судьбой Германии: если они падут, то вместе. Какую бы духовную ценность ни приписывал ему немецкий народ, Третий рейх был уничтожен. Дуб сгорел при бомбардировках во время Освобождения, а пень сохранился в Бухенвальде как часть мемориала.

50 У рабов любви, похоже, появился пример для подражания. Они участвуют в некоем гомосексуальном ритуале – возможно, таким образом Лурье подрывал концепцию раввина как духовного авторитета. Но этот человек не угнетен, хоть он и раб любви. Что означает постоянное доение самцов? Как рабби создает молочный коктейль из ничего? Образ молочного коктейля, чистого или грязного, проходит через весь роман. Существует оккультный текст, где говорится, что сперма, пролитая впустую, порождает личинки,

болезнетворных духов, которые внушают и овладевают умами. В любом случае это «вещество», питательное «молоко», и оно обладает некоей силой. (Lévi, Éliphas. *The Key of the Mysteries*, гл. 4, “Fluidic Phantoms”. London: Ryder, 1969. Aleister Crowley, trans., ed. С. 163–164).

51 Рассказчик Бобби, по рабскому обыкновению, солидаризируется с современными апологетами: он считает, что одна из причин Катастрофы связана с тем, что евреи – а именно, российские еврейские большевики – сами навлекли на себя кару, восстав против царя, уничтожив и его, и всю семью Романовых (Яков Юровский, командир расстрельного взвода, уничтожившего царскую семью, был евреем – как и Яков Свердлов, вместе с Лениным подписавший приказ о расстреле).

371

52 Иудаизм, как и христианство, считает самоубийство грехом. Но для Лурье евреи не могли покончить с собой, поскольку себе не принадлежали. Они были собственностью Хозяев, и эту собственность надлежало сохранить. Посему Хозяева извращенным манером требовали от евреев воли к жизни – в лагерях и во всем Третьем рейхе, до последнего.

53 В 69 г. н. э. Веспасиан отправился в Рим добиваться трона, а его сын Тит начал военную операцию в Иудее. В 70 г. Иерусалим пал. С побежденными евреями Тит обращался бесчеловечно. В истории он остался разрушителем Второго Иерусалимского храма.

54 Население наблюдает за победоносным парадом завоевателей Иудеи – будь то римляне или

нацисты – и безмолвствует. Свидетели пассивным стадом толпятся позади защитных барьеров.

55 После подавления еврейского восстания историк Иосиф Флавий был свидетелем триумфальных шествий – победоносные легионеры императора Тита вели иудейских пленников и уносили сокровища разрушенного Храма.

372

56 Джуди Стоун: *Jew-die Stone*, Жидовка Штейн. У Еврейской Хозяйки развилась сонная болезнь. Согласно некоторым оговорам, евреи «проспали» рождение заговора, который в конечном счете почти истребил их культуру. Джуди неряшлива и как будто заслуживает лишения любых привилегий. Постепенная утрата ею своего статуса – метафора Нюрнбергских законов 1935 года, которые лишили евреев сотен гражданских прав.

57 Автор питал склонность к стандартным порнографическим образам; они то и дело появлялись в его художественных коллажах. В тот период модели назывались «пинап» (*pin-up*, «пришлифовывать»): поклонники вырывали их изображения из журналов и прикалывали к стене. Униформа таких моделей – в основном особое нижнее белье: крайне женственные трусики, бюстгалтеры, пояс с подвязками и сексуальная обувь на высоком каблуке.

58 «Лук» (*Look*) – крупноформатный глянцевый иллюстрированный журнал, выходивший до 1971 г., аналог «Лайф». Публиковал довольно тривиальные новости и репортажи о кинозвездах – никакого авангарда.

59 По аналогии с положением населения в Третьем рейхе. «Евреи приравнялись к любому вырождению и разложению, связанным со смертью, включая гомосексуальность, городскую сумятицу, либерализм, капитализм и марксизм. Геббельс использовал прямые медицинские метафоры, объявляя: “Наша задача – хирургическое... решительное вмешательство, иначе однажды Европа погибнет от еврейской болезни”». (Lifton, с. 476–477.)

60 Госпожа Анита читает Карла Маркса. Под «агрессивными» классами может пониматься либо пролетариат, либо буржуазия; правящие классы неизбежно становятся мишенью ненависти угнетенных.

61 Политические склонности Бобби по природе своей ретроградны: он не хочет, чтобы ему навязывали классовое равенство.

62 Огромная цепь – символ контроля и неволи. Звуки – возможно, танки. Громадная туфля – мужская или женская? Вообразите миллионы бесхозных туфель в концлагерях. Или же вообразите элегантную туфлю Аниты, разросшийся фетиш, что летит напрямик в голову Бобби, обернувшись оружием. В лагерях Лурье ежедневно видел трупы. Расчлененные тела не были специально разорваны или разрублены садистами. Но автор видел людей, распавшихся на части, – либо сожженных в печи, либо просто сгнивших.

63 «Возможно». Слово повторяется девять раз – автор неохотно повествует о чудовищных «фактах». Он бы предпочел, чтобы мы сочли все это вымыслом.

64 В лагере Штрутгоф восемьдесят шесть скелетов готовили для использования в качестве учебных пособий в Страсбургской медицинской школе. Работа не была завершена. Союзные войска обнаружили промышленного вида цистерны необычной формы, заполненные жидкими химикатами, а в них расчлененные останки, брошенные нацистскими врачами. Лурье был заключенным в другом лагере и вряд ли оказался очевидцем подобных процедур, но, возможно, слышал о них позднее. (Pressac, Jean-Claude. *The Struthof Album: Study of the gassing at Natzweiler-Struthof of the eighty-six Jews whose bodies were to constitute a collection of skeletons: a photographic document*. Beate Klarsfeld Foundation, 1985; из коллекции Центра еврейской истории, Нью-Йорк.)

65 В польском концлагере Трешлинка «оберштурмфюрер СС Франц Штангль приказал соорудить бутафорскую железнодорожную станцию: часы с нарисованным циферблатом неизменно показывали шесть вечера, были построены [фальшивые] будки билетеров, вывешено расписание, а на фасадах сортировочных барачков нарисованы указатели. Делалось это с целью внушить новоприбывшим жертвам ложное спокойствие, иллюзию временного перевалочного пункта». (Yitzhak Arad. *Belzec, Sobibor, Treblinka*. Bloomington: Indiana University Press, 1987.) Образ часов, которые больше не показывают правильное время, передает ощущение потери контроля над обстоятельствами – время в контексте жизни жертвы закончилось. У фантастического циферблата Лурье человекоподобные руки-стрелки, усики насекомого – часы нефункциональны, и это внушает первобытный ужас.

66 Бабушка, мать, сестра, а также Люба, возлюбленная Лурье, в числе других 30 тысяч жертв были убиты в Румбульском лесу под Ригой 30 ноября либо 8 декабря 1941 г. Поэтому в работах Лурье то и дело всплывают цифры 3 и 4: три расчлененные женщины, четыре Госпожи, четыре раба. Великанши – три женщины становятся гигантскими, две – роботоподобным оружием... а затем распадаются на идеальные части тела. Третья игнорирует остальных, поглощенная собственным страданием. Возможно, в этой сцене возникают Анита и три ее подруги-домины, воюющие друг с другом, и сцена предвещает увечья Джуди. «Расчленение» – женщины, переставшие быть членами семьи Лурье. Возможно, автор видит расчлененным и самого себя. Во вселенной рассказчика не существует целой, нормальной женской фигуры.

67 Маленький, нежный палец женской ноги преобразуется в калечащее оружие. Проникновение пальца в рот Бобби вызывает видение войны, разрушения и расчленения. Столкновение этих действий и образов исполнено отголосков травмы. В Бухенвальде, где Лурье находился до конца войны, были задокументированы две формы сексуального насилия над заключенными: гомосексуальное насилие над русскими и польскими мальчиками (совершалось как нацистами, так и другими заключенными) и насильственное посещение лагерных борделей. Любой сексуальный опыт, полученный Лурье в лагере, неизбежно был насильственным и травмирующим, а со временем встроился в его садомазохистскую матрицу.

68 В одном черновике «Дома Аниты» после финального предложения предыдущей главы – «Все эти видения являлись мне при поклонении ноге Аниты» – Лурье добавил: «и до минуты, когда она меня прогнала». Бобби вел себя так неподобающе, что едва не потерял должность, однако автор решил его пощадить.

376

69 Как и Бобби, жертвы Третьего рейха не интересовались теориями своих «Господ» и не чувствовали их «тяжкому бремени господства». Анита постоянно пытается заинтересовать Бобби аспектами рабства за гранью физического. Для раба это мучительно. Он не желает освобождения. Нацистов равно иррационально не интересовало постоянное сохранение рабской силы; Третий рейх выжимал из своих заключенных всё до последней капли. Помимо жестокого голода и других физических истязаний была распространена стерилизация, дабы рабочая сила не размножалась. У Бобби нет и не может быть любви, совокупления, продолжения рода. То есть в теории Аниты и впрямь есть серьезные недостатки: «если она не позаботится обо мне физически», у ее Расы Господ просто не останется живых рабов. Что и случилось с Расой Господ в конечном итоге.

70 Автор придает арт-дилерам и коллекционерам черты нацистов, описывает их сатирически и издевательски. Гельдпейеру и «торговке художниками» Ханне Поланитцер предстоят всевозможные карательные сексуальные пытки и насилие. Прототипом Гельдпейера, как уже отмечалось ранее (см. примеч. 8), возможно, послужил Генри Гельдцалер, крупный арт-критик

и куратор, известный в тот период, когда Борис Лурье вращался на нью-йоркском арт-сцене. Фамилия, вероятно, происходит от *gold* – золото и *Zahler* – плательщик, кассир (*нем.*); так или иначе, имя намекает на пересчет золота. Художнику, дабы обеспечить себе финансовую стабильность, надлежало добиться расположения Гельдцалера и поддаться его влиянию.

71 Как и при «маслоделии» в саркофагах, причинение боли и страдания превращаются в терапию, апеллирующую к высшим уровням сознания: попытки форсируют объединение интеллектуального процесса с рабской преданностью.

377

72 Анита выворачивает наизнанку постулат Платона о том, что видимости нереальны и должны уступить место знанию и мудрости. Для Аниты здесь важнее, что доктор выглядит человеком высокого социального статуса, хотя в действительности он ее личный «бедняк».

73 Чтобы исправно исполнять роль интеллектуала в авангардных Учреждениях Манхэттена (Дом Аниты – предварительное испытание перед допуском к этому миру), доктор Гелдпейер должен ограничить свой контакт с миром реальным. Посему его «стерилизуют». Его ноги и половые органы обернуты полиэтиленом. Его анальный проход заблокирован. Ему, похоже, запрещено мочиться. Госпожа не прикасается к нему голой рукой. Фетиш чистоты/дезинфекции направлен на защиту не столько доктора, сколько атмосферы Дома.

74 Спустя десятилетия после пародии Лурье арт-жаргон, или, как его иногда называют, «международный художественный английский», продолжает распространяться к повсеместному недоумению профанов. Бобби и остальные слуги вынуждены слушать новый, невнятный, решительно непостижимый язык, который ныне мы обнаруживаем в любом журнале, посвященном искусству.

378

75 «Ядовитая маскулидная фантазия», «агрессивный мужской романтизм». Хотя автор и не использует известный оборот «дегенеративное искусство», мы видим параллели между новой эстетикой доктора Гельдпейера и отвержением современного искусства в Третьем рейхе. Отрицание «мужского искусства» – это ширма: доктор вовсе не пропагандирует женщин-художниц. Бобби вынуждают согласиться с этим фашистским захватом классической эстетики. Его назовут «естественным порядком вещей», навяжут, а все остальные эстетические формы отправятся на свалку. Идеал Женской Гегемонии следует читать как метафору идеологии фашизма/тоталитаризма. Поэтому Бобби и считает, что любой человек, не желающий «подчиниться естественному порядку вещей», заслуживает смерти. «Мужской романтизм» здесь – еще один синоним «дегенеративного искусства». Генри Гельдцалер, прототип доктора Гельдпейера, в 1960-х популяризировал исключительно поп-арт – в ущерб другим направлениям, особенно социальному реализму. (Борис Лурье как художник до сих пор не поддается категоризации, но в начале карьеры многие считали

его социальным реалистом.) Господство поп-арта Лурье воспринимал как разновидность эстетического нацизма, репрессии и диктатуру.

76 У редактора имеются подозрения относительно прототипа этого художника, но построение гипотез мы оставим читателю. Лурье возмущала алчность художников 1960–1980-х. Наверняка прототип был не один.

379

77 Энди Уорхол был гомосексуалом, никогда этого не скрывал, и потому узкие круги нью-йоркского мира искусства 1950–1960-х поначалу его отвергали. Некоторые считают, что этот период – одна из первопричин его замкнутости.

78 Лурье пародирует арт-жаргон, превращающий самые бессмысленные и идиотские действия в нечто якобы непостижимо глубокое.

79 В оригинале: «The artist licked everything dry, spick-and-span, and proper». Автор использовал оборот *spick and span* – «без сучка и задоринки». Фраза происходит от голландского выражения XIV в. *spiksplinternieuw*, которое описывало только что построенное судно. Свежие щепки – твердые и легкие, отсюда и возникло выражение. В 1930-е в Америке выпустили в продажу очищающее средство *Spic n' Span*. Художник Дуглас Коупленд спародировал Энди Уорхола с его коробками *Brillo*, представив зрителям коробки *Spic n' Span*.

80 Пародия на отрывистую и банальную речь Энди Уорхола, которого Лурье недолго любил.

81 Как и в гл. 33, идеал Женской Гегемонии следует воспринимать как эквивалент идеалов фашистской/тоталитарной идеологии. Сама Ани-та – не просто доминирующий секс-объект, а новое воплощение эсэсовца.

380

82 Джуди отделяет себя как подлинную еврейку от лжееврея доктора Гельдпейера – «почетного израэлиты», как позднее выразится Лурье, то есть, видимо, человека, который евреем лишь называется.

83 Хотя здесь использование слова «оболочка» кажется ясным, редактор хотел бы обратить внимание читателя на скрытый каббалистический мотив: если у каждой сфиры в Каббале есть свой ангел, то клипот – оболочки (*ивр.*) – каббалистические демоны. Клипот – инверсия положительных качеств сфирот, и в некоторых каббалистических текстах обозначаются словом «оболочки».

84 Сейчас эта одежда кажется неряшливой и простоватой, но в 1960-х свободные интеллектуалки одевались именно так. Ани-та не следует высокой моде и одевается не ради мужского одобрения.

85 Иногда Лурье зовет ее *art-dealer* (торговка искусством), но чаще пишет *artist-dealer* (торговка художниками), подразумевая, что эта дама торгует лично художниками, а не только их работами. Она, таким образом, тождественна гитлеровским прихвостням, эсэсовцам и прочим, – тем, кто использует людей (евреев, художников) как неодушевленные предметы.

86 Прототип Ханны Поланитцер – вопрос открытый. Среди влиятельных арт-дилеров 1960-х и 70-х были Илеана Соннабенд, Пегги Гуггенхайм и Пола Купер.

87 Госпожа Анита предстает полноправной фигурой авангардных кругов. Андре Мальро (1901–1976) – писатель, культуролог, министр культуры Франции (1959–1969). Тристан Тцара (1896–1963) – писатель, поэт, в 1918 г. в «Кабаре Вольтер» прозвучал его «Манифест дада». Стэнтон Макдональд-Райт (1890–1973) – американский художник, один из основателей синхромизма – раннего течения абстрактного искусства, первого американского авангардного движения, получившего международное признание.

381

88 «Моей страсти – моей культурной Госпоже – Пабло» (*фр.*).

89 Эти вопросы означают, что мы находимся в ранних 1960-х, до убийств Джека и Роберта Кеннеди. Вероятно, это также намек на многочисленные похождения членов клана Кеннеди. Откуда бы им знать Госпожу Аниту, если они не были ее клиентами?

90 Генерал-фельдмаршал Эрвин Ойген Йоханнес Роммель (1891–1944), командующий немецким Африканским корпусом, был красавцем и героем войны. Судя по всему, среди нацистов он был уникальной фигурой, поскольку не зверствовал. Игнорировал приказы убивать евреев, мирных жителей и пленных. Ближе к концу войны Роммеля заподозрили в участии в заговоре о покушении на Гитлера. Поскольку Роммель был националь-

ным героем, Гитлер хотел избавиться от него как можно незаметнее. Фельдмаршал был принужден совершить самоубийство, проглотив капсулу с цианистым калием; официальная причина его смерти – сердечный приступ.

382

91 Лев Троцкий (1879–1940) и Хосе Давид Альфаро Сикейрос (1986–1974) – беспринципная Анита подружилась и со знаменитым коммунистом, и с человеком, покушавшимся на его жизнь. Ее влияние широко и эклектично: в Доме бывали и преклоняли колена пред Анитой нацисты, большевики, художники и американские президенты.

92 Алексина Дюшан была замужем за Пьером Матиссом и приходилась невесткой художнику Анри Матиссу. В описываемое время она активно работала в сфере искусства в Париже и Нью-Йорке.

93 «Волосы из Освенцима в оригинальной коробке» – пародия на язык коллекционеров. Что происходило в воображении Лурье – страшно представить. Впрочем, таков и был его замысел. «Музей Освенцима принял решение не консервировать один экспонат: две тонны человеческих волос, заполнявших огромную витрину... Решено было оставить волосы в витрине до полного разложения, пока не превратятся в пыль». (Donadio, Rachel. “Preserving the Ghastly Inventory of Auschwitz”, *New York Times*, 15 апреля 2015 г.)

94 Лурье, описывая евреев, любит прибавлять различные суффиксы к слову «Израиль». Здесь он использует суффикс, происходящий от греческого $\chi\theta\acute{o}\nu$ – земля, имея в виду еврея как соль земли.

95 Родной язык (*искаж. идиш*).

96 На немецком *figuren* – фигуры или куклы. Автор опять использует специфический словарь Третьего рейха, здесь – описывая мертвых и умирающих узников лагерей. «...Ни в коем случае нельзя было называть их “трупы” или “мертвецы” – лишь *Figuren*, фигуры, куклы». Извращенная логика – людей не кормят, но заставляют работать – превращала заключенных в существа на грани между жизнью и смертью; в лагерях таких называли *Muselman* – мусульманин (*нем.*), поскольку они стояли на коленях и раскачивались, как мусульмане при молитве, а кроме того, не выказывали нормальных человеческих реакций, впадая в пассивную апатию, которая считалась качеством восточного человека. (См. книгу Джорджо Агамбена «*Homo sacer. Что остается после Освенцима*».)

383

97 Лурье описывает знаменитый нацистский *Genickschuss* – выстрел в основание черепа. Символическая рана, инверсия «третьего глаза», если угодно, выходное отверстие.

98 Макс Бекман (1884–1950) и Карл Шмидт-Ротлуф (1884–1976) – немецкие художники-экспрессионисты, чьи работы были показаны на нацистской выставке *Entartete Kunst* («Дегенеративное искусство»).

99 В лагерном контексте «яма» – могила, куда людей загоняли, где их казнили и порой сжигали. В других своих работах Лурье тоже часто упоминает «яму». Вагина Аниты – бездна, где мужчины встречают свою смерть. Позже Лурье упоминает

«фашистские ямы» – огромные братские могилы уничтоженных «врагов государства». Интересно также построение фразы: «пустая яма, где обитает ее вагина». Это равно читается и так, будто вагина Аниты *сама* в могиле.

100 Еще один отголосок нацистских медицинских экспериментов: коррекция поведения посредством электрошока.

384

101 Длительное сидение на корточках с вытянутыми руками – пытка, применявшаяся в концлагерях.

102 Гитлер и Гиммлер были одержимы германскими правителями и завоевателями. В замке Гиммлера в Вевельсбурге были апартаменты, посвященные немецким королям-воинам. Гитлер считал, что надвигающееся разрушение Германии «полностью заслуженно», поскольку немцы не смогли выиграть войну. Когда его советники и генералы возмутились, услышав приказ взрывать мосты, дороги и другие элементы инфраструктуры, Гитлер ответил, что это все не важно, Германия не заслуживает выживания, так как слишком слаба.

103 Многие из переживших Холокост оказались в психологической ловушке: истязаемые невыносимым чувством вины за то, что выжили, они вынуждены были дальше вести нормальную жизнь. Заслужили ли они простую повседневность? Растворение в жизни казалось невероятным и неправильным. Бобби кажется, что лучше оставаться слугой, чем стать «нормальным», влиться в жизнь. Непростая ирония заключается

в том, что «истинное призвание, истинное служение» – это служение, доведенное до степени эротизированного насилия.

104 В гл. 27 Анита бьет Бобби книгой по голове, когда ему является вдохновенное Катастрофой видение расчлененных женщин. Едва он близок к прорыву, почти готов сбросить наконец рабскую униформу, что-то ставит его «на место». И он бегом возвращается к рутине.

385

105 В короткой истории-сне из «Послесловия. Не забыть позвонить моей Любе» упоминается служанка Броня из детства Лурье. С ней у него был некий сексуальный опыт – и он чувствовал себя униженным. Больше никаких служанок в Доме Аниты не появляется.

106 Амфортас, Король-Рыбак из легенды о Парцифале, ранен в половой орган; травма описана как мистическая и вечно кровоточащая рана – уместная метафора в контексте страданий лагерных узников. Анита растревоживает раны Бобби, отчего они не могут зажить. Увечья, нанесенные его ягодицам, схожи с истязаниями полового органа.

107 Плоть Христа – хлеб, кровь – вино; вероятно, Бобби – жертвенная фигура, уподобленная Иисусу.

108 Одно из многих унижений, которым эсэсовцы подвергали своих жертв: заставляли их петь и танцевать в агонии пыток. Бобби и его Госпожа пребывают в трансе, и картины Второй мировой войны смешиваются с сексуальными образами в классическом стиле Лурье.

109 Волк часто встречался в мифологии Третьего рейха; «Волком» также называли Гитлера.

110 Возможно, образный ряд намекает, что некто в лагерях защищал Лурье, заботился о нем – помог ему выжить, – или же речь идет о Госпоже Аните, кем бы ни был ее «прототип» в жизни Лурье.

386

111 Напоминает типичный ежедневный отбор заключенных в лагерях. Одни выживут, другие нет.

112 Невозможно переоценить важность этих простых действий в контексте лагерей, где не было утешительного тепла, горячей воды, не зашивевшей одежды. Анита здесь – одновременно офицер СС и спасительница из союзных войск.

113 Прекрасно, о, как замечательно! (*ит.*)

114 В части III «Отдаленные места» Бобби повсюду натывается на песчаную почву. Мы увидим, что Лурье считает песок основной стихией, обладающей целебными свойствами, – в сущности, лекарством.

115 Этот ребенок возникает ниоткуда – он назван «младенцем», но, вероятно, старше. Нигде не говорится, что Объект Джуди рожал, и ребенок больше не появляется. Лурье противопоставляет девочку разврату и насилию «операции-перформанса». Пока все спят, девочка переходит от одного человека к другому, трогает и даже пробует на вкус мерзкие выделения, словно они способны ее насытить. Вроде бы все прозрачно, пока Лурье

не упоминает «флаг». Что за флаг? Представляет ли девочка некую нацию или в целом мерзость национализма, который в белых одеждах и с невинным видом танцует на цыпочках посреди бойни, что вершится его именем?

116 Обе Хозяйки явно тоскуют по прежним временам у себя на родине. И Объект Джуди тоже можно отправить в «Иудею», то есть в Израиль.

387

117 Бобби пошел против самой сути Дома и превратил Объект Джуди обратно в человека Джуди Стоун. «Узник концлагеря» (один из двух случаев, когда автор внятно осознает этот образ) тоже был человеком, превращенным во что-то другое – в «мусульманина», полумертвую игрушку Аниты, лишенную воли к жизни.

118 Американский культ сверхчистоты, в частности, дезодорантов, рекламируемых по телевизору, европейцу середины XX в. казался утрированным и нелепым. Подобные замечания встречаются в произведениях другого русского экспатрианта Владимира Набокова.

119 Интересно, что здесь опущены подробности порки. Это соответствует субъективному мазохистскому ощущению боли-удовольствия: желанна не столько сама порка, сколько ее последствия, искомый результат – в данном случае, избавление от невыносимых мыслей.

120 У Лурье была немецкая овчарка по имени Панч, которой (наряду с Сэмом Гудменом) он посвятил книгу *NO!art: Pin-ups, Excrement, Protest, Jew-art* (Edition Hundertmark, 1988): «Бронетран-

спортсмену женского пола, с рождения в 1965 г. до 1977-го, двенадцать долгих собачьих лет, ныне на пенсии, глуховатой, подслеповатой и измученной болезнями». Фотография Панч на погребальном саване («рижской подушке») украшает внутреннюю обложку книги.

388

121 Метка между глазами могла быть результатом *Genickschuss* – выстрела в затылок. Эссэсовцы соревновались в мастерстве, стараясь выстрелить жертве в затылок так, чтобы пуля вышла наружу точно между глазами.

122 Румбула – городок под Ригой, где 30 ноября и 8 декабря 1941 г. нацисты и латвийская полиция уничтожили более 30 тысяч евреев. Как обычно, Бобби делает вид, будто ничего не знает об этом месте, чрезвычайно важном для автора: здесь были убиты его бабушка, мать, сестра и возлюбленная Люба. Эта глава – центральная, здесь начинает раскрываться глубочайшая душевная рана автора.

123 Бобби постепенно приходит к пониманию своей «неизвестной» биографии. Румбульский лес по сей день – кладбище братских могил. Выкапывать останки взялись только нацисты в конце войны, в типичной панической попытке уничтожить все улики. Несколько сотен узников соседнего концлагеря Кайзервальд были вынуждены выкапывать и сжигать трупы, после чего их тоже убили на этом же месте.

124 Это произошло в 1962 г., и автор, к тому времени почти 20 лет проживший в Нью-Йорке, несомненно, слышал о попытках поставить па-

мятник. Первый, деревянный, воздвигнутый остатками еврейской общины в Риге, был снесен советскими властями.

125 Перемещение – эвфемизм, использовавшийся в Третьем рейхе для описания насильственной транспортировки евреев и других «нежелательных элементов» в концентрационные лагеря. Во многих случаях их просто уничтожали по пути. Поначалу считалось, что людей действительно увозили на новое место работы: порой их даже заставляли писать из лагерей фальшивые открытки домой, в которых сообщалось, что они здоровы и счастливы. Замечание рассказчика «И никогда не исчезну я» приближает его к осознанию забытого прошлого.

389

126 Судя по всему, Фрида Михельсон была одним из трех человек, переживших румбульскую трагедию. Мать семейства упоминает, что миссис Михельсон «спасала евреев», но это не совсем так: Фрида тогда была еще ребенком, и ее саму спасли. Она написала мемуары *I Survived Rumbuli*, опубликованные в 1982 г. «Странники», которых пригнали в Румбульский лес, вполне возможно, были одеты в лучшую, чистую одежду. Поэтому они здесь в своих первоначальных, «лучших» нарядах – или же им отдали одежду погибших. «Ходили слухи, что сам Гитлер был адвентистом седьмого дня. В отличие от многих других конфессий, их церковь не была полностью запрещена нацистским режимом: по-видимому, одна из причин в том, что адвентисты седьмого дня в Германии и Австрии поддерживали Адольфа Гитлера, так как он воздерживался от употребления чая, кофе,

алкоголя и мяса. «Он был одним из величайших массовых убийц в истории, но поскольку он вроде бы принимал учение о здоровом образе жизни, ниспосланное Эллен Г. Уайт, некоторые адвентисты седьмого дня воздавали ему почести и хвалу». (Schroder, Corrie. “Seventh-day Adventists”, 2002.)

390

127 В 1970-х, когда писалась эта книга, улицы Нью-Йорка пользовались дурной славой. Преступность, в том числе убийства и преступления против собственности, начала расти в конце 1960-х и достигла колоссального уровня в 1970–1980-е. «В 1970-е – начале 1990-х. Нью-Йорк считался одним из самых опасных городов в мире – очагом насилия и опасности, изображенным в таких жестких фильмах, как «Воины», «Побег из Нью-Йорка» [и «Таксист»]. [Люди] не отваживались спускаться в подземку, боялись, что их ограбят на улице, страшились несметного притока наркоманов. 31 из каждых 100 тысяч ньюйоркцев ежегодно становился жертвой убийства, 3668 – жертвами краж». (Rogers, Thomas. “What really cleaned up New York”, Salon.com, 19 ноября 2011 г.)

128 Мать Бориса Лурье была дантистом и обслуживала семьи в Санкт-Петербурге и Риге.

129 Лурье часто употребляет слово «ямы» – мрачный эвфемизм могил, заранее вырытых для будущих жертв. Подобные ямы использовались как нацистами, так и сталинскими солдатами.

130 В детстве Борис Лурье спал в одной кровати с бабушкой – обычай, который ему, судя по всему, не нравился.

131 Еврейское население Рижского гетто было полностью истреблено, за исключением мужчин, пригодных для рабского труда. Всех женщин, стариков и детей пригнали в Румбульский лес и расстреляли.

132 Лурье впервые попал в плен в июле 1941 г., в 17 лет. Они с отцом жили рабами в Рижском гетто, а затем в трудовом лагере Рига-Лента. Как ни странно, этим учреждением управлял самозванец – еврей, выдававший себя за офицера СС, некий Фриц Шервиц. Под его покровительством, которое сравнивали с деятельностью Оскара Шиндлера, Лурье и его отец были отправлены в богадельню для солдат вермахта «подручными, санитарями и обслуживающим персоналом». В свой первый концлагерь они попали только в августе 1944 г., когда советская армия уже приближалась к Рижской области. Тогда Шервиц договорился о переводе 800 своих работников в Саласпилс, где было бы относительно безопасно во время массовой бойни, «которая наверняка будет предшествовать немецкому отступлению». К ноябрю 1944 г. Лурье с отцом были интернированы в Бухенвальд-Магдебург, где оставались до апреля 1945 г. Здесь говорит больная совесть Лурье: он пережил войну, потому что «подчинился» нацистской власти. Он выживает в Америке, потому что живет рабом. (Wronoski, John. “Boris Lurie, A Life in the Camps”, в: *KZ-KAMPF-KUNST. Boris Lurie: NO!art*. New York: NO!art Publishing, 2014.)

133 Первый памятник рижско-румбульской трагедии был поставлен в 1962 г. Советская власть его не одобрила, поскольку на нем говорилось

только об убийстве евреев. Лукавая отговорка: жертвами и были исключительно евреи. На другом, безликом памятнике написали: «Жертвам фашизма». Незадолго до распада СССР были возведены более адекватные монументы.

392

134 Декор в Доме Аниты сексуально окрашен, и светильник в виде одного мужского яичка освещает несчастных странников скудным светом. Предполагаемый монорхизм Гитлера служил источником множества шуток во времена его правления.

135 Мезуза – кусок пергамента, обычно в декоративном футляре, со стихами из Торы – молитвой «Шма Израэль», начинающейся словами: «Слушай, Израиль, Господь – Бог наш, Господь один».

136 Штетлы («местечко», *идиш*) – маленькие, первоначально еврейские городки, разбросанные по нынешней территории России и Польши в XIX–XX вв. Жизнь штетлов неумолимо изменилась в процессе модернизации, а затем была разрушена в результате Холокоста.

137 В автобиографии Лурье *In Riga* («В Риге») эта история изложена несколько иначе.

138 *Judenrein* («очищенный от евреев») и *Judenfrei* («свободный от евреев») – термины, использовавшиеся в Третьем рейхе. «Почетными изразлитами» Лурье называет оторванных от своих корней нью-йоркских евреев, которые больше не придерживались какой-либо серьезной религии.

139 Мы делаем вывод, что глава написана после постройки башен-близнецов Всемирного торгового центра, т. е. позднее 1973 г.

140 Красный треугольник носили политические узники в нацистских лагерях.

141 Возможно, Лурье подружился с одной из овчарок, которых нацисты использовали для охраны концлагерей.

393

142 В одном из вариантов Лурье заменяет фразу «приступ смертельной болезни» словом «чистилище». В обоих случаях идея в том, что эмигранты, бежавшие от гитлеровского и сталинского режимов, навсегда утратили родину. Места, где они поселились, не стали им «домом» – это лишь некая прихожая, где им некомфортно и где они тоскуют по родине – нередко всю оставшуюся жизнь. Новые режимы, например, Советская Россия, готовы «принять даже скучающую по дому собаку», но не русского или еврея, который во время Второй мировой войны бежал из страны. Раз уж ты покинул Советский Союз, дороги назад нет.

143 К дьяволу (фр.).

144 Охранники постоянно ругали узников лагерей за дурной запах, подтверждавший недочеловеческий статус последних, хотя у них не было ни мыла, ни горячей воды. Вновь прибывших первым делом «дезинфицировали»: порой действительно для того, чтобы истребить вшей и паразитов, а порой лишь в качестве предлога – чтобы загнать их в «душевые» и отравить газом.

145 Лурье вычеркнул здесь смешанную метафору: груди также сравнивались с «яичками – такими прозрачными, что внутри видна новая жизнь».

146 Хотя Анита проводит «отбор» (по прибытии узников в концлагерь офицеры СС и врачи решали, кого оставить в живых, а кто должен умереть) и поносит мертвецов, Бобби все равно считает ее совершенной.

147 Женщина, чьим «прототипом», возможно, была мать Лурье, должна сидеть в одиночной камере. Таково желание автора: держать ее отдельно, оградить от всеобщей деградации... и, возможно, сохранить ей жизнь.

148 Аллюзия на серию обоев с коровами Энди Уорхола.

149 «Самодостаточное хранилище» вставлено при редактировании.

150 Постепенно все еврейские персонажи в книге получают метку *Genickschuss*.

151 «Изобретательный художник» – вероятно, рука, восстанавливающая узника, принадлежит Борису Лурье.

152 Госпожа Анита выходит из игры, и на ее место заступает возрожденная Джуди Стоун. Освободившись от оков искусства и вдохновившись воинствующим иудаизмом, Госпожа Джуди увозит рабов любви в разные места, называемые то Албанией, то Ялтой, то Иудеей. Мы не ожидаем от книги традиционно выстроенного сюжета или

кульминационной развязки в конце. Лурье не был профессиональным писателем, но он был первоклассным художником. Он работал над рукописью лет двадцать или тридцать – вполне обычное дело для писателя, – и текст его обладает исключительной алхимической мощью. Это труд всей его жизни в самом полном смысле этого слова.

153 На Файер-Айленде есть песчаная «Бирманская дорога». До Файер-Айленда можно добраться только на пароме, и там минимальное движение автотранспорта. Главная магистраль – дощатый настил по центру острова. Рассказчик не вдаётся в детали пейзажа: два предложения в этом четвертом абзаце вырезаны из главы про девочку в дюнах.

395

154 Из этих слов значением обладает только «матову», точнее, «ма тову» – в переводе с иврита «о, как хорошо» или «о, как прекрасно». Это молитва, выражающая почтение и благоговение перед культовыми местами: евреи читают ее, входя в синагогу. Адумбар – город в Индии. Возможно, Лурье не вкладывал в эту фразу никакого конкретного смысла; всё, за вычетом молитвы, должно звучать просто как вымышленный язык.

155 Мы приближаемся к моменту, когда Бобби готов отказаться от своего фантома и полностью подчиниться обстоятельствам посредством смерти. Возможно, это отражает пагубное влияние на психику Лурье длительного лагерного заключения в юности.

156 «Хаммурапи хинтену»: Хаммурапи – древнее ближневосточное имя, второе слово – судя по всему, бессмыслица.

157 Смысл этого образа «моря камней» раскрыт в гл. 64 «Птица Яша». Возможно, избивание ребенка отсылает к некоему раннему травматическому опыту.

396

158 Джоплин записала песню «Ядро на цепи» (*Ball and Chain*) со своей группой *Big Brother and the Holding Company* в 1968 г. Джоплин с ее звериным рыком придала новое страстное звучание этому классическому блюзу о безответной мазохистской любви. Известно, что Лурье нравились некоторые произведения классической музыки, русские марши и другая европейская музыка, а также Дженис Джоплин.

159 Отголоски освобождения из лагеря в 1945 г. Когда узники-рабы, лишённые приватности и почти не обладавшие личной волей, внезапно оказались на свободе, это стало для них травматическим опытом.

160 Возможно, это слово имеет какой-то политический смысл: Педро Эухенио Арамбуру был аргентинским генералом, организовавшим государственный переворот 1955 г. против Хуана Перона, который открыто покровительствовал нацистским военным преступникам. Впрочем, это может быть и простой бессмыслицей.

161 Лурье сбежал из лагеря Бухенвальд-Магдебург в конце войны, 11 апреля 1945 г., и несколько дней жил под открытым небом или в заброшенных домах. Можно представить, с каким восторгом

он находил и поедал ягоды и прочий подножный корм, пусть даже скудный в это время года, – после тех помоев, которыми много лет кормили его порабитители.

162 Как ни странно, многие узники, освобожденные или сбежавшие в конце войны, возвращались в брошенные лагеря – единственные знакомые им места, ведь зачастую их увозили в совершенно чужую страну. Лурье и сам вновь «попал в плен» – он вернулся в Магдебург, где его 18 апреля нашел отец.

397

163 У Лурье слово «Действие» не может быть лишено иронии. Немецкое *Aktion* («действие»), как мы помним, – эвфемизм для всевозможных зверств: расстрелов, массовой кремации и прочих убийств.

164 В метафорическом смысле двадцатидвухлетний Лурье – библейский младенец, бежавший из Германии в 1946 г. Теперь же он снова бежит «из Египта» в Израиль, т. е. мы видим возвращение на родину – испуганное бегство от ужасов странного нью-йоркского Всесожжения. Хотя Лурье назвал эту главу «Сожжение Нью-Йорка», редактор оставил лишь кровь, которая разлита в воздухе и густеет. Первая половина главы восстанавливается лишь по памяти и догадкам – в ней описан загадочный пожар, в одночасье уничтоживший Нью-Йорк. Рассказ о нем можно найти в последней главе, «Письмо Ханны Поланитцер к Джуди Стоун».

165 Айдлуайлд – старое название международного нью-йоркского аэропорта им. Джона Ф. Кеннеди. В апреле 1942 г. власти Нью-Йорка начали

возводить намывную дамбу на болотистом поле для гольфа Айдлуайлд. Первоначально планировалось построить скромный аэропорт площадью 1000 акров, но к концу строительства Айдлуайлд вырос впятеро. Коммерческие рейсы начались в июле 1948 г. Аэропорт переименовали в честь убитого президента Джона Ф. Кеннеди в декабре 1963 г., но в 1970-е люди все еще называли его по старинке.

166 Организация освобождения Палестины – в период создания романа одна из самых грозных террористических организаций в мире, которая декларировала своей целью уничтожение государства Израиль.

167 Полуостров Гаспе – восточная оконечность Канады; с высоты отсюда видна береговая линия Нью-Йорка.

168 Отель при аэропорте им. Бен-Гуриона в Тель-Авиве теперь называется «Садот». В этих главах Лурье совмещает два отеля – «Бен-Гурион» и «Американскую колонию».

169 Отсюда и до конца главы оригинальная чистовая рукопись напечатана на тонкой почтовой бумаге 6 x 9 дюймов с логотипом отеля «Американская колония» – «ООО “Американская колония Иерусалима” – Иерусалим, Израиль». Трехстраничный документ проиллюстрирован синим рисунком – отель (основанный в 1902 г.) в окружении, очевидно, кипарисов.

170 Вся глава восстановлена по оригинальной чистовой версии с рукописными пометками

Лурье – деталями, которые при первом издании в 2010 г. были вычеркнуты либо недоступны. В описания добавлены многочисленные подробности.

171 Рубашка кибуцника – простая, ноская белая рубашка. Кепи – военный головной убор с плоским верхом, которую Лурье чересчур детально описывает как нечто среднее между шапочкой члена Лейбористской партии и ермолкой.

172 *Mare Nostrum* («наше море», лат.) – древнеримское название Средиземного моря.

399

173 Древнее название Северной Африки от Гибралтара до Египта.

174 Редкая оптическая иллюзия под названием паргелий, или солнечное гало, наблюдается только при чрезвычайно низких температурах, когда солнечные лучи отражаются от кристаллов снега в облаках. Владимир Набоков в романе «Бледный огонь» описал это явление на арктическом острове Зембла. Оно создает сверхъестественное ощущение потусторонности. У Набокова вымышленная Зембла – метафора бегства от невыносимой реальности. Упоминание о трех солнцах впервые встречается у Аристотеля между 384 и 322 гг. до н. э. Солнечное гало иногда считается дурным предзнаменованием, предвещающим, например, войну.

175 Лурье изображает Албанию последним оплотом, «чистым» и идеальным воплощением его любимой политической системы. Он идеализирует свое утопическое пристанище. Истина, однако, в другом: после поражения сталинизма в маоистском Китае Албания провозгласила себя

единственной подлинно марксистско-ленинской страной в мире. Тиран Энвер Ходжа создал жесткую систему государственного самообеспечения, которая запрещала правительству получать иностранную помощь или инвестиции, что в конечном итоге привело к экономическому коллапсу.

400

176 «Нюрнбергские законы», введенные нацистами в Германии в 1935 г., в числе многочисленных ограничений запрещали арийцам вступать в сексуальные отношения с евреями.

177 После сцен, в которых обнаженные юнцы публично занимаются сексом со стариками, товарищ Орел пускается в рассуждение о том, как неправильна практика абортов. Отвечая на второй вопрос, он говорит о марксизме-ленинизме как о новой религии. Также во фрагменте, где персонажи разглядывают реалистические скульптуры современных людей, товарищ Орел рассказывает о различных формах развлечений – в манускрипте прописанных довольно поверхностно. Эти три длинные лекции не включены во второе издание, но заключительное сравнение Искусства ради Искусства и западной потребительской культуры сохранено, как и в первой редакции.

178 Коммунистический Орел незаметно превращается из военной фигуры в религиозную. В утопии Лурье идеальное Государство должно быть и религиозно-этическим.

179 Очевидно, эта птица русская, и она, как и румбульские странники, знает, что Бобби тоже русский. Неспособность понять речь птицы от-

ражает оторванность Бобби от родной культуры. Лурье уехал из России в детстве, а в Риге говорил в школе в основном по-немецки.

180 Нацистский пикирующий бомбардировщик «юнкерс» был известен своей зловещей сиреной и способностью быстро выходить из крутого пике.

181 Бикерниеки – братская могила в лесах под Ригой, где предположительно были расстреляны и захоронены более 46 тысяч человек.

401

182 *Spaziergang* – место для прогулки: узникам лагерей иногда разрешали гулять по вечерам в свободное время.

183 «Яша» переводится с иврита как «спасать, избавлять, освобождать»; в книге Зоар – Иешуа, или Иисус. В романе Исаака Башевис-Зингера «Люблинский штукать» (1960) Яшей зовут главного героя-фокусника: ему всю жизнь хотелось научиться летать, и он научается, хотя не совсем так, как планировал. Подобно Птице Яше у Лурье, Яша у Башевис-Зингера плут и бабник. Птицу Яшу критикуют за то, что он плохой член Партии, декадент, пьяница и женолюб, однако он приносит спасение Бобби, помогая вспомнить травматическое переживание, связанное с убийством друга. В этом смысле он, возможно, лучший Спаситель для раба любви, нежели чопорный Орел.

184 В этой главе также немало материала из оригинальной чистовой рукописи, не вошедшего в первое издание.

185 У автора улица называется то «проспект Цветущих Лимонов», то «Лимонный проспект». В средневековой живописи лимон символизировал обиду и неразрешенный конфликт. Глава дополнена материалом из оригинальной чистовой рукописи, что добавило красок и эмоциональных подробностей более скудной версии из первого издания.

402

186 На фотографии Фредди Альборты «Группа Че Гевары» (1967) мы видим официальных лиц, выстроившихся вокруг тела революционера. Один из них грубо приподнимает и предъявляет фотографу голову убитого. Впоследствии этот снимок часто сравнивали с иконографическими изображениями Иисуса, снятого с креста. Сам Альборта рассказывал: «Мне казалось, будто я фотографирую Христа». (Skoller, Jeffrey. *Shadows, Spectres, Shards: Making History in Avant-Garde Film*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2005.)

187 Лурье постоянно писал о своей любимой девушке Любе, убитой под Румбулой, – не только в «Доме Аниты», но и в нескольких рассказах.

188 В переводе с иврита «метцада» означает «крепость». По словам историка Иосифа Флавия, в 66 г. н. э. еврейские повстанцы захватили крепость Масада, построенную Иродом Великим на плато над Мертвым морем. Восстание закончилось четыре года спустя, когда сотни повстанцев и их семьи покончили с собой, но не сдались римским войскам.

189 В Библии упоминается город Лод, или Лидда. Судя по найденным гончарным изделиям, первое поселение датируется 5600–5250 г. до н. э. Во время Арабо-израильской войны в 1948 г. большинство жителей были насильно выселены, но позже заселились снова. Международный аэропорт им. Бен-Гуриона расположен на окраине Лода.

190 *Zog Nit Keyn Mol*, или «Партизанский гимн» – песня на идиш, считается одним из главных гимнов переживших Холокост. Ее исполняют на службах в память о погибших по всему миру, и она стала символом борьбы с нацистским преследованием евреев. Когда оркестр начинает исполнять эту песню, Джуди Стоун прыгает и разбивается насмерть.

403

191 С точки зрения Бобби, бесплодный ландшафт Иудеи апокалиптичен, вопреки общепринятому мнению, что Израиль – земля обетованная. Выражение «сумерки богов», *Götterdämmerung*, означает крах общественного строя, отмеченный катастрофическим насилием и хаосом. В германской мифологии так называлось уничтожение богов, а значит, и всего сущего в последней, проигранной битве со Злом.

192 «Атиква» – государственный гимн Израиля.

193 Это отзвук наставления, данного Господом семье Лота, бежавшей из Содомы и Гоморры. Жена Лота ослушалась, обернулась и превратилась в соляной столп. Джуди, «Госпожа Иудеи», беженка,

хочет, чтобы рабы любви спаслись не только из Нью-Йорка, но и из Израиля, ибо ни тот, ни другой не оправдали ее ожиданий.

194 Бедуин, убийца Бобби – возможно, намек на арабо-израильский конфликт. Однако у этого человека голубые глаза, и говорит он по-немецки, как офицер СС, – последняя кошмарная галлюцинация.

404

195 В 1960-е в Нью-Йорке Борис Лурье создал художественное направление NO!art. Для него это было предельным выражением свободы и бунта против консерватизма, господства поп-арта и любого подчинения статус-кво. Поэтому его герой в бунтарском порыве выкрикивает лишь одно это слово, хоть оно и означает конец его жизни. «Невероятно мощная сила, что поднимается словно из глубин земли» – это сила индивидуального бытия, восстающая против любого и всяческого доминирования, и для Лурье ее выражает одно слово «НЕТ!».

196 Статус «рабов любви» (т. е. мужчин, которые добровольно избрали рабство, дарящее им наслаждение) приводит к тому, что они не способны подчиниться никакой новой форме фашизма.

197 Некоторые фрагменты, касающиеся пожара в Нью-Йорке, были вырезаны из главы 60 «Сожжение Нью-Йорка», в остальном сохраненной почти полностью.

198 Ешивот (ед. ч. ешива) – учебное заведение, где изучают священные тексты, прежде всего Талмуд. Цфат с XVI в. считался одним из четырех

священных городов в иудаизме, наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тверией, и с тех пор остается одним из каббалистических центров.

199 По преданию, Ченстоховская икона Божьей матери была создана евангелистом Лукой и считается чудотворной. Икона почернела от копоти, выделяемой свечами верующих. Автор имеет в виду исторический визит папы римского Иоанна Павла II, поляка, который молился перед иконой в 1979 г. Папа еще дважды навещал Ченстоховскую икону – в 1983 и в 1991 гг.

405

200 Имеется в виду, конечно, «на всю катушку» (*to the hilt*), но оригинальный оборот (*to the tilt*) сохранен, поскольку Лурье повторяет его во многих вариантах рукописи. И вообще, его версия интереснее, чем клише.

201 Сюрреалистично и невероятно, однако правда: Сад скульптур действительно существует в Иерусалиме. Его спроектировал известный скульптор Исаму Ногути, а в коллекции есть работы Огюста Родена, Пабло Пикассо, Сола Левитта и Класа Олденбурга.

202 Нацистский концлагерь в рижском пригороде Межапарк, построенный в марте 1943 г., во время оккупации Латвии. Первыми узниками были несколько сотен осужденных из Германии. После ликвидации гетто в Риге, Лиенае и Двинске в июне 1943 г. оставшиеся в живых латвийские евреи, а также те, кто уцелел при ликвидации Вильнюсского гетто, были депортированы в Кайзервальд. Лурье провел там некоторое время после депортации из Рижского гетто. На месте концла-

геря сейчас построена детская площадка и жилой комплекс. От той эпохи остались только руины – предположительно, сторожевой вышки, – а недавно был возведен памятник.

Когда семья Лурье эмигрировала из России в 1924 году, Рига, столица Латвии, стала для них тихой гаванью, но семнадцать лет спустя она превратилась в смертельную ловушку. В течение нескольких месяцев после немецкого вторжения в июле 1941 года семья Лурье и другие евреи в этой стране были интернированы в гетто. Вскоре после этого начались зверства Третьего Рейха.

30 ноября и 8 декабря 1941 года под Румбулой были убиты примерно 25 тысяч латвийских евреев из Рижского гетто и некоторых соседних городов. Обреченные на смерть прошли пешком 7,5 миль до Румбульского леса. Еще тысяча немецких евреев, первоначально отправленная в гетто, была поездом доставлена на место казни.

Эта зверская расправа, которую по жестокости превзошла лишь «операция» в Бабьем Яру, стала одним из крупнейших массовых убийств в истории человечества еще до начала полномасштабного истребления в лагерях смерти.

Поскольку мужчины от шестнадцати до шестидесяти лет использовались для рабского труда на благо Германии, их оставили в живых. Женщин, детей, пожилых и инвалидов было решено уничтожить.

Мать, бабушку, младшую сестру и первую любовь Бориса Лурье, шестнадцатилетнюю девушку Любу Трескунову, пригнали в Румбульский лес вместе с тысячами других жертв.

Как и многие из тех, кто выжил в этой мясорубке, всю жизнь Лурье испытывал чувство вины. Они с отцом спаслись от жестокой расправы, поскольку были «полезными работниками», а остальных членов семьи безжалостно уничтожили.

408

За несколько дней до начала расправы советские военнопленные выкопали ямы для братских могил (согласно некоторым источникам, этих солдат потом расстреляли). Нацисты собрали евреев под предлогом переселения для работы на восток и велели упаковать чемоданы с самым необходимым.

Массовое убийство в Румбуле проводила нацистская спецкоманда А при поддержке местных коллаборационистов из группы Арайса – латвийской фашистской полиции. Руководил операцией обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн, до этого возглавивший массовый расстрел в Бабьем Яру.

Жертвы были выстроены в колонны от пятисот до тысячи человек, которых по всему этапу конвоировали более тысячи полицейских и прочего персонала, что само по себе являлось сложной задачей с точки зрения логистики.

Первая колонна прибыла в Румбулу около девяти часов утра 30 ноября. Евреи сдали багаж и вошли в лес. Всем приказали раздеться и сложить одежду и ценные вещи в определенных местах и в ящики для сбора.

Затем жертв строем повели к ямам. Прибытие на место нужно было тщательно организовать для быстрого проведения «операции», т.е. для эффек-

тивного убийства большого количества людей за короткий промежуток времени. Если прибывало слишком много евреев, которых нельзя было расстрелять сразу, их держали в соседнем лесу, пока не подходила их очередь.

Поэтому в главе 51 «девочка» рассказывает о том, как сидела голая в снегу, слышала крики и автоматные очереди. Автор живо представлял себе Румбульскую бойню.

Когда груды отобранной у жертв одежды становились гигантскими, члены команды Арайса грузили вещи на грузовики, которые транспортировали их обратно в Ригу. Убийцы внимательно наблюдали за местом для раздевания, поскольку именно здесь возникала задержка в конвейерной системе, а значит, могли зародиться сопротивление и бунт.

Джуди, Госпожа-еврейка из Дома Аниты, прячется в безопасном месте – под грудой грязного белья. В самом деле, одна из трех выживших во время Румбульской трагедии спряталась именно таким образом и вернулась в Ригу.

Обреченных на смерть заставляли спускаться по скатам в ямы – колонной по одному, по десять человек за раз. Нередко они ложились сверху на уже расстрелянных жертв, многие из которых были еще живы, извивались, дергались, истекали кровью, забрызганные мозгами и вымазанные экскрементами. (Ср. «оргии» в Доме Аниты, заканчивающиеся тем, что слуги извиваются, беснуются и испражняются под себя.)

Стрелки убивали евреев с расстояния около двух метров, целясь в затылок. По приказу Еккельна для экономии амуниции на одного человека отводилась всего одна пуля. Отсюда символический

Genickschuss – выходное отверстие посредине лба у Странников, которое вскоре появляется и у самого Бобби.

К концу первого дня было расстреляно около 13 тысяч человек, но не все из них умерли сразу. По рассказам очевидцев, «земля еще долго шевелилась из-за множества полуживых людей».

410

До 11 часов утра следующего дня голые раненые люди еще бродили по лесу в поисках помощи, но так и не получали ее. Профессор Эзергайлис пишет: «В яме продолжалась жизнь: окровавленные, извивающиеся люди приходили в сознание... В глубокой ночи слышались стоны и всхлипы. Вероятно, под весом человеческой плоти задохнулись сотни».

Кошмарное зрелище ямы, где посреди ночи извиваются полуживые, отражено в состоянии и внешнем виде пяти Странников: они уже мертвы, но по-прежнему живы, от них воняет, но они еще полностью не разложились.

У Лурье они разыскивают слугу Бобби, постепенно приходящего к пониманию того, что он тоже один из уцелевших. Девочка-подросток, прототипом которой послужила возлюбленная Лурье – Люба, осуждает его за то, что он бросил их на произвол судьбы. Разумеется, он ничего подобного не делал, но память выжившего нередко подтверждает ее правоту: «Наверное, я бы мог что-то сделать».

Для проведения «операции» одновременно использовалось не меньше трех ям. Когда они заполнялись телами, их засыпали песком. Раненых просто хоронили заживо.

В конце войны, когда нацисты поняли, что их могут осудить за это преступление, под Румбулой

была проведена операция по уничтожению улик. Русских военнопленных заставили раскопать братские могилы и сжечь трупы. Но задача оказалась невыполнимой, и пришлось от нее отказаться. Исполнители были расстреляны и похоронены там же.

Вероятно, они послужили прообразом для молодого русского солдатика из главы 50, якобы тоже погибшего под Румбулой. Он называет себя военнопленным, и, возможно, поэтому сапоги у него в крови.

Во время советской оккупации Прибалтики, продолжавшейся с конца войны вплоть до 1991 года, память погибших чтили крайне редко. Тем не менее, место расправы под Румбулой стояло особняком, поскольку это было единственное место, связанное с Холокостом на территории бывшего СССР, где местная еврейская община добилась возведения памятника. Первый появился в 1962 году, по инициативе еврейской общины Риги.

Первый памятник, сделанный из дерева, вскоре был снесен советскими властями – очевидно, на основании того, что он был посвящен только еврейским жертвам (несмотря на то, что на этом месте действительно были убиты в основном евреи – в отличие от концлагерей, где жертвы были из разных стран и придерживались различных «нежелательных» убеждений, как, например, политические диссиденты).

Однако еврейская община не отступала. Поэтому в конце концов власти разрешили поставить другой памятник, настояв на более «обобщенной формулировке», в соответствии с привычной литпропагандой – фокус на советских жертвах

фашизма, прославление мучеников советского сопротивления и победы СССР над нацистской Германией.

Памятник, появившийся в результате этого компромисса, был возведен в 1964 году, и хотя евреи по-прежнему не упоминались, он явился невиданной победой над советской практикой замалчивания Холокоста.

После распада СССР место Румбульской трагедии получило более широкую известность, и там проводились встречи в память о совершенных зверствах. Благодаря финансированию из-за рубежа и из Латвии, к 2002 году был возведен нынешний мемориальный комплекс. Братские могилы по-прежнему остаются нераскопанными.

Теренс Селлерс

СОДЕРЖАНИЕ

Юлия Кисина

Гитлер и сексуальная революция..... 5

Теренс Селлерс

Дом, который построил Борис Лурье.....27

Борис Лурье

Дом Аниты

Часть 1. Дом 42

Часть 2. Гости 139

Часть 3. Отдаленные места 264

Теренс Селлерс

Комментарии 354

Теренс Селлерс

Румбульская трагедия 407

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Хьюберт Селби
БЕС

Гарри Уайт надеется разбогатеть, сделать карьеру, жить с очаровательной женой и милыми детьми в большом доме. Всё это ему удастся, но темная сила не позволяет Гарри насладиться достигнутым. Благополучный менеджер одержим запретными желаниями: он жаждет совокупляться, воровать, убивать!

Гертруда Стайн
ИДА

10 декабря 1936 года Эдуард VIII подписал отречение от престола ради того, чтобы жениться на Уоллис Симпсон. Известие об этом стало мировой сенсацией. История британского короля и его возлюбленной привлекла внимание Гертруды Стайн. Она решила написать роман «Ида», героиней которого стала бы Уоллис Симпсон. Но постепенно замысел книги менялся. Ида все меньше походила на герцогиню Виндзорскую. Она путешествовала по Америке, перебираясь из одного штата в другой, заводила собак, встречала разнообразных мужчин, порой выходила замуж и наконец обрела Эндрю, своего короля.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Эрве Гибер
Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз.

Эрве Гибер
ЦИТОМЕГАЛОВИРУС

«Цитомегаловирус» был опубликован в январе 1992 года, всего через несколько недель после смерти Эрве Гибера в больнице, куда его доставили из-за попытки самоубийства. «Слова побеждают все!», – говорил писатель. Его дневник это подтверждает.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Герард Реве

БОГ ОЧЕНЬ ОДИНОК

Запах одежды Мальчика; магия игры света на его волосах; шелест моря; непроходимый лес, в котором живет Беспощадный Мальчик – один, с ним только его брат, чуть старше него; этот набожный лесоруб не подозревает о безмерной моей страсти. Нет нигде утешения. Ветер в верхушках деревьев поет: «Прошло... Прошло... навсегда...» И я больше никогда не смогу выйти из Леса, поскольку хлебные крошки, которые я рассыпал за собой, все до единой расклеваны птичками.

Эрве Гибер

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы?

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Эрве Гибер

МОИ РОДИТЕЛИ

Почему двоюродная бабка Луиза перевернула вверх дном квартиру своей сестры Сюзанны? Какие документы она пыталась отыскать, и что было в сожженных письмах? Правда ли, что в них говорилось о постыдном проступке матери Эрве Гиберра? Зачем его отец срочно покинул Ниццу, бросив свой ветеринарный кабинет, парусник, зеленый форд, двух лошадей и невесту? К какому шантажу прибегают родители маленького Эрве, дабы заполучить семейные реликвии? И где спрятано золото, которое то закапывают, то выкапывают, не в силах расстаться с ним? Для родителей нет ничего страшнее неукротимой тяги сына к поискам истины.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Эрве Гибер

ПОРОК

Гибер показывает нам странные предметы – вибрирующее кресло, вакуумную машину, щипцы для завивки ресниц, эфирную маску, ортопедический воротник – и ведет в волнующий мир: мы попадаем в турецкие бани, зоологические галереи, зверинец, кабинет таксидермиста, открывая для себя видения и страхи писателя и фотографа. Книга, задуманная и написанная в конце 70-х годов, была опубликована незадолго до смерти писателя.

Эрве Гибер

ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преобразования и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Эрве Гибер

СМЕРТЬ НАПОКАЗ

Язык и член – полны жизни – оголены, у них нет кожи. Язык – говорит, мокнет в слюне, ест, сосет, входит внутрь и выходит. Член – его едят, он сам ест и льет свое семя. Излияния слов, слюны, спермы. Гомосексуальное тело – анально-фаллическое письмо. Именно тело, конечно же, говорит, пишет, исследуя себя и вписывая себя в текст. Устраивает представления, впадает в истерику, занимается садомазохизмом. Говорит о желании и оргазмах. Раскрывается, рвется, буравится. Описывает свои органы и заставляет играть их, словно музыкальные инструменты. Состоять в садомазохистских отношениях с письмом, – посредством его – вскрывать, препарировать собственно тело и препарировать самое письмо.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2

в Санкт-Петербурге:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)

в интернете:

«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

Борис Лурье

ДОМ АНИТЫ

Перевод с английского Юлии Кисиной и Валерия Нугатова